В этом номере

ISSN № 0130-7045

МИНСКИЙ АЛГОРИТМ

Опыт воспитания в коллективе

РАЗГОВОР О НРАВСТВЕННОСТИ

«Круглый стол» редакции

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

Э. ФИЛИМОНОВ

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

И. АЧИЛЬДИЕВ

ЗАПОВЕДИ МАХАЛЛИ

Е. ЛОСОТО, В. ХАРАЗОВ

Ваше письмо получили

Хью УОЛПОЛ

ТРУБНЫЙ ГЛАС

Рассказ

2 • 1980

Открытие Всесоюзной вахты памяти на площади Победы в подмосковном городе Наро-Фоминске, где проходили жестокие бои с фашистскими захватчиками.

Участники боев за Наро-Фоминск на Вахте памяти. Один из них — М. Л. Найда вручает комсомольские билеты.

Там, где проходил в 1944 году рубеж боев стоит памятник артиллеристам, героически сражавшимся здесь в то время. У этого памятника принимает военную присягу комсомолец Юрий Костюков, отец которого артиллерист Б. Н. Костюков принял здесь в начале войны свой первый бой.

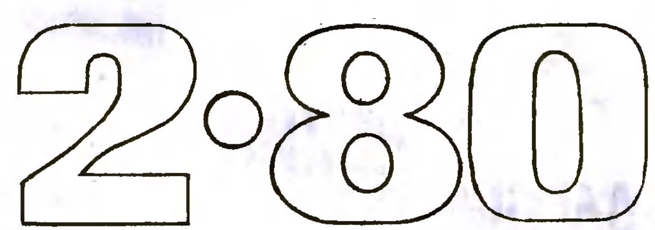
У Вечного огня на площади Победы в Минске всегда много людей.

Скульптурная композиция в белорусском городе автомобилестроителей Жодино — мать провожает на войну сыновей. Прообразом патриотки стала жительница города А. Ф. Куприянова, вырастившая пятерых сыновей, героически погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Младший из них — Герой Советского Союза Петр Куприянов повторил в бою подвиг Александра Матросова.

Фотохроника ТАСС

НАУКА И РЕЛИГИЯ

НАША ОБЛОЖКА

Шестьдесят второй раз отмечает наша страна день рождения Советской Армии. «Наш опыт показал, насколько жизненно важно для трудящихся, взявших власть, иметь надежные Вооруженные Силы, способные отразить любую агрессию», — сказал в своем докладе, посвященном 62-й годовщине Октября, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Советских воинов всегда отличают высочайший героизм, стойкость и патриотизм, глубокое осознание своего революционного долга. Это люди, которые шли на смертный бой, совершали подвиги не во имя иллюзорного блаженства на «том свете», не для утверждения своей религии или власти кучки эксплуататоров, как не раз бывало в истории, а ради земного счастья широчайших масс трудящихся, ради построения самого справедливого и счастливого общественного строя на земле. Их самоотверженность, величие духа, гуманизм их правого дела особенно ярко проявились в годы Великой Отечественной войны советского народа против фашизма. Ведь это они вынесли на своих плечах все тяготы труднейшей из войн, отдали ради Победы миллионы своих жизней.

И советский народ вечно помнит и свято чтит их подвиги, воспитывает на их примерах подрастающие поколения. Героям поставлены памятники, имена их навсегда записаны в нетленные страницы истории нашей социалистической Родины. За 35 лет, прошедших после Победы в этой войне, сложилась целая система традиций, праздников и ритуалов, связанных с памятниками. Возле них проводятся и дни Памяти о подвигах воинов, и патриотические праздники, и прием в пионеры и комсомольцы, и принятие воинской присяги... Даже молодожены теперь после торжественной регистрации брака приезжают к Вечному огню, горящему в честь Неизвестного солдата, чтобы отдать должное памяти тех, кто пожертвовал свои жизни ради их счастья. Обряды и ритуалы эти не только внешне, но и по самому своему смыслу глубоко атеистичны. Они направлены не на заботу об эгоистическом «спасении» собственной души, а на дела чисто земные — на почитание памяти людей, совершивших подвиг, и на то, чтобы на этих примерах воспитывать у новых поколений такие же высокий патриотизм и гуманизм, стремление добиваться счастья и процветания всех трудящихся в этом, реальном мире.

На второй странице нашей обложки показаны несколько памятников, посвященных подвигу советских людей в Великой Отечественной войне, и некоторые из ритуалов, проводимых возле этих памятников.

Мартирос Сарьян — художник, творчество которого известно всему миру. Оно навсегда скреплено с нашей страной, его размышления о связи искусства с народом были не только кредо художника, но и нечто глубоко уходящее корнями в родную почву... В Сарьяне чувствуется неразделимость с природой, а в его искусстве — мощь здорового начала, зовущего к жизни, мудрость, отсеивающая преходящее, отбирающая вечное.

Творчеству М. Сарьяна посвящены в этом номере очерк Т. Зурабяна и третья страница обложки.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцать первый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются.

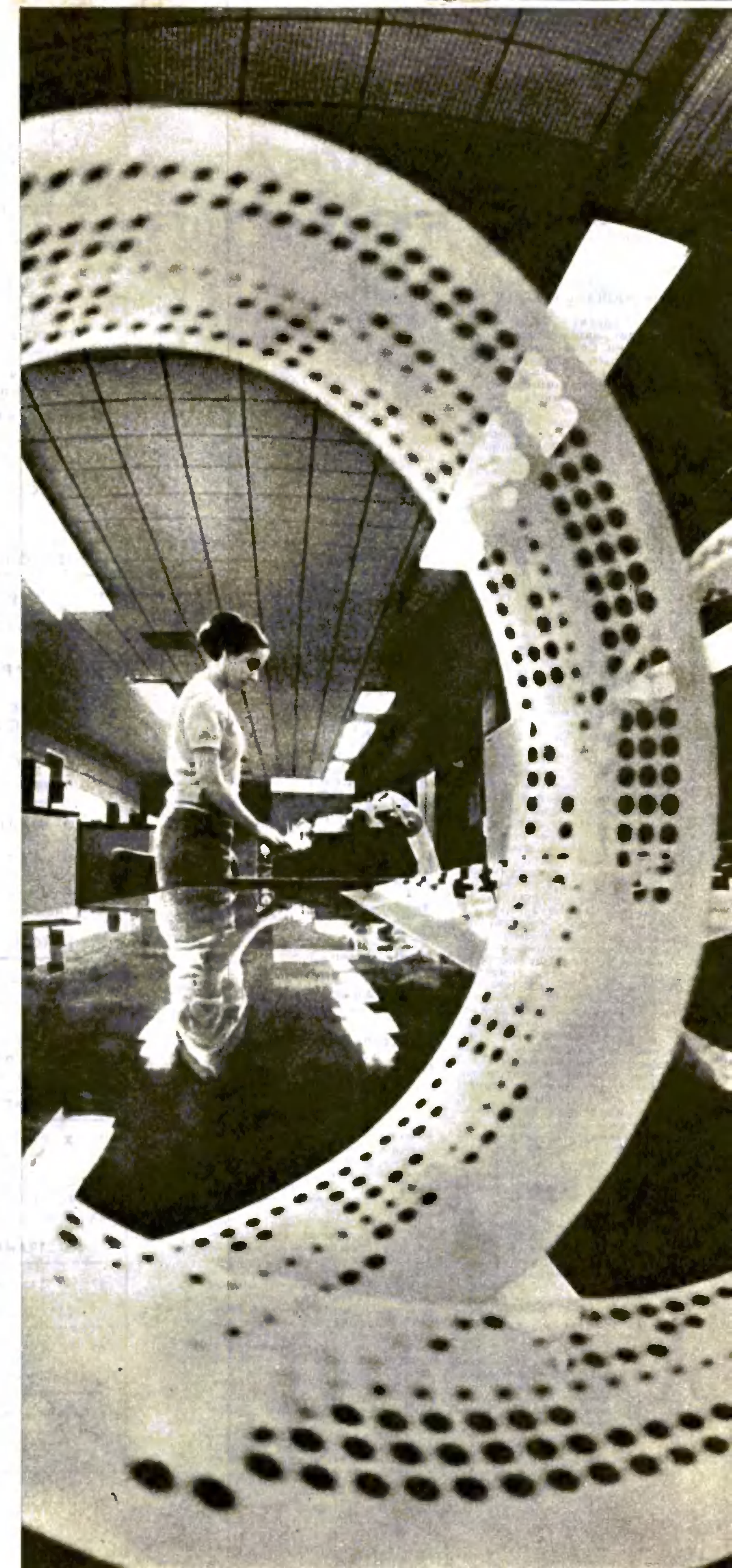
МИНСКИЙ АЛГОРИТМ

МПОВТ

На XXV съезде партия провозгласила экономическую стратегию на десятую пятилетку — непрерывное повышение эффективности производства, качества работы во всех звеньях народного хозяйства. Об этом еще раз напомнило Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы». Выполнить поставленные задачи можно лишь при условии, если не менее 90 процентов прироста промышленной продукции будет обеспечено за счет роста производительности труда, систематического обновления выпускаемых изделий, повышения их качества, строгого соблюдения стандартов, технических условий и технологической дисциплины. А это зависит прежде всего от людей — главной производительной силы общества, от их умения и навыков, производственного и социального опыта, их трудовой и социальной активности.

Все эти истины обретают наглядность, когда побываешь в Минском производственном объединении вычислительной техники (МПОВТ). У проходной его головного завода можно прочитать: «Предприятие высокой культуры производства».

Высоких показателей коллектив предприятия достиг прежде всего за счет умелого объединения экономических, организационно-технических и воспитательных мер, хозяйственной и идеологической работы. За счет того, что весь арсенал форм и методов коммунистического воспитания людей приведен здесь в соответствие с требованиями научно-технической революции. Наконец, за счет понимания того, насколько сегодня силен эффект так называемой «обратной связи», когда мировоззрение и идейно-нравственная позиция человека сказываются на качестве его работы, а условия и результаты труда — на формировании и содержании личности.

А. ХАРЛАП,
заместитель секретаря парткома Минского производственного объединения вычислительной техники

СОПРЯЖЕНИЕ

ЕСЛИ ДАЖЕ бегло перелистать общественно-политическую периодику последних лет, то легко обнаруживаются: ведущая тема—идея комплексного подхода, и основные направления, по которым идет главный разговор,— вопросы производительности, качества труда, а также воспитания человека. Этот разговор то ведется проблемно, то дробится так, что порой и не сразу различишь его связь с лейтмотивом. Однако рано или поздно эта взаимосвязь обнаруживается, подтверждая тем самым мысль, особо подчеркнутую на XXV съезде КПСС: задача повышения эффективности и качества продукции — проблема комплексная.

Сейчас — это уже аксиома. Но чтобы прийти к ней, мы должны были попасть в ситуацию поистине чрезвычайную...

Хотя к концу восьмой пятилетки наш коллектив освоил уже два поколения ЭВМ, предприятие в целом работало неритмично: в третью десятидневку выпускалось более трех четвертей ежемесячной продукции. Такое положение дел, естественно, сказывалось на ее качестве. В 1970 году под угрозой срыва оказался даже государственный план, согласно которому до конца пятилетки нам предстояло не только запустить в производство новую машину «Минск-32», но и без расширения производственных площадей более чем в 2,5 раза увеличить выпуск ЭВМ.

Коллектив тщательно проанализировал создавшееся положение. Конечно, многое определялось материально-технической базой. Однако в немалой степени решение проблемы повышения производительности и качества труда зависело и от людей — их профессионального мастерства, культуры, опыта. И, что особенно важно, от их заинтересованного отношения к труду — качества, которое приобретается не от рождения, а формируется в процессе воспитания.

Само собой разумеется, что борьба за отличную продукцию велась на предприятии со дня его основания в самых разных формах и самыми различными средствами. Но тогда, в 1970 году, стало ясно, что даже самые эффективные из них, если они не взаимосвязаны не в состоянии кардинально улучшить дело. Добиться этого можно лишь при помощи глубоко продуманной системы, которая не только объединила бы научные, организационно-хозяйственные и технические мероприятия и методы, но и просчитала бы их с точки зрения «человеческого фактора». Забегая вперед, скажу, что именно такой подход и позволил нам создать коллектив, которому впоследствии было присвоено звание «Предприятие высокой культуры производства».

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»

То, что разговор о качественной продукции, это, в конечном счете, разговор о людях, в принципе ни у кого не вызывает возражений: человек — мера всех вещей. Но только в принципе. На самом деле далеко не всем виден этот аспект разговора. Пока в рассуждениях о качестве больше «везет» не людям, а технологии. Для примера сошлюсь на стенограмму одной любопытной беседы, состоявшейся у корреспондента «Журналиста» с человеком, внедрявшим на львовском производственно-техническом объединении «Электрон» известную сегодня всей стране Комплексную систему управления качеством продукции (КСУКП):

КОРРЕСПОНДЕНТ. Скажите, как борьба за качество продукции отразилась на нравственном облике рабочего цеха?

С. Введение новой технологии сыграло прежде всего большую роль в материальном стимулировании наших рабочих... (собеседник подробно перечислил технологические новшества, экономические показатели, различные виды премий, установленных за высококачественную работу).

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как... движение за улучшение качества телевизоров отразилось на нравственном облике электромонтажниц?

С. Требовательность! Если брак по вине работника, бригада лишает его права на личное клеймо, товарищ чувствует себя неуютно. Если приходит представление из милиции — допустим, задержали кого-то в нетрезвом состоянии, — реагируем сразу и очень резко. Недостойное поведение бьет виновного по карману.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что еще вы замечаете в людях, какие новые черты?

С. Знаете что? Давайте я вас лучше с партгруппоргами познакомлю. Они вам все и расскажут...

Думаю, комментарии излишни.

Я уже говорил о том, когда мы почувствовали необходимость в такой системе — в конце 60-х годов. Создали же ее к началу десятой пятилетки. Сейчас на объединении уже разработана и внедрена новая комплексная система высокой эффективности производства и качества работы, или сокращенно КСВЭПиКР. В ее основе — саратовский опыт бездефектного изготовления продукции и львовская КСУКП, горьковская система управления качеством и ярославский опыт, наши первоначальные варианты (КСОБТ, КСУКР) и другие системы.

С самого рождения системы во главу угла был положен принцип уважения к каждому честно выполняющему свои обязанности работнику. Принцип, разумеется, не нов, но ведь дело в том, чем он реально обеспечивается. У нас он поначалу «заземлялся» лишь одним так называемым коэффициентом качества, который условно был равен единице, — разумеется, если производственное задание выполнялось идеально. Ну, а если фиксировались какие-то упущения, сказывавшиеся на качестве продукции, из коэффициента вычитались десятые и сотые доли. Этим система не позволяла человеку ни скрыть свой брак, ни свалить вину на другого. Сейчас, в новом варианте системы, труд каждого оценивается более всесторонне, что, естественно, открывает перед нами огромные воспитательные возможности.

Оценивается труд каждого на так называемых днях качества, которые проводятся еженедельно. Понимая, что делать это нужно с абсолютной точностью, поскольку даже малейшие проявления субъективизма могут стать источником конфликтной ситуации в коллективе, коммунисты объединения решили функцию учета и контроля поручить самому беспристрастному судье — электронной вычислительной технике.

ЭВМ прочно вошли в повседневную жизнь предприятия: давно уже пущена, например, первая очередь автоматизированной системы управления (АСУП). Технической ее основой были наши же «Минск-22» и «Минск-32». Кстати, не будь внедрена на объединении АСУП, мы, по подсчетам ученых, теряли бы свыше миллиона рублей государственных денег. Теперь АСУП переданы и оперативные задачи: она выдает каждому рабочему перфорированную карту-наряд, а после того как задание выполняется, о чем ОТК делает на карте соответствующую отметку, фиксирует, как оно сделано.

Поначалу казалось, что система направлена лишь на улучшение производственных показателей. Но уже с самых первых шагов ей стали тесны эти рам-

ки: способствуя созданию отличной продукции, она неизбежно влияла на поведение людей, а главное — наглядно показывала, сколь важно сейчас такое качество личности, как чувство ответственности за труд, за положение дел на участке, в цехе, на всем предприятии. И вполне естественно, что в этих условиях партийная организация стала искать наиболее эффективные формы и методы воспитательной работы, которые развивали бы в людях это бесценное чувство.

Сегодня идейно-воспитательная работа на объединении направляется созданной при парткоме идеологической комиссией. Формы и средства этой работы разнообразны.

Вот одна капля из этого безбрежного моря...

Марксистско-ленинское образование, формирующее высокую сознательность и идейную убежденность, способствующее пониманию человеком своей значимости. Кстати, наша практика убедительно показывает, что в первых рядах социалистического соревнования, где идейно-воспитательный фактор, по сути, — важнейший, идут слушатели системы политического и экономического образования. В своем стремлении принести наибольшую пользу обществу его участники охотно делятся друг с другом производственными «секретами», накопленным опытом или, скажем, идут по примеру Валентины Гагановой в отстающие бригады.

А вот еще несколько капель...

...Максимальная информированность о положении дел на предприятии. Люди должны быть настолько в курсе всего происходящего, чтобы у них само по себе возникало чувство сопричастности к жизни объединения.

...Благодарственные письма семьям победителей социалистического соревнования — скромные выражения признательности коллектива.

...Походы по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа — напоминание о том, что ты начинаешь не на пустом месте, что тебе передано самое лучшее, и о том, какая огромная ответственность лежит на тебе перед народом. В прошлом году, например, таких походов состоялось более двухсот.

...Посвящение в рабочие. Оно помогает начинающим понять, что трудиться в нашей стране — значит делать дело не только ради копейки в собственном кармане. Это — общая, кровная, от сердца идущая заинтересованность в строительстве нового общества.

Такой труд — труд как забота — рождается и в результате нравственного воспитания, объясняющего высшую формулу ответственности «один за всех, все за одного»; и — идейно-политического, которое делает видимой связь между патриотической задачей умножения экономического потенциала страны и личным трудом каждого; и — трудового, высшей формой которого является социалистическое соревнование; и, разумеется, атеистического, отрицающего индивидуалистическую психологию «кающегося и спасающегося грешника» и убеждающего человека в том, что блага, которые он когда-то ожидал от высших сил, на самом деле приобретаются собственной инициативой и силами...

КУДА ПОКАЗЫВАЕТ СТРЕЛКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОМПАСА!

Если взглянуть на повестки дня заседаний парткома, легко убедиться, что, как и на других предприятиях, мы чаще всего обсуждаем вопросы трудовой жизни коллектива. С одной, правда, существенной поправкой: просчитывая их с точки зрения «человеческого фактора».

Всего один пример. В свое время наши инженеры Валерий Заволокин и Виктор Круглов предложили метод, позволивший расчленить трудоемкий процесс наладки на ряд сравнительно простых операций. И вот когда это без сомнения облегчавшее работу новшество было внедрено в производство, на стол начальника цеха легли заявления наладчиков с просьбой об увольнении. Мотивировались они так: «Работа в цехе морально не удовлетворяет».

Как же должен был поступить начальник цеха, увидев на столе эти заявления? Вызвать к себе в кабинет каждого и сказать: «Если ты, дорогой товарищ, человек грамотный, то должен понимать, что государству и всем нам от такого изобретения — прямая выгода»? А народ у нас, как известно, сознательный: зажал бы каждый в кулак свои эмоции и вернулся на свое рабочее место, чтобы честно и... скучно трудиться.

Я сам был наладчиком и знаю, что это за труд. Каждая новая машина — это захватывающий поиск и ни с чем не сравнимая радость найденного решения. Чувство рабочей гордости, радость творчества и буквально эстетическое наслаждение от самого процесса труда, его результатов — вот что движет людьми этой профессии. И понятно, что, когда людям, для которых тезис о том, что в век НТР наука стала непосредственной производительной силой общества, — само собой разумеющийся факт, предлагают менее творческую работу, реакция могла быть только отрицательной. И, если вдуматься, она правомерна, поскольку не расходится ни с потребностями НТР, ни с принципом социализма «От каждого — по способностям...».

В конечном счете мы совместили стремление людей к творчеству с несомненно рациональным упрощением наладочных работ: организовали труд наладчиков так, чтобы каждый мог время от времени менять вид работы. В этом случае не страдали ни технология, ни универсализм специалистов, а главное — не нарушалось одно из основных

Член парткома объединения слесарь В. Таварасьян.

Монтаж компьютера.

правил мировоззренческого алгоритма: человек, которому условия жизни позволяют применять свои способности, по стилю мышления качественно отличается от того, кто такой возможности не имеет.

«...Производственный порядок, — отмечал В. И. Ленин,— обусловливает социальные, политические и чисто духовные процессы жизни». И этот порядок тоже составляет предмет особой заботы парткома. Ведь что такое, к примеру, разговор о внедрении АСУП в производство? Обсуждение чисто технических вопросов? Не только. У нас речь идет главным образом о создании условий, при которых, во-первых, каждый уверен, что его труд будет оценен по справедливости, а во-вторых, материализуется, казалось бы, элементарное, но тем не менее еще поразительно легко забываемое правило: прежде всего необходимо организовать труд людей. Ведь плохо организованное производство ведет не только к снижению экономических показателей. В этом случае и эффекта от воспитательной работы не жди. Это все равно, как если бы в одном вычислительном центре оказались две конструктивно несовместимые машины — скажем, «Минск-32» и БЭСМ. Они просто «не сработались бы».

Помню, пару лет назад я смотрел документальный фильм «Порядок». Там директор произносил примерно такие слова: «Вы не увидите ни штурмов, ни необыкновенных трудностей. Нашим героям они просто ни к чему. Вы увидите нормальную — спокойную, ритмичную работу...» Прошли времена, когда выполнение производственного плана во многом зависело только от энтузиазма работников. Это был период, когда, по выражению Л. И. Брежнева, страна проходила начальную школу хозяйствования. А сейчас мы должны понимать, почему даже не всякую производственную инициативу следует поддерживать.

В качестве примера приведу следующую ситуацию. Представьте, что кто-то путем нововведений добился доселе невиданной производительности труда, но не подкрепил это комплексом соответствующих мер. Казалось бы, высокая производительность — прекрасно, но ведь образуется излишек продукции, который грузом ложится на баланс предприятия. Простая арифметика, скажете? Нет, это не арифметика, не алгебра и вообще не математика. Если еще вчера стрелка экономического компаса показывала на «количество», а уже сегодня — на «качество», то это — диалектика. Только она в состоянии объяснить, почему вчера понятие «эффективность производства» отождествлялось с призывом беспредельно наращивать темпы, а сегодня — со строгим расчетом и четкой организацией труда.

«Энтузиазм плюс экономический расчет» — вот суть нового понимания трудовой активности. Недаром в последние годы у нас так возрос интерес к экономическим проблемам: люди хотят быть вдумчивыми, расчетливыми хозяевами. И современное производство создает для этого самые благоприятные возможности, хотя привлечение людей к управлению хозяйством — дело не такое уж и простое. На первый взгляд, образование пришедших к нам рабочих позволяет им брать на себя ответственность за дела производства. Но имея смутные представления о себестоимости продукции и хозрасчете, нельзя стать подлинным хозяином производства. Вот почему воспитание нового человека неотрывно от овладения им экономикой.

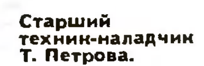
У нас в объединении разработан комплексный план экономического воспитания коллектива. Сюда входят курсы по рационализации и изобретательству, семинары по КЗоТу, публикации в многотиражной газете «Электрон», социалистическое соревнование, дни мастеров, школы коммунистического труда, ну и, конечно, экономический всеобуч, который является важным средством формирования отношений людей к труду и миру. Это лишь на первый взгляд разговор об авралах не затрагивает мировоззрения человека. Но если труд рабочего построен лишь на энтузиазме, если на предприятии бытует «романтическая» атмосфера сверхурочных, если по чьей-либо расхлябанности и нерадивости на ветер выбрасываются сотни и тысячи народных рублей, то это, безусловно, ведет к неустойчивому отношению к действительности.

К слову сказать, разговоры об авралах, сметной стоимости или оборотных средствах — может быть, самый главный строительный материал для формирования ценностных установок. А в наш рациональный век, когда ничто так не убеждает, как точные расчеты и конкретные цифры,— особенно. Ведь в сознании людей прежде всего наиболее прочно «материализуется» то, что имеет личностный смысл.

Да и философствовать нужно не умозрительно, по книжкам, а опираясь на конкретные факты. Кто-то сказал однажды: «Там, где отсутствует точное знание, там действуют догадки, а из десяти догадок девять — ошибки». Так что и с этой точки зрения изучение экономических законов становится фактором, определяющим мировоззренческий, общий взгляд человека на жизнь.

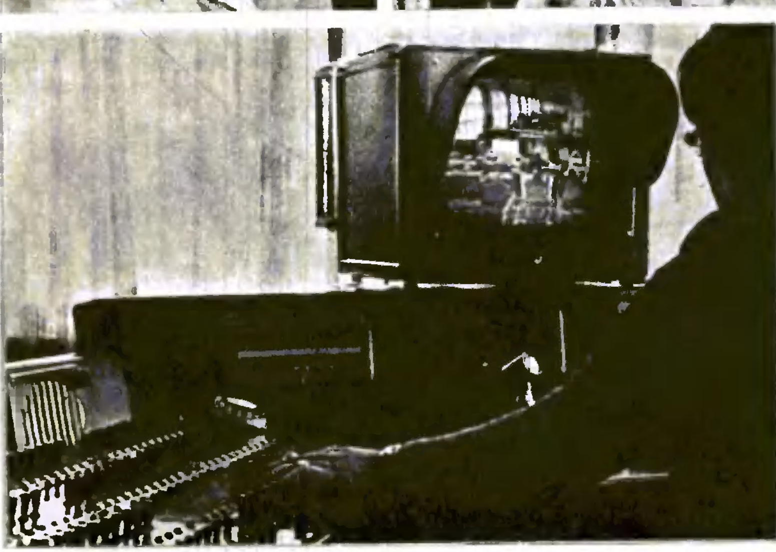

Старший техник-наладчик Т. Петрова.

Регулировщики радиоаппаратуры за работой.

Оператор центрального диспетчерского пульта в любой момент дает нужную информацию о работе каждого участка.

«В ДЕЯНИИ НАЧАЛО БЫТИЯ...»

Настоящее образование, писал в свое время Добролюбов, в первую очередь заставляет определить отношение к окружающему. Но, скажем, для выработки высоконравственного поведения недостаточно одних лишь размышлений о природе морали. Есть только одно средство, способное материализовать идеал,— это труд. И не как средство к существованию (а именно в такой трактовке звучит в Библии выражение «Кто не работает, тот не ест»; недаром оно так и не попало в число нравственных заповедей христианства), а труд, трактующий тот же принцип как первейшую жизненную потребность человека трудиться на благо общества.

В свое время К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что от материальной деятельности зависит всякая иная деятельность: умственная, политическая, религиозная и т. д. Социализм совсем не случайно привел к необратимым процессам в массовом сознании верующих. Таков уж мировоззренческий эффект «раскачки» действием — процесса вовлечения людей в непосредственное решение стоящих перед обществом задач: борьба

за осуществление народнохозяйственных планов оказывается одновременно и борьбой за нового человека, за преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Причем, как показала жизнь, наиболее интенсивно духовный мир советских людей формировался в социалистическом соревновании, ставшем не только средством достижения наивысшей производительности труда, но и методом коммунистического строительства, в том числе и воспитания.

Правда, теологи, хотя, скажем, и спорят, является ли труд божьим заветом, или он — божье наказание, единодушно утверждают, что интенсификация труда ведет ко второму «грехопадению» человечества. А попутно обвиняют атеистов в том, будто мы оцениваем людей лишь по производственным показателям. Что ж, эти показатели для нас чрезвычайно важны. Но мы оцениваем человека не только по его трудовой активности (хотя это и важный фактор), в том числе и по участию в социалистическом соревновании. Оно для нас— сила, формирующая мировоззрение и мораль человека, его отношение к делу, к себе и товарищам.

Организовать соревнование так, чтобы оно одновременно выступало и как результат, и как условие воспитания,— нелегко. Если, скажем, сравнить наши первые социалистические обязательства с нынешними, то разница очевидна. Раньше, будем говорить прямо, личные творческие планы базировались практически на одном энтузиазме, поскольку принимались после утверждения планов производства и распределения фондов. Естественно, в договорах преобладали общие фразы и формальные обязательства.

Партийный комитет внимательно отнесся к предложениям и критическим замечаниям. В частности, член парткома слесарь В. Я. Таварасьян предложил разработать такие условия соревнования, которые открывали бы перспективу роста перед каждым работником. Человек должен быть твердо уверен, что добросовестный труд открывает ему широкую дорогу. «Только такое соревнование по-настоящему действенно, — сказал тогда В. Я. Таварасьян, — когда силы примерно равны. Иначе оно людям неинтересно. Кроме того, неравное соперничество порождает неверие в свои силы и разочарование». Этот факт подтверждали социально-психологические исследования.

Сейчас мы стремимся организовать социалистическое соревнование так, чтобы состязались рабочие сходных профессий и одного уровня мастерства. В объединении стали традиционными, например, конкурсы на звания: «Лучший по профессии», «Отличник качества», «Мастер — золотые руки», «Лучший рационализатор», «Передовик пятилетки».

Каждый вид соревнования состоит из нескольких этапов. Для того чтобы завоевать, скажем, звание «Лучший мастер завода», нужно, чтобы руководимый мастером участок перевыполнял социалистические обязательства (не плановые задания, а обязательства!), чтобы мастер лично участвовал в движении за коммунистическое отношение к труду, следовал принципам морального кодекса строителя коммунизма, активно содействовал техническому прогрессу и повышал культуру производства на своем участке. Наконец, чтобы его участок стал победителем социалистического соревнования в цехе. И это только начало пути. Есть еще звания — лучший мастер объединения, управления, министерства. И наконец, высшее — «Почетный радист СССР». Лестница, как видите, высока, и, чтобы подняться по ней, нужен огромный труд.

Мы используем самые разнообразные формы повышения трудовой активности людей. Каждому, например, интересно сопоставить свою работу с результатами товарища. И такая информация во многих цехах объединения налажена ежедневно: рабочему не нужно ждать конца месяца, чтобы узнать, как он потрудился. Это не только дает человеку возможность подумать, за счет чего одержал победу лучший, но и, не сомневаюсь, сужает сферу превратного отражения в сознании производственной стороны жизни людей.

Ход соревнования систематически обсуждается на рабочих собраниях, в штабе социалистического соревнования, на заседаниях партийных бюро цехов, парткома и профкома объединения, на совещаниях у директора. Рассказывают об опыте победителей соревнования радиогазета «Импульс» и многотиражная газета «Электрон». А зайдите в какой-нибудь цех, на любой участок. Чтобы получить полное представление о делах коллектива, ни с кем даже не надо беседовать. Стенды и диаграммы, фотовитрины и «молнии», коллективные «торжественные обязательства» и «лицевые счета» бригад, участков цехов, отделов — будто раскрытая книга. Все это не только создает атмосферу энтузиазма и приподнятости, но и пробуждает в людях чувство ответственности — чувство, без которого, как говорил А. С. Макаренко, не может быть коммунистического человека, будет «некомплект».

На нашем объединении в социалистическом соревновании участвуют все. Обязательства, естественно, разные, но принцип — общий: «Один за всех, все за одного». Даже ответственность за выполнение личных творческих планов (социалистических обязательств) несут не только их авторы но и начальники цехов и отделов, секретари первичных партийных и комсомольских организаций, представители цеховых комитетов. Причем хочу подчеркнуть: личные творческие планы не есть что-то навязанное людям, это их собственная инициатива. Та самая, о которой В. И. Ленин писал в «Великом почине» как о коренной, решающей победе «над собственной косностью... эгоизмом, над... привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину».

Но, пожалуй, наиболее зримо мировоззренческий и нравственный эффект социалистического соревнования проявляется в движении за коммунистическое отношение к труду. Трудно переоценить его роль, особенно для молодежи. Обнаруживая и развивая способности каждого, оно выступает в то же время и как средство воспитания чувства коллективизма, заинтересованности в труде как форме служения народу. Это религии человек нужен индивидуалистом. На самом же деле подлинное счастье освящается общей заботой. И соревнование, связывая принципом ответственности интересы каждого с интересами коллектива, в корне подрывает психологию эгоизма, индивидуализма, национальной замкнутости, то есть всего того, что служит питательной средой религии.

«Знаете, что такое НТР? — сказал однажды знаменитый шлифовальщик Кировского завода Евгений Лебедев. — Чтобы все было по правде!» И я с ним совершенно согласен. Ведь в соревновании общественно-экономических систем победит не «голое» производство на душу населения, а строй, который создаст наилучшие условия для «производства самой этой души», система, формирующая людей, для которых (воспользуюсь ленинскими словами) работа станет привычкой здорового организма и «за которых можно ручаться, что они ни слова... не скажут против совести».

Сегодня 99,6 процента выпускаемой продукции сдается в объединении с первого предъявления. В движении за коммунистическое отношение к труду активно участвуют свыше 4000 юношей и девушек, более полутора тысяч из них удостоены высокого звания «Ударник коммунистического труда». Подавляющее большинство молодых рабочих досрочно выполнили свои встречные планы. Кроме того, отработаны десятки тысяч часов на субботниках и воскресниках. Смешно даже говорить, что для этих ребят труд — божье наказание, для них он — и жизненная потребность, и форма служения обществу.

МЕТАФОРА АЛГОРИТМА

Говорят, в электронике есть две основные неисправности: нет контакта, где он нужен, и есть контакт, где он не нужен. У нашей системы таких парадоксов не встретишь: с ее помощью как раз и преодолевается разрыв между производственной и идеологической сферами. Помните слова Льва Толстого, вложенные в уста Пьера Безухова: «Сопрягать, сопрягать надо...» Так вот система позволяет сопрягать все — науку с экономикой, экономику с человеком, человека с техникой, технику с идеологией, идеологию с производством, производство с наукой.

Может показаться, что я идеализирую систему, пытаюсь представлять дело так, будто она — сродни ключу от райских врат. Нет, я всего лишь пытаюсь прояснить ее сущность, причем с нетрадиционной стороны — с точки зрения мировоззренческого алгоритма. Конечно, система годится не для любого производства; в существующем виде она, на мой взгляд, естественна только как мера по соединению НТР с социализмом. Впрочем, и здесь не всесильна. Не отработаны, например, до конца формы контроля и стимулирования труда — в частности, для инженерно-технических работников. Да и воспитательное воздействие системы не всегда адекватно оттенкам и полутонам общественного мнения.

Однако преимущества все же очевидны. Прежде всего, КСВЭПиКР «видит» производство как сугубо человеческую проблему, подтверждая тем самым высказанную В. И. Лениным истину, что наши планы превратятся в прах, если не будут подкреплены пропагандистской работой, построенной «на политическом опыте хозяйственного строительства», на что, кстати, еще раз обратило наше внимание постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

Система также помогает донести до

умов и сердец людей и тот огромный атеистический потенциал, которым наполнена НТР. Я уже не говорю о том, что она создает объективные предпосылки для безрелигиозного объяснения мира. В социалистическом обществе, где гуманистическая сущность НТР совпадает с главной целью — благом людей, где производство влечет за собой рост культуры, человек в принципе не может чувствовать себя объектом «божьей милости». Это показывают и наши данные: верующие в объединении встречаются лишь среди рабочих тех специальностей, чей труд не требует большого образования. И наоборот, активную атеистическую работу у нас ведут самые квалифицированные специалисты.

Далее. Преобразуя труд по производству вещей в труд «по производству души», НТР как истинная революция оказывает мощное воздействие на сам стиль мышления: в нем все больший удельный вес занимает анализ, умение обобщать. Недаром богословы обеспокоены тем, что сегодня «человек начинает понимать, что именно от него зависит дать правильное направление порожденным им же самим силам».

И еще. «Социализм,— подчеркивал В. И. Ленин,— ... впервые создает возможность... **широко**, действительно в **массовом** размере... втянуть... большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник...» Это очень важно — обрести себя. Обрести — значит стать счастливым, потому что в первую очередь счастье приходит к тем, кто находит себе занятие по склонности души. И вот он, этот труд, в котором человек утверждает свою сущность, антирелигиозен по самому своему духу: раз человек утверждает свою, человеческую, сущность, значит не приписывает ее никаким посторонним силам.

Однажды В. И. Ленин сказал, что перед союзом пролетариата, науки и техники не устоит никакая темная сила. Думаю, он имел в виду и религию. И на мой взгляд, наша система является эффективным средством укрепления этого союза — главным образом тем, что воспитывает человека-преобразователя.

У нас в объединении работают верующие, и житейский опыт, разумеется, подсказывает им, что в конечном счете все зависит от собственных действий. Но система идет много дальше повседневного опыта: она переводит на язык практики главные понятия нашей философии —

философии, провозгласившей человека высшей ценностью, а его труд — образом жизни;

философии не «винтика», которому нет дела до того, как работают другие механизмы, а их хозяина;

наконец, философии класса, начертавшего на своем знамени: «...Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью... чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех».

Записал К. СТЕПИН

Председатель совета по атеизму С. Руцевич выступает перед пропагандистами.

ПРИОБЩЕНИЕ К ИСТИНЕ

В. ЕВСЕЕВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Просматривая многотиражную газету «Электрон», в рубрике «На атеистические темы» я обратил внимание на письмо, озаглавленное «Почему я порвал с религией». Токарь одного из цехов И. З. Сокол рассказывал о своем выходе из общины пятидесятников, которую посещал с детских лет. Заключал он свое письмо словами: «Сейчас в жизни советского народа происходят большие события. Наш народ ждут огромные свершения в десятой пятилетке. Мы будем жить еще лучше, еще счастливее и краше».

Уж как-то так сложилось, что подобные факты нередко объясняются исключительно результатами атеистической работы. Не упрощаем ли мы ситуацию? Взять, к примеру, случай с И. З. Соколом. Атеистическая работа в объединении, конечно же, ведется: одних лекций по этой тематике за два года прочитано свыше тысячи. Но причина отхода рабочего от религии — гораздо глубже. Поскольку в предыдущей статье рассказывалось главным образом об атеистическом потенциале трудовой жизни объединения, то сейчас мы поговорим о влиянии идейно-воспитательной работы и, в частности, о деятельности кабинета политпросвещения.

Я видел немало кабинетов политпросвещения, но ни один не показался таким уютным, как этот. Небольшие столы стоят просторно, произведения В. И. Ленина расставлены на стеллаже по всей площади одной из стен, в углу — телевизор, у другой стены, на полках,— папки с разнообразным информативным материалом, тут же — справочная картотека. Словом, все на виду, все под рукой. Недаром один из про-

пагандистов заметил, что кабинет политпросвещения объединения — это место, где приятно бывать.

Я не случайно рассказываю о внешнем облике кабинета: в нем четко отразился стиль его заведующей И. В. Галиевской. Изредка прерываясь, чтобы ответить на вопросы приходящих сюда людей, Инесса Владимировна рассказывает:

— Я выросла в семье армейского политработника. Работала старшей пионервожатой в школе, была награждена грамотой Верховного Совета республики «Лучшему вожатому». Потом — заведующая отделом учащейся молодежи в Советском райкоме комсомола города Минска. Окончила педагогический институт. На завод пришла после окончания Высшей партийной школы при ЦК Компартии Белоруссии...

И. Галиевская.

Фото В. Евсеева.

Когда Галиевская пришла на завод, то увидела: пропаганда не поспевала за производством. Нужно было ее перестраивать, готовить новые кадры пропагандистов. Трудно начиналось это дело, зато сейчас их в объединении немало—опытных, грамотных пропагандистов. Каждый год лучшие отправляются на учебу в университет марксизма-ленинизма.

Система политической учебы объединения состоит из трех звеньев. В первом люди, не имеющие среднего образования, знакомятся с актуальными вопросами политики партии. Среднее звено — школы основ марксизма-ленинизма, где работники, имеющие за плечами десятилетку или техникум, овладевают основами научного коммунизма, политэкономии. В высшем звене изучаются работы В. И. Ленина, вопросы теории и политики партии. В нынешнем учебном году введена новая тема «Актуальные вопросы атеистического воспитания в свете требований XXV съезда КПСС и Конституции СССР».

Учитывая особенности производства, тенденции его развития и перспективы, партком направляет основные усилия пропагандистов на формирование духовного мира слушателей. Здесь, правда, нужно отметить следующее. На каждом этапе развития нашего общества жизнь актуализирует те или иные качества личности. В частности, если говорить о сегодняшнем дне, то, как было подчеркнуто на XXV съезде КПСС, это — «обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания...». Иными словами, сейчас во главу угла поставлены идейные, трудовые и нравственные позиции человека. Тот же воспитательный комплекс — и в основе усилий кабинета, возглавляемого И. В. Галиевской.

— Прежде всего, — говорит Инесса Владимировна, — наши пропагандисты стремятся показать каждому слушателю, что одной из непременных оценок человека является степень его политической зрелости. Чем, скажем, привлекательно для нас поколение 30-х годов? Героев первых пятилеток характеризовала горячая убежденность в правоте дела социализма, беспредельная преданность ему, ответственность не только за свои поступки, даже за помыслы, умение за любой работой увидеть судьбу страны, судьбу революции. Это, можно сказать, эталон идейности. Вот такое отношение к делу и стремятся привить сегодня слушателям наши пропагандисты. Они воспитывают у них классовый, партийный подход к оценке фактов, явлений и процессов общественной жизни.

Значительное место отводится в объединении и экономической учебе. Руководит ею заместитель генерального директора по экономическим вопросам. А школы и семинары по данной тематике возглавляют начальники цехов и отделов, мастера, а также рядовые коммунисты, окончившие университет марксизма-ленинизма обкома партии. Особенно широкое распространение получила здесь такая форма учебы, как школы коммунистического труда: их на предприятии около 40. Вот где формируется новый человек, который видит смысл жизни в творческом, вдохновенном труде, считает его первой жизненной потребностью. Достаточно сказать, что из 197 рабочих инструментального цеха, слушателей школ коммунистического труда — 132 — ударники коммунистического труда, все 197 выполнили пятилетку досрочно.

Главная ценность занятий в этих школах заключается в том, что они помогают людям лучше понять, во имя чего они трудятся. Случается, конечно, и так, что «вкалывающий» лишь ради заработка дает продукции больше и лучшего качества, чем тот, кто сознательно относится к своей работе. Но это всего лишь говорит об уровне квалификации. И что любопытно: хотя работа ради заработка не противоречит нашей морали, тем не менее ни одна из ее норм не предписывает трудиться исключительно ради рубля. Недаром общество волнует такая проблема: что стоит за материальным интересом — только ли забота о «лучшем куске хлеба», или же заработок является оберткой действительных человеческих отношений, когда «хлеб насущный» вызывает стремление жить «не хлебом единым».

Ну, а если говорить об экономической учебе в целом, — коммунисты объединения считают своей важной задачей воспитание, как писал В. И. Ленин, против той психологии и тех привычек, которые говорят: я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела. На мой взгляд, именно здесь лежат истоки сомнений И. З. Сокола. Религиозное понимание смысла жизни стало размываться, как только он по-настоящему понял, во имя чего трудятся его товарищи.

Сейчас в системе политического и экономического образования объединения учатся свыше 8000

человек. И надо сказать, что она неразрывно связана с социалистическим соревнованием. Школы коммунистического труда и соревнование — по сути, звенья одной цепи, где находит свое реальное воплощение ленинское требование не ждать, пока социалистический строй создаст социалистический тип личности, а формировать, воспитывать нового человека в самой практике борьбы за социализм.

— Сердцевина учебы, — продолжает И. В. Галиевская, — проникновение в сущность марксизма-ленинизма. Много внимания мы уделяем изучению творческого вклада в теорию, который содержится в решениях партийных съездов, выступлениях руководителей партии. Сейчас, в канун 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, широко вводим слушателей в лабораторию ленинской мысли, учим работе с первоисточниками, умению использовать их на практике. Этому, в частности, служат теоретические семинары, где изучается работа В. И. Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский», а также ее значение в борьбе против извращений учения о диктатуре пролетариата и социалистической демократии. Кроме того, в нынешнем учебном году мы уделим большое внимание рассмотрению такой темы, как «Ленинское теоретическое наследие и экономические проблемы развитого социализма».

Что касается мировоззренческого воспитания в целом, то изучение марксистско-ленинской теории организовано в объединении с учетом специфики производства. Безусловно, актуальным является философское осмысление проблем, связанных с НТР. Довольно ощутимы, к примеру, у некоторых работников веяния техницизма — представлений, будто все в жизни зависит только от техники, а мировоззрение человека, его нравственные установки — дело, мол, второстепенное. Но философское знание служит для человека методологической основой, позволяющей осознать свое место и предназначение. Вот почему в системе политического образования центр тяжести сместился сегодня от вводных, элементарных тем к углубленному изучению актуальных проблем марксистско-ленинской теории.

Атеистическим воспитанием в объединении руководит специальный совет, созданный при идеологической комиссии парткома. Председатель его — опытный пропагандист коммунист С. И. Руцевич. Он окончил факультет атеизма городского университета марксизма-ленинизма. В цехах и отделах объединения читаются лекции, в справочно-информационном центре кабинета оформлен уголок атеиста, в библиотеке — отдел атеистической литературы. Много внимания на предприятии уделяется пропаганде и внедрению социалистических праздников и обрядов. Кстати, около 70 процентов опрошенных социологами работников объединения ответили, что гражданская обрядность способствует упрочению хороших отношений в коллективе.

Планируя свою работу, совет учитывает специфику производства. А она не проста. В объединении в подавляющем большинстве работают образованные, мировоззренчески грамотные люди. В последние годы не было зарегистрировано ни одного случая венчания неверующих или крещения. Но верующие, конечно, есть. Поэтому совет, помимо массовых форм атеистической работы, уделяет большое внимание индивидуальной. И здесь у него есть хорошие помощники — агитаторы-атеисты. В цехах и производственных участках кропотливую работу ведут мастер В. П. Киселев, литейщик А. В. Гуща, электросварщик А. М. Безводицкий, Л. А. Сысков.

Многие из них учились в школе агитаторов-атеистов, где овладевали искусством комплексного подхода, который предполагает, с одной стороны, взаимосвязь и совершенствование средств, форм и методов атеистического воспитания, с другой — его тесное взаимодействие с остальными направлениями идеологической работы: идейно-политическим, трудовым, нравственным и т. д. В школе учитываются и факторы, связанные с воздействием НТР на сознание, мировоззрение людей. Так, в подготовленных парткабинетом в помощь пропагандистам и слушателям методических материалах обращается внимание на роль НТР в формировании научного миропонимания и атеистических убеждений.

Кстати, Л. А. Сысков в свое время много работал с И. З. Соколом. По его совету Сокол окончил вечернюю школу. И на работе не просто выполнял норму, а постигал тайны профессии... Ныне член КПСС Иван Захарович Сокол — ударник коммунистического труда, член заводского комитета комсомола — сам стал агитатором-атеистом.

— Главное в атеистической работе, — говорит Галиевская, — это открыть человеку глаза на самого себя, с тем чтобы он лучше увидел свои реальные возможности, и показать ему реальные перспективы «на завтра». Ведь религиозная вера пагубна не тем, что за ней стоит желание человека, а прежде всего тем, что он принимает желаемое за действительное.

В этой связи хочу обратить внимание на одно обстоятельство: атеистическое воспитание считается у нас как бы самостоятельным направлением идеологической работы. Но ведь атеизм — лишь составная часть материалистического мировоззрения человека. Не зря же одной из характеристик зрелого социализма стало «общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение». Для нас это положение означает, что формирование атеистической убежденности невозможно без основательного изучения марксистско-ленинской теории. Мы же, в силу какой-то давней инерции, все еще воспитываем «чистых» атеистов, в то время как логика подсказывает, что людей следует воспитывать прежде всего мировоззренчески — так, чтобы атеизм был для них всего лишь закономерной стороной мышления.

Кстати, если под таким углом зрения взглянуть на религиозную проблему, то и тут становится ясным, что многое зависит от мировоззренческой подготовки. Ведь на людей сильное влияние оказывают не только достижения в разных областях жизни, но и ее противоречия. Именно противоречия становятся камнем преткновения для религиозного мышления. И способен их преодолеть только диалектически мыслящий человек. Но, как писал Ф. Энгельс, для воспитания в себе этого качества не существует никакого иного средства, кроме изучения... философии.

Вот в каких направлениях ведет свою работу кабинет политического просвещения объединения — предприятия, где принципы и цели развитого социализма находят свое конкретное воплощение, потому что в центре здесь стоят человек и забота о нем, а вся воспитательная работа направлена на то, чтобы он проникся чувством личной ответственности за дела коллектива.

Естественно, все это не может не отражаться на психологии людей, их мировоззрении. Поэтому нет ничего удивительного, что однажды И. З. Сокол написал в газету те, полные сопричастности к большому делу слова: «Наш народ ждут огромные свершения в десятой пятилетке. Мы будем жить еще лучше, еще счастливее и краше».

АРГУМЕНТЫ К НЕОКОНЧЕННОМУ СПОРУ, ИЛИ ХРОНИКА ТРУДОВОГО ДНЯ НАЧАЛЬНИКА ЦЕХА

В. СТАРЧЕНКО,
редактор многотиражной газеты «Электрон»

Заседание цехового штаба ведет А. Лебедев.

ОН ПОЯВИЛСЯ в вагоне на одной из маленьких, неприметных станций.

— Не будете возражать, если я расположусь здесь? — обратился незнакомец к сидящему у окна Лебедеву.

Анатолий Семенович обернулся. Перед ним стоял высокий мужчина средних лет, в светло-сиреневом костюме и в темных очках.

— Пожалуйста, пожалуйста, — закивал Лебедев. — Вместе, действительно, веселей...

Удивительно легко завязываются беседы в пути. Так вышло и на этот раз. О чем только не говорили Лебедев и этот человек, оказавшийся, как выяснилось, православным священником. Но главным образом, конечно, о религии.

— Вот вы — атеист? — спрашивал сосед Лебедева. — Ответствуйте тогда, что есть у людей взамен отобранной у них веры в господа бога?

— Отвечу, — говорил он. — Но сначала позвольте заметить, что вы не совсем точно выразились. Никто ни у кого не отнимал веры в бога. Люди сами поняли, как счастлив тот, чье сознание не обременено религиозной верой...

Спор продолжался до самого Минска. Священник доказывал: люди сегодня все больше отчуждаются, замыкаются в себе, потому что им вовсе нет дела до внутреннего мира другого человека...

Они так и не доспорили — не хватило времени. Да и можно ли в считанные часы завершить тысячелетний спор, даже располагая такими аргументами, какие есть у начальника одного из сборочно-монтажных цехов головного предприятия Минского производственного объединения вычислительной техники Анатолия Семеновича Лебедева.

НАЧАЛО

7.00. Через пятнадцать минут начало смены. Но многие уже на своих рабочих местах. Анатолий Семенович просматривал рапорт дежурного по второй смене. Собственно говоря, делал он это машинально: еще вчера вечером, уходя домой, уже прикинул, что могут дать участки, знал все, что увидит утром в рапорте.

Потом он шел по цеху, приглядыва-

ясь к работницам. Многих, если не всех, он знал в лицо, помнил, какими пришли они сюда когда-то. Еще бы, сколько времени вместе!.. Да, видимо, он никогда не забудет тот день — 23 февраля 1970 года, когда впервые пришел сюда руководителем цеха. Тогда завод только-только приступил к производству новых машин — «Минск-32».

Есть, все-таки, правда в небезызвестных и несколько грубоватых по отношению к руководителю словах: новая метла по-новому метет. Лебедев начал не с приказов и головомоек, а с элементарной организации. Потому что ее здесь и в помине не было. Он прекрасно осознавал, какую берет на себя задачу: сломить уже устоявшуюся в коллективе обстановку — спокойствие, граничащее с равнодушием, научить людей работать по-новому, заинтересованно относиться к делам производства. Весь его опыт подсказывал: действовать нужно решительно, не колеблясь. И он был уверен в себе, в своей правоте.

Трудно, например, внедрялись ежедневные задания каждому участку, каждому работнику. «Зачем? — пожимали плечами многие. — Есть ведь месячные нормы — и хватит!» Однако новшество быстро себя оправдало — работать стали ритмичнее. А через полгода можно было уже говорить о первых успехах...

Лебедев вернулся к себе в кабинет. Принесли вчерашние сводки. Экономисты прикинули результаты по участкам — наглядно видно, кто и сколько сделал. Можно начинать заседание цехового штаба социалистического соревнования.

СЕГОДНЯ — ДВА ВОПРОСА

Ровно в 8.00 начальник смены Анатолий Серафимович Колб поднялся из-за стола, за которым сидели члены штаба соревнования и приглашенные мастера участков, и открыл заседание.

— Сегодня — два вопроса. Первый — анализ нашей работы за вчерашний день. Задание коллективом выполнено на 102,3 процента. Лучше других поработали участки ноль шестой, ноль седьмой и ноль девятый... Однако на участке ноль один — всего лишь 100,1 процента выполнения.

Перевыполнить план — и попасть в отстающие!.. Разве раньше, когда Лебедев только-только пришел сюда, можно было представить такое? Цеху тогда оставили делать только новые узлы. А пришли сюда в тот год свыше двухсот новичков, большинство из которых понятия не имели о том, что такое монтаж радиоаппаратуры. Были и нарушения трудовой дисциплины — молодежь еще не привыкла к производственному режиму. Опытные мастера, наставники взялись за обучение новичков, передавали им свои опыт, знания, нравственные установки.

Взять, к примеру, пятнадцатый участок, хронически отстававший от других. Руководство цеха направило сюда Валерия Павловича Потапова и Александра Васильевича Асташонка. Начали они с организации социалистического соревнования, помогали молодым составлять личные творческие планы, учили работать быстро и рационально, устранять «мелочи», тормозившие работу. Через несколько месяцев коллектив пятнадцатого вышел в число лидеров цехового соревнования. У людей появилась вера в свои силы. И можно себе представить радость всего коллектива, когда пятнадцатому как одному из лучших была доверена сборка блока, выходившего с юбилейным номером.

Нина Дорофеевна Чернявская, новый мастер участка, поручила завершить монтаж юбилейного изделия слесарям-сборщикам Е. Древину, В. Курейчику, В. Боровкову, монтажницам Л. Войнич, Т. Стальмаковой, Е. Степуре, В. Волчек, Т. Гредюшко. Все они отлично справились с почетным заданием. И контролеры ОТК В. Уханова и Я. Гайфуллин поставили на изделие специальный — красного цвета — штамп: сработано на совесть, претензий нет...

Заседание продолжалось... Слово попросил старший мастер ОТК Иван Никанорович Путилин. Он указал на факты нарушения условий хранения изготовленных изделий на участках мастеров Алмазова, Бородина и Карповича: детали — на полу, пылятся, а электроника — вещь тонкая и небрежностей не допускает. По этому вопросу принимается решение: за случаи небрежного хранения изделий снижать виновным коэффициент по комплексной системе управления качеством работы.

Потом рассматривался вопрос о подготовке к цеховой спартакиаде — одному из самых популярных и массовых мероприятий. На такие спортивные праздники приходят семьями, проводится даже конкурс на лучшую спортивную семью.

В жизни нет второстепенных дел. Да, производство — это важно. Но разве отдых людей — не важно?..

КРЕДО

Это уже стало правилом: ежедневно утром включается цеховое радио и Анатолий Семенович сообщает коллективу результаты заседания цехового штаба социалистического соревнования, комментирует успехи и неудачи коллективов, поздравляет с трудовой победой отличившихся работников. К радиогазете настолько привыкли, что, если ее очередной выпуск по каким-то причинам задерживается, — сразу сыплются вопросы мастерам: в чем дело, почему молчит радио? Однажды Лебедева спросили:

— Не надоело тебе вот так каждый день говорить? Поручи другому, у тебя же и без этого дел хватает.

— Нет, не надоело. Хотя бы потому, что люди ждут каждый раз именно моего слова.

Но ответ этот неполный. Основная причина — в характере Лебедева. «Всегда удивляли меня люди, думающие только о своем покое, — сказал он как-то. — А где равнодушие, — там жди беды. Ведь оно, как ржавчина, готовая испортить самый твердый металл. Если уж за что-то взялся, — выложись до конца. Нет ничего более гибельного для человека, чем полубезразличное «сойдет!..» Это и есть его кредо, главная черта характера. На ней, как на фундаменте, базируются все его поступки, начинания и действия, все помыслы о производстве.

Один из выпусков радиогазеты был посвящен передовому опыту молодой монтажницы Людмилы Шалаевой. Цех готовился к выпуску новой продукции. Людмила, зная, что монтаж панелей на печатных платах — задача ближайшего будущего, стала самостоятельно осваивать его. Ради этого она жертвовала свободным временем, хотя никто ее и не заставлял. В конце концов она первая освоила монтаж. А вскоре в цехе открылась «школа Людмилы Шалаевой» — девчата учились у нее этой поистине ювелирной работе (качество этого вида монтажа проверяется под микроскопом).

«Доброе утро, товарищи! Говорит цеховой штаб социалистического соревнования. Подведены итоги за вчерашний день. Поздравляем с заслуженным успехом коллектив участка ноль семь...» А несколько лет назад все обстояло здесь не столь хорошо. Причина крылась в людях — ни дружбы, ни слаженности, каждый сам за себя, до остальных и дела нет. Главное — погоня за длинным рублем.

Тогда на отстающий участок направили Марию Ивановну Мазур, одну из зачинательниц многих интересных дел в коллективе. Новый мастер вроде бы ничего особенного не делала. Но вот кого-то поздравили с днем рождения, вручили цветы, пожелали счастья. Дру-

гому на свадьбу стихи написали, подарок от коллектива преподнесли... Через несколько месяцев положение на участке существенно изменилось: если раньше изобиловали опоздания и прогулы, не говоря уже о производственных неудачах, то теперь и дисциплина наладилась, и производительность труда возросла. Наконец участок стал победителем социалистического соревнования.

Сейчас Мария Ивановна — старший мастер, возглавляет цеховую партийную организацию. И это как нельзя лучше говорит о доверии, которое оказывают ей товарищи по работе.

НЕ МЕНЕЕ ВАЖНЫЕ ДЕЛА

Не хлебом единым жив человек. Нужны ему и театр, и книга, и друзья, и песня. Разговаривая с мастерами, Лебедев часто задает вопрос: «Как у вас идет подготовка к смотру художественной самодеятельности?» И удовлетворенно слушает ответы: обновляем программу, разучиваем новые песни и танцы — все идет как надо...

Началось это несколько лет назад. Однажды он собрал профсоюзный и комсомольский актив цеха, мастеров участков и предложил организовать художественную самодеятельность: «Это еще крепче сплотит коллектив». Оказалось, талантов своих хоть отбавляй. Итоговый концерт прошел прямо в цехе. Горячие аплодисменты зрителей вызвали выступления монтажниц В. Костровой, Г. Дидули, Л. Булаевой, пропитчицы З. Шелег и многих других.

С тех пор люди по-иному стали смотреть друг на друга — внимательней, что ли. Вон, оказывается, как прекрасно поет Галя Лягуш! А как чудесно играет на баяне Александр Асташонок, замечательно танцует Люба Булаева!

А вот еще одно не менее важное дело. По-разному можно поздравить человека с трудовым успехом: пожать в кабинете руку и сунуть конверт с премией или собрать в его честь людей на торжественный вечер, прочесть посвященные ему стихи... Хорошая традиция — встречать праздник вместе, всем коллективом — давно уже прижилась тут. Вместе, целыми участками, ходят в театры и кино, на экскурсии, отправляются в поездки по памятным местам республики и за ее пределы. В цехе торжественно проходят посвящение в рабочие, поздравление с первой зарплатой или со знаменательными событиями в жизни людей.

На торжественном вечере, посвященном Дню Победы, коллектив чествовал работающих в цехе ветеранов Великой Отечественной. Комсомольцы приготовили небольшие рассказы о боевом пути бывших фронтовиков. Многие из ветеранов, например мастер, полковник запаса Николай Иванович Морозевич, выступили с воспоминаниями о днях великой битвы. А потом на сцену вышли участники художественной самодеятельности. Свой концерт они посвятили бывшим воинам.

Забота о человеке — главная отличительная черта этого коллектива. Каждый знает, что о нем помнят, думают. Потому здесь так легко выявляются таланты и выковываются характеры, обнаруживаются достоинства и исправляются недостатки.

ДЕНЬ КАЧЕСТВА

По понедельникам к 15.00 кабинет начальника цеха заполняют мастера, начальники служб и различных бюро, представители отдела технического контроля. Начинается День качества, хотя вернее следовало бы его назвать Час качества. Но все-таки это день — для всего коллектива особый. Уже хотя бы тем, что в понедельник подводятся итоги прошедшей недели.

Правда, на участках еще в пятницу были разобраны все случаи возврата изделий из ОТК и нарушения технологических процессов, однако на цеховом Дне качества вопросы поднимаются шире, масштабнее: рассматриваются профилактическая работа и культура производства; тут, как на третейском суде, можно предъявить те или иные претензии к соседу, если он выдал брак.

— Как дела у Окуловой и Каракулько? — начал с вопроса Лебедев, обращаясь к представителям отдела технического контроля. Поднялся один из них:

— После тех случаев я неоднократно проверял их работу. Замечаний не имею.

Монтажница Тамара Окулова и бригадир слесарей-сборщиков Михаил

Каракулько давно уже работают по доверенности ОТК, их личные клейма гарантируют качество изделия. Когда-нибудь, возможно, все придут к этому — каждый рабочий будет иметь свое личное клеймо. И не зарегистрированный номер, а четко выписанную фамилию: «Сделано П. П. Петровым». Такая маленькая надпись — своего рода трудовая визитная карточка человека.

Но вдруг из цеха наладки раздались два звонка: Окулова перепутала маркировку на одном из изделий, а Каракулько собрал несколько деталей не по чертежу. Случай из ряда вон выходящий. Недоделки были мгновенно устранены, но в «Доверенности» нарушителей появились соответствующие записи. Одна запись еще допускается, а две — это уже лишение доверенности. Такому работнику придется весь длинный путь завоевания авторитета начинать сызнова. Вот чем было вызвано беспокойство начальника цеха.

— В этом месяце, — подчеркнул, заключая День качества, Лебедев, — мы сдержали свое слово: 99,5 процента нашей продукции принято отделом технического контроля с первого предъявления.

Успехи в борьбе за рост производительности труда, за качество выпускаемой продукции, за экономию и бережливость, развернувшейся в ходе социалистического соревнования, позволили цеху войти в число самых передовых подразделений объединения, а затем ему было присвоено почетное звание «Лучший цех министерства». И это закономерно, ведь в коллективе около 400 ударников коммунистического труда...

ПО ЛИЧНЫМ ВОПРОСАМ

Во время пересменки начальник цеха обычно находится между остановившимися на пятиминутный перерыв сборочными конвейерами. За десять лет, что он возглавляет цех, и четверть века, что вообще работает, привычка быть во время пересменки «на людях» прочно укоренилась. Когда вторая смена приступает к работе, Лебедев направляется в свой кабинет: с 16.00 — прием по личным вопросам.

Сегодня ближайшие дела — предстоящая свадьба одной из монтажниц и золотой крестик Гали Бобырь... Однажды она появилась с крестиком на шее на работе.

— Я и не знал, что ты верующая, — сказал Лебедев. — Как же тебя в комсомол приняли?

— Да что вы, Анатолий Семенович! — смутилась девушка. — Никакая я не верующая!

— А крестик?

— Это мамин.

— Так почему же ты его надела?

— Золотой он... Для украшения. Завтра сниму.

Но, очевидно, забыла о своих словах — спустя пару дней крестик снова был у нее на шее. И вот приходится проводить с ней беседу. Покраснела Галя, пробормотала что-то насчет «моды такой».

— Знаешь, — ответил Лебедев, — это ведь символ христианской веры. Ты, неверующая, надев его, как говоришь, ради моды, оскорбляешь тем самым чувства людей верующих. А ведь ты комсомолка, на тебя смотрят другие. И мне стыдно за тебя...

В кабинет вошел другой посетитель — начальник смены.

— Я по поводу Занькевича. Мастер тут просит за него...

Эдуард Занькевич не выполнил порученное задание, нагрубил бригадиру и товарищам. По законам, установившимся в цехе, ему за это надлежало снизить премию.

— Зови сюда мастера, будем решать.

Мастер подтвердил: Занькевич просит не снижать ему премию, а он поддерживает его.

— И я не возражаю, — соглашается Лебедев. — Но пусть извинится перед товарищами...

Когда ушел последний посетитель, Лебедев, взглянув на часы, стал собираться домой. И вдруг ему почему-то вспомнился давнишний спор в вагоне и слова священника, что лишь вера в бога делает людей добрее, ибо сказано: возлюби ближнего. «А нужна ли людям такая всепрощающая доброта? — думал, складывая бумаги Анатолий Семенович. — У нас позиция сильнее: мы за доброту требовательную, рождающую у человека ответственность за свои поступки, за порученное дело».

В одном из цехов.

Мастер Л. Быченок рассказывает молодым монтажницам О. Баразненок и Г. Золотько об особенностях работы в цехе.

ЗАВИСИТ ОТ ЛЮДЕЙ...

Современная действительность настоятельно выдвигает на передний план проблемы нравственного воспитания. Центральный Комитет КПСС в постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» подчеркнул, что воспитание высоких нравственных качеств у каждого гражданина нашей страны — важнейшая задача всей идеологической работы. Особое значение приобретает эта задача, когда речь идет о воспитании молодежи.

В комплексе всей воспитательной работы между формированием нравственных устоев личности и выработкой атеистических убеждений существуют тесная, органическая связь и взаимодействие. Естественно, что проблемы нравственного содержания атеизма привлекают самое пристальное внимание ученых, пропагандистов, педагогов, литераторов. Учитывая актуальность этого круга вопросов, острую необходимость их дальнейшей разработки, редакция журнала «Наука и религия» собрала за «круглым столом» представителей различных специальностей, которые серьезно работают в данной области и могут оказать журналу помощь в освещении названной проблемы.

В обсуждении, проходившем под председательством главного редактора журнала кандидата философских наук **А. С. Иванова,** приняли участие учитель московской школы № 232 кандидат педагогических наук **Л. С. Айзерман,** обозреватель «Литературной газеты» **Л. И. Графова,** сотрудница Московского научно-исследовательского института психиатрии Министерства здравоохранения РСФСР **М.З. Дукаревич,** писатель **К. А. Икрамов,** старший научный сотрудник Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС доктор философских наук **Н. П. Красников,** член редколлегии журнала кандидат философских наук **Р. Р. Мавлютов,** старший научный сотрудник ВНИИ искусствознания Министерства культуры СССР кандидат искусствоведения **А. А. Нуйкин,** члены редколлегии журнала доктор философских наук **И. К. Пантин,** писатель **В. Ф. Тендряков.**

Разговор носил деловой, рабочий характер — выступавшие стремились выяснить: какие проблемы следует в первую очередь выносить на журнальные страницы и каков может быть личный вклад в это дело участников «круглого стола». Однако дискуссия вышла за «узковедомственные» рамки, и в этой связи редакция решила познакомить читателей с некоторыми из обсуждавшихся вопросов.

ПО ПУТИ МОРАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

стественно, что особое внимание участники обсуждения уделили необходимости научного анализа тех социальных причин, которые определяют сущность морали и характер подхода к моральным проблемам вообще, нравственным проблемам атеизма в частности. Совершенно очевидно, что сейчас нам необходимо двигаться вперед по пути исследования современной действительности во всей ее сложности и противоречивости, стремиться понять самые глубииные истоки нравствениого поведения людей, пытаться разобраться в механизме их нравственных и безнравственных поступков.

Исследования такого рода помогут людям правильно определять свои нравственные ориентиры, последовательно и неуклонно делать свою жизнь разумнее, чище, светлее, приближаться к идеалу.

Важное место в этом должно занимать творческое исследование нравственных аспектов атеизма, являющегося, по словам К. Маркса, гуманизмом, который путем снятия религии дает человеку возможность в полной мере использовать все свои силы для создания благоприятных условий своего существования и возлагает на него ответственность за выполнение этой задачи, ибо «критика религии завершается учением, что **человек — высшее существо для человека»** [1].

В этой связи — что еще раз было подчеркнуто за «круглым столом» — нельзя сейчас ограничиваться простой «проповедью» атеизма, голым отрицанием бога и религии. Необходима серьезная и обстоятельная критика сущности религии, особенно религиозной морали, а она невозможна без последовательного утверждения позитивного начала, положительного идеала, без морального творчества, серьезной разработки моральной проблематики.

Существует у нас тип «делового» человека, для которого все моральные, этические проблемы — вздор и пустяки. Наряду с этим среди неискушенных людей бытует мнение, будто именно религия и в прошлом и в настоящее время была и остается законодателем и распорядителем в области морали и нравственности; атеизм же, напротив, равнодушен к духовному миру человека. И позиция «делового» человека, и расхожее мнение о религии как основе нравственности одинаково вредны для дела атеистического воспитания, оказывают ему недобрую услугу. Именно иеудовлетворенный интерес к «вечным» проблемам бытия — таким, как борьба добра и зла, смысл жизни, долг и призвание человека, смерть и бессмертие и т. д., невнимание к «тонкостям» душевных переживаний, порой толкают человека к религии.

Чтобы преодолеть однобокость и вульгарность предвзятого отношения к атеизму, идеализацию религиозной морали, удовлетворить закономерный интерес людей к нравственым пробле-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.

мам, говорили участники «круглого стола», необходимо, в частности, на научной основе анализировать такие феномены духовности, как долг, совесть, доброта, сострадание, утешение, сознание своей вины и т. п. Следует показывать, как эти понятия сложились, видоизменялись, чем они были в прошлом, почему и как их использует религия, какой смысл вкладывают в них наши современники.

Говоря о данных проблемах применительно к деятельности атеистического журнала, следует заметить, что их решение на страницах печати возможно в самых различных жанрах — от научных статей, раскрывающих смысл тех или иных понятий, до живых очерков о конкретных человеческих судьбах и житейских конфликтах, позволяющих на реальных примерах увидеть, что не бог, не судьба, а сам человек, труд его души определяют, насколько осмысленна, полнокровна, счастлива его жизнь.

Очерки подобного рода неизменно вызывают живой читательский интерес, в частности — и это особенно важно — интерес тех читателей, которые пытаются решать нравственные проблемы с религиозных позиций. Здесь есть возможность наглядно увидеть на конкретных, обыденных примерах жизнеутверждающий, гуманистический характер атеизма, понять его позитивную программу. Вот одно из писем, пришедших сравнительно недавно в редакцию журнала:

«Мой друг, в прошлом фронтовик, сейчас фанатично верит в бога. Земная жизнь утратила для него всякий смысл. Когда мы с ним встречаемся, он постоянно жалуется на свою судьбу, говорит, что был бы рад умереть, надеется на загробную жизнь. Однажды я рассказал ему об очерке Л. Графовой «Уроки оптимизма» (№ 6 за 1978 год) и предложил посмотреть журнал «Наука и религия», в котором очерк напечатан. Сначала он не хотел брать его в руки, а потом все же заинтересовался, прочитал. Говорит, что очерк ему очень понравился, даже настроение повысилось. Я не хочу сказать, что мой друг вдруг стал атеистом, но он стал лучше думать о жизни».

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

«Стал лучше думать о жизни»... Подобный результат журнальной публикации чрезвычайно важен. Помочь человеку обрести не иллюзорные, а истинные ценности, которые будут держать его на земле, вселять в его душу бодрость и оптимизм — в этом и заключается реальный гуманизм атеизма. Человек, находящийся в плену религиозных настроений, нуждается в помощи (порой сам этого не сознавая), но, когда речь заходит о таких сложных и деликатных понятиях, как его миросозерцание, мир его убеждений, нравственных представлений и чувств, он может откликнуться только на доброжелательное и тактичное участие.

Прежде всего надо ясно определить, кто такой современный верующий, каковы его жизненные запросы, позиции, духовный облик, какой характер носят его религиозные идеи и убеждения, чем привлекает его религия и почему. Только ясно представляя себе все это, можно браться за сложное и ответственное дело атеистического воспитания.

Взять верный тон в разговоре с верующим (ведется ли этот разговор с глазу на глаз, в аудитории или на печатных страницах) можно лишь в том случае, если мы будем адресоваться к вполне определенному человеку (или людям), а не к «общей массе». Среди верующих есть самые различные люди — откровенные и замкнутые, ищущие истину и застывшие в плену затверженных догм. Разными путями и по разным мотивам пришли они к религии, и, чтобы отвлечь их от нее, тоже нужны различные пути и средства — для каждого свои.

Разумеется, познание духовной сферы человека, проникновение в нее сопряжены с огромными трудностями. Далеко не каждый человек отдает себе отчет в истинных побуждениях, толкающих его к религии. Интимный мир чувств не всегда поддается анализу или самоконтролю. Благоприятную почву для разного рода религиозных увлечений создает подспудная борьба внутренних побуждений у тех, кто в жизни нечетко сориентирован. Так, богостроительство, богоискательство порой возникают на почве незнания или полузнания, когда человек открывает для себя то, что давным-давно открыто.

Следует иметь в виду, что для многих верующих религия привлекательна прежде всего потому, что представляет собой своеобразную точку отсчета в вопросах морали, служит определенной нравственной системой жизненных координат. Показывать иллюзорность, безысходность такой ориентации надо очень осторожно, не оскорбляя чувств верующих. И, конечно, абсолютно неприемлема позиция, согласно которой любой неверующий всегда лучше любого верующего только потому, что он не «исповедует» иллюзорного миропонимания. Советское законодательство, как известно, решительно исключает всякую дискриминацию в связи с отношением граждан к религии. И точно так же действуют наши моральные принципы и критерии. Нелепо выглядела бы ситуация, при которой пьяница и бездельник ценился бы выше честного труженика только потому, что первый не верит в бога, а второй — верит.

Участники «круглого стола» настойчиво говорили о необходимости такта, деликатности, уважения к личности верующего. Верующий, с которым чаще всего сталкивается пропагандист атеизма, — не философ, не религиозный идеолог, а обычный человек, озабоченный вполне реальными жизненными проблемами. Доброжелательный, уважительный диалог с ним об этих проблемах, особенно о тех вопросах, которые обычно остаются для верующих в тени или вообще выпадают из их поля зрения (что определяется особенностями их миропонимания), неизбежно (хотя далеко не всегда быстро) приносит пользу.

Разговаривая с верующими, нужно искать точки совпадения. А их немало: земные заботы, совместный труд на благо своей страны и своего народа неизменно объединяют верующих и неверующих. Следует иметь в виду, что верующий порой просто не отдает себе отчета в том, что положительные качества, которые он относит на счет религиозного мировоззрения, имеют земные корни.

Все это, разумеется, вовсе не означает, что пропагандисты атеизма должны сглаживать острые углы и поступаться идейными принципами из тактических соображений.

ЖИЗНЬ СИЛЬНЕЕ ДОГМЫ

Веками церковь утверждала свою монополию решать все нравственные проблемы. Нетрудно, однако, заметить, что ее подход всегда отличался исключительным догматизмом: к тем или иным жизненным явлениям прикладывались готовые шаблоны, с тем чтобы вынести окончательный и бесповоротный приговор: что богу угодно, а что нет. Понятие морального творчества было совершенно чуждо религии и церкви.

Религиозные моральные заповеди ставили перед личностью общие требования — не убий, не укради и т. д. Но эти нормативы не могли регулировать все многообразие реальной жизни. Человеку с детства внушали: возлюби ближнего своего, как самого себя. Но как он мог возлюбить своего господина, который погонял его палкой? Сложность и многообразие жизни никак не вмещались в узкие рамки нравственных трафаретов, и она постоянно вносила существенные коррективы: религия наставляла, а жизнь переучивала, отвергала ее нравственные установления, вынуждала человека обходить, а то и прямо нарушать декларируемые постулаты во имя реальной, не абстрактной морали. Во все времена именно реальная жизнь (а не религиозные догмы) была самым мощным регулятором нравственности.

С этим и сейчас приходится считаться церкви. Примечательно, что современные религиозные нравоучители, стремясь не потерять своих позиций и сохранить влияние на верующих, живущих в социалистическом обществе, модернизируют свою этическую систему, стараются приблизить ее к действительности. Атеистам следует не только учитывать это, но и более полно использовать свои возможности. Утверждая коммунистические идеалы, мы получаем веские и убедительные аргументы в споре с религией и церковью по самым животрепещущим вопросам — о цели и смысле жизни, о смерти и бессмертии, о победе добра над злом...

ТОЛЬКО ЛИ МОДА!

В последние годы замечается некоторый интерес к истории религии и церкви, к религиозному искусству, к религиозным праздникам и символике у части творческой интеллигенции, у некоторых молодых людей, которые к числу верующих себя не относят. Явление это неоднозначное.

В определенной мере оно порождено и обусловлено характерным для нашего времени общим интересом, общей тягой к изучению истории своей страны, к духовному наследию прошлого. На это, кстати, неоднократно обращал внимание журнал «Наука и религия».

Известно, что многие писатели, художники, мыслители прошлого облекали свои идеи в религиозную форму. Возросший интерес к нравственно-этическому потенциалу художественных и философских воззрений прошлых веков, к потенциалу, традиционно облеченному в религиозную форму, естественно обусловил стремление глубже понять религиозную мифологию, праздники, символику.

На фоне этой закономерной волны интереса порой возникают и нездоровые явления — попытки воскресить в нашем современном быту некоторые традиции и праздники, связанные с религиозным культом. Иногда такая тенденция преподносится как стремление сохранить народные традиции, национальную самобытность, более того — как способ утверждения связи поколений.

Может ли все это свидетельствовать о росте религиозности? Как, например, следует оценивать попытки вернуться к характерной для православия традиции поминовения усопшего, которую сейчас порой соблюдают некоторые неверующие люди? Вокруг этих вопросов на обсуждении завязалась острая полемика. Участники ее вспомнили в этой связи споры 30-х годов о новогодней елке, чье почитание в прошлом было связано с религиозным культом. Тогда некоторые атеисты ратовали за решительное искоренение этого обычая из нашей жизни. Однако новогодняя елка прочно вошла в безрелигиозный быт, принесла и продолжает приносить радость советским детям. Высказывалось мнение, что некоторые обряды, пока еще связанные с религией, со временем могут потерять свой культовый оттенок, станут частью нашего современного быта.

С правомерностью такой аналогии не согласились другие участники обсуждения. Связь между религиозной формой и содержанием, отмечали они, гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд, поэтому увлечение религиозной символикой, обрядами, праздниками нельзя рассматривать как чисто поверхностное, формальное явление.

Современный интерес к религии может принимать причудливые формы: тут и «интеллектуальное» апеллирование к «высшей силе», и заигрывание с боженькой под маркой писательского интереса к «народному духу», и примитивные суеверия — увлечение знахарством, гаданием и т. п. И хотя, судя по всему, можно говорить лишь о волне интереса, а она, как известно, рано или поздно идет на убыль, тем не менее нам совершенно необходимо последовательно и основательно разобраться в природе данного явления.

Можно с уверенностью сказать, что существенная причина всех этих тенденций — в изъянах атеистической пропаганды, в частности в недостаточной разработанности нравственных проблем атеизма, его духовного потенциала в целом. Порой тех, кто увлечен церковными атрибутами, на самом деле привлекает религиозная система ценностных координат, их устойчивость, традиционность. Неумение некоторых пропагандистов правильно объяснять «больные» нравственные проблемы, облегченное, одностороннее истолкование истинной роли церкви в отечественной истории приносят вред делу атеистического воспитания.

В увлечении части нашей молодежи религиозной атрибутикой есть и еще один аспект. На улицах городов можно встретить вульгарно одетых молодых людей, которые напоказ носят на шее крестики. Спроси, зачем они их надели,— в ответ услышишь: «Просто так, для украшения». Видимо, этим молодым людям не сумели объяснить, что носить крест, как побрякушку, употреблять для украшения то, что для верующих является святыней, — значит, кроме всего прочего, оскорблять их чувства.

Другое дело — интерес молодежи, школьников, студентов к библейской мифологии. Участники «круглого стола» обратили внимание на довольно парадоксальную ситуацию. Школьники неплохо знают, кто такие Зевс и Афродита — античная мифология изучается и на уроках истории, и на уроках литературы, есть немало хороших популярных книг о богах и героях древних Греции и Рима. А вот персонажи и символы христианской религии, кстати сказать, занимающие столь много места в европейской и русской литературе и искусстве, им почти неизвестны. Школьные программы не помогают восполнить этот пробел. И соответствующих книг (кроме, пожалуй, работ З. Косидовского) тоже нет. Такое умалчивание вызывает нездоровый интерес к «запретному плоду». Не надо бояться разъяснять детям то, что их интересует, причем на вопросы юного, пытливого ума следует отвечать спокойно и основательно. И не стоит забывать, что, если школьник не удовлетворит свою любознательность в семье или в школе, он может получить разъяснения от некомпетентных, а то и от недобросовестных людей.

ПРИРОДА «ДУРНЫХ» ПОСТУПКОВ

аш современник живет в быстро меняющихся условиях, ему приходится ориентироваться в сложнейших ситуациях, принимать ответственные решения. И вот тут порой оказывается, что далеко не каждый готов к таким решениям. Участники «круглого стола» озабоченно говорили о настораживающих случаях нравственной безграмотности нашей молодежи.

Многие подростки и юноши само слово «мораль» отождествляют с чем-то нестерпимо скучным и нудным. «Не читай мне мораль!» — эту фразу они произносят сразу же, как только кто-то пытается указать им на неправильный поступок или поведение. Да и некоторые взрослые порой в присутствии детей пренебрежительно именуют «сантиментами» проявления жалости, милосердия — всего того, что Пушкин называл «чувства добрые».

Восприимчивость к добру и красоте, умение испытывать жалость и сострадать другому человеку — словом, все то, чем должен обладать человек, чтобы достойно жить среди людей, надо воспитывать с малых лет. Только тогда духовные, нравственные потребности станут неотъемлемыми качествами личности. Роль семьи в этом сложнейшем процессе незаменима. От сложившихся здесь отношений, от нравственного облика родителей, их умения передать детям свои социальные и моральные установки в большой степени зависит формирование личности. Каждый человек должен осознавать и чувствовать себя звеном в цепи поколений — лишь тогда в нем естественно и прочно утверждается чувство ответственности перед собой и обществом.

К сожалению, приходится иногда наблюдать: человек с юности растет как трава — бессмысленно, бездумно, не испытывая ни к чему серьезного, глубокого интереса, как говорится, ничего не имеет за душой. Связи с окружающими у него случайны и непрочны. Такое «растительное» существование, как правило, не проходит бесследно для самого человека. Оно, в конце концов, может губительным образом сказаться и на его личности, и на дальнейшей его судьбе. Без духовного багажа, без прочных социальных связей молодой человек легко может стать игрушкой в руках обстоятельств, совершить «непредсказуемый» дурной поступок. А когда такое случается, родные и знакомые искренне удивляются, разводят руками: откуда, дескать, такое? Верующие в этих ситуациях прибегают к шаблонному объяснению: бога, мол, забыл, потому и совесть потерял. Однако на самом деле беда такого человека в том, что он забыл самого себя, а может, и не забыл — просто не смог или не имел случая почувствовать и осознать в себе личность, обрести твердые моральные устои.

Участники «круглого стола» убедительно говорили о том, что нравственность — отнюдь не набор каких-то разрозненных добродетелей. Без определенного стержня любое построение оказывается шатким, легко разрушается. Религиозные вероучители считали и считают таким стержнем веру в бога. Мы же говорим, что основным составляющим личности является отношение человека к людям, вера в их способность построить на земле справедливое общество, без лжи и насилия.

Другими словами, человека «держат» социальный идеал и связанная с ним вера в лучшее будущее. Такая вера не имеет ничего общего с религиозной верой, потому что базируется на прочном реальном фундаменте. Без такой веры, такого идеала многие жизненные ценности, в том числе и моральные, теряют свой смысл. Социальный идеал активно формирует нашу нравственность, позволяет правильно ориентироваться в сложнейших ситуациях, определяет проблему выбора и, конечно, сводит к минимуму возможность непредсказуемых безнравственных поступков. И это надо доходчиво, образно, не обходя острых углов, раскрывать людям в русле атеистического воспитания.

ДОСТУЧАТЬСЯ ДО СОВЕСТИ КАЖДОГО!

то определяет нравственность человека? Вокруг этого вопроса участники обсуждения завязали острую и оживленную дискуссию. И снова многие вернулись к проблемам, затронутым в самом начале разговора, — каковы глубинные истоки поведения людей, как разобраться в механизме их

стремлений и поступков. Вопрос этот в комплексе проблем нравственного воспитания едва ли не самый трудный и сложный.

С одной стороны, моральный облик человека, его нравственные убеждения и чувства, мотивы поведения формируются в определенных условиях и потому условия должны быть таковы, чтобы формировать нужные моральные качества, не противоречить сложившимся нормам и идеалам. С другой,— преобразовывая условия своей жизни, люди изменяют и себя, обретают новые духовные черты, нравственные ценности. Об этом писал В. И. Ленин, характеризуя нравственный аспект первых субботников: «Это дело переработки самих нравов, надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства... Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя, один бог за всех» [2].

Участники «круглого стола» горячо обсуждали эту проблему. Одни утверждали: сначала надо поставить человека в такие условия, которые сами по себе не противоречили бы нормам морали, а потом уж требовать от него нравственного поведения. Мораль должна иметь материальную почву. Ведь поведение человека определяется условиями его жизни. Другие возражали: известно, что в одинаково неблагоприятных обстоятельствах люди проявляют себя по-разному — одни приспосабливаются, совершают поступки, противоречащие совести, а иные, несмотря ни на что, ведут себя нравственно.

Трудно согласиться с утверждением, будто человек станет хорошим только тогда, когда в жизни удастся покончить со всеми недостатками и будут созданы благоприятные условия для его нравственного поведения. Ведь жизнь создают сами люди, и от того, какие они, чем руководствуются в своей деятельности, зависит успех дела. Уже сейчас становится все более очевидным: правильное решение нравственных проблем активно способствует благоприятному разрешению экономических и хозяйственных вопросов. Все более ясно, что руководитель, который не заботится о здоровой нравственной атмосфере в своем коллективе, вряд ли решит хозяйственные проблемы.

Участники обсуждения неоднократно возвращались к вопросу о необходимости активно воспитывать нравственность. В этом отношении весьма поучительна история клуба медсестер «Свеча», который вот уж несколько лет существует при одной из больниц Ангарска. Девиз клуба: «Светя другим, сгораю сам», инициатором его создания и его душой стала женщина-врач со сложной, трудной судьбой. Свои личные беды она смогла преодолеть, помогая нравственному росту других людей.

Десятки женщин (в клубе почти сто человек) регулярно собираются вместе, читают художественную литературу — стихи и прозу, философские произведения, горячо и серьезно обсуждают прочитанное, совместно размышляют над ним. Они делятся сокровенными мыслями, общими усилиями стараются выработать правильное понимание таких нравственных категорий, как доброта, самопожертвование и т. п. Члены клуба обогащают друг друга интеллектуально, а главное, становятся духовно зрячими людьми. Учась сопереживать, сострадать, они приобретают качества, важнейшие в их профессии.

Примечательно, что члены клуба стараются и детям своим привить умение сострадать, замечать вокруг себя печальные события и откликаться на них. Это очень важно. Нередко мы, взрослые, стараемся оберегать от этого детей. Многие педагоги и родители уверены, что детям нужны одни только «положительные эмоции» — радостные, бодрые впечатления, а встреча с печальным в жизни отрицательно повлияет на их души. Такая однобокость не приносит пользы человеческой личности и может привести к тому, что дети вырастут эгоистами, людьми, не способными на сопереживание и сочувствие. Против подобной однобокости в свое время на страницах журнала решительно выступал В. Сухомлинский.

Участники «круглого стола» в своих выступлениях подчеркивали: современный атеизм несет в себе мощный нравственный потенциал, который, к слову сказать, мы далеко не всегда достаточно полно используем. Сами люди, их добрая воля, их талант и труд способны создать здесь, на земле, истинно человеческие условия существования, условия для развития высоконравственной личности.

Редакция журнала «Наука и религия» благодарит участников «круглого стола» и надеется, что ей удастся реализовать советы и рекомендации, высказанные во время обсуждения.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 107, 108.

Читатель сообщает, советует, спрашивает

С большим интересом прочитали статью Юрия Рюрикова «Браки совершаются на земле». В нашей семье — люди разных поколений, но все сошлись на том, что автор написал очень серьезную статью; он не повторяет старые затасканные слова о необходимости жить ладно и мирно, а конкретно и умно советует, как сохранить брак. Он прямо говорит, что человек порой не знает сам себя и при этом берется поучать других. Действительно, ведь бывает, что пожилые люди с высоты своего возраста учат молодых, а сами живут плохо. И никакого примера показать не могут.

Спасибо Ю. Рюрикову за дельные слова. Мы согласны с ним: люди все разные, а совместную жизнь надо строить. Побольше публикуйте таких статей, которые учат, как лучше это сделать.

Семья **ГОРЮНОВЫХ**
г. Батуми

Мне кажется, что новые гражданские обряды надо внедрять законодательным путем. Тогда не будут превращаться наши свадьбы и поминки в массовые пьянки, заканчивающиеся порой даже уголовными преступлениями. Порой странно видеть, как собираются огромные компании — по 100 человек, а то и больше, и устраивают поминки. Под это дело отводятся чайные, столовые, а то и клубы, закупается по несколько ящиков водки. О каком уважении к умершему можно тут говорить?

И еще меня удивляет, что на могилах заслуженных людей иногда возводят безвкусные, аляповатые памятники, с претензией на купеческую роскошь.

Хотелось бы на страницах журнала прочитать о том, как будет создан и упорядочен обряд похорон.

А. ПОНОМАРЕВ
г. Саратов

Судьба Саши Чижова очень меня взволновала, я с детства более 20 лет прикован к постели, и мне хорошо знакомы Сашины мучительные размышления о смысле жизни, о своем трудном существовании. Приспособиться к своему положению, преодолеть себя порой бывает ох как трудно! Стоит немного расслабиться, потерять контроль над собой, и в голову лезут «черные» мысли. Были и у меня «доброжелатели» — одни советовали обратиться к религии, другие предлагали в качестве утешителя «зеленого змия». Все это я отбросил сразу. В моей нелегкой жизни мне помогают друзья. С ними, можно сказать, мне повезло. Никто из нас не видит ту злополучную черту, которую жизнь прочертила между ними и мной. Ну, а в то, что вера в бога или в черта может помочь, я никогда не поверю.

Л. ДИКУН
Донецкая область

Статья Инги Баллод «Шаг через катастрофу» потрясла меня до глубины души. Ведь я сама нахожусь в таком же положении, как и Саша Чижов. Несколько лет была неподвижна, теперь передвигаюсь на костылях. Мне тоже часто вспоминается Павка Корчагин, пытаюсь бороться с недугом его методом. Очень хочу знать о дальнейшей судьбе Саши Чижова.

Нина **СМИРНОВА**
Костромская область

Нас взволновала статья «Шаг через катастрофу». До глубины души тронула судьба еще совсем молодого Саши Чижова. Мы очень просим помочь нам узнать точный адрес Саши. Ведь наши рассказы об учебе, о своем городе, может быть, помогут ему хоть немного преодолеть свою боль.

Группа студентов III курса текстильного техникума
г. Ровно

ЗА ГРАНЬЮ НАУКИ

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Я слышала о том, что в Америке вышли книги, рассказывающие о состоянии людей в момент смерти, и что будто бы есть научные факты, подтверждающие религиозное учение о бессмертии души и существовании загробной жизни. Чаще всего называют книгу Р. Моуди «Жизнь после жизни». Действительно ли наука получила такого рода доказательства! Ведь в наши дни у нее больше сил и возможностей, чем когда бы то ни было. Правы ли те, кто привлекает данные науки к подкреплению библейских догм! Расскажите об этом подробнее.

Л. СВЕТОВА

г. Калуга

Человек всегда мечтал о бессмертии. Эти мечты нашли отражение и в религиозных мифах, в завораживающих сознание легендах о бессмертной душе, о чудесном воскрешении из мертвых. Наш динамичный XX век, казалось бы, должен был положить предел этой наивной вере. Но случилось неожиданное: успехи прогрессирующей реаниматологии — науки об умирании и оживлении организма — словно придали мистическому религиозному мифотворчеству второе дыхание. Вошли в моду публикации, основанные на массовых опросах людей, которые из-за несчастного случая или тяжкой болезни «ступили на тот берег», но благодаря усилиям врачей вернулись после клинической смерти к жизни.

Первыми, как и следовало ожидать, откликнулись на эти публикации не ученые, а падкие до сенсаций массовые зарубежные журналы, западные радиостанции, а также церковники, для которых такие «свидетельства очевидцев» оказались находкой — «научным подтверждением» религиозных догм о вечной душе и загробной жизни.

Взоры служителей церкви совсем не случайно обратились к проблеме живого и неживого. И ныне, на гребне научно-технической революции биологическая наука в ряде случаев еще не может провести четкую грань между этими состояниями. Обратимся к примеру, приведенному академиком В. А. Энгельгардтом:

Возьмем одноклеточного анаэроба, который в обычных условиях дышит, а в отсутствии кислорода не погибает и начинает черпать энергию за счет процессов брожения. Клетка перестала дышать, — что же, жива она или нет? Пойдем еще дальше и полностью разрушим ее — под высоким давлением выжмем из нее клеточный сок. Представьте себе: такой сок будет расщеплять сахар и образовывать спирт и углекислоту, то есть бродить так же, как это делала живая клетка. Что же, «сок» — живой? Ясно, что нет. Но гораздо менее ясно, почему «нет» и в какой именно момент наш живой объект перестал быть живым. Клетку можно разрушить, разделить на части. Если обеспечить надлежащую температуру, питательную среду и т. д., эти частицы могут долго выполнять те же функции, что и при жизни целой клетки, — осуществлять синтез белков, обеспечивать трансформацию энергии. Следует ли считать частицы клетки живыми?

Ученые проследили за делением одноклеточного организма — парамеции — в течение 8400 ее поколений и ни разу не обнаружили трупа. Если применить этот результат к человеческой жизни, то на протяжении 210 000 лет одновременно существовали бы все предки и потомки. Совсем как в гётевском «Фаусте»: «Смерть старая уж не разит, как гром. Глядишь на труп, но вид обманчив: снова недвижное задвигаться готово».

Но на самом-то деле такому беспредельному росту одноклеточных организмов препятствуют условия внешней среды. Доктор Леонард Хейфлик из Стэнфордского университета (США), поставивший аналогичные опыты с клетками человека, установил, что они не бессмертны и способны делиться всего около 50 раз. Дальше ход «часов», контролирующих этот процесс, неизбежно замедляется. «Насмешкой над мифом о бессмертии клеток, — замечает исследователь, — кажется тот факт, что беспредельно размножаться способны, по-видимому, лишь клетки раковой опухоли, да и те не могут жить бесконечно, поскольку разрушаются тканями, которыми питаются».

Однако повторим это вновь, грань между живым и неживым часто остается крайне неприметной, зыбкой. Известно, что вирус вне клетки человека или животного не проявляет признаков живого: не осуществляет обменных процессов, не может двигаться, не может размножаться. Живой он или мертвый? Недаром один из ученых с полным основанием сказал о вирусе: это то ли вещество, обладающее свойствами существа, то ли существо со свойствами вещества.

«На всех уровнях биологической организации,— пишет академик В. А. Энгельгардт,— мы неизменно сталкиваемся с невозможностью однозначно провести границу между живым и неживым».

А существует ли такая граница между жизнью и смертью человека? На одном из международных медицинских симпозиумов французский ученый Жан Амбюрже рассказал о таком случае. В больницу доставили в бессознательном состоянии девушку. Врачи прибегли к искусственному дыханию с помощью аппарата и добились некоторого успеха. Но поскольку никаких признаков возобновления высшей нервной деятельности не было, обратились

к авторитетному консультанту профессору Франсуа Лермитту. «Я полагаю,— сказал тот после внимательного осмотра девушки,— что больная уже несколько дней как умерла».

В сложном, многопричинном явлении человеческой смерти и поныне присутствуют такие тонкости и глубины, куда еще не проникли современная медицина, биология, психология. Поэтому так естественно стремление вновь и вновь осмыслить, проанализировать гамму сложных чувств, переживаний, возникающих на пороге небытия. Ведь порождаются эти эмоции материальными субстратами — головным мозгом, нервной системой, а значит, есть надежда пролить свет на работу жизненно важных органов в крайних, экстремальных условиях.

Отвечают ли опросы, проведенные с оживленными людьми и собранные в книге Моуди, о которой упоминает письмо читателя, этим серьезным научным задачам? Оказывается, нет, не отвечают, потому что отнюдь не поиск объективной истины воодушевлял идеалистически настроенного исследователя.

Американский психиатр Раймонд Моуди-младший выпустил книгу с мистическим, претендующим на сенсацию названием «Жизнь после жизни». Вначале автор предупреждает: он строит свой рассказ на строго документальной основе — опросе 150 человек, перенесших клиническую смерть. Обобщив рассказы своих собеседников, знакомит широкую публику с переживаниями оживленных людей:

«Умирая, человек слышит в момент крайнего физического изнеможения, как врач констатирует его смерть. До него доносится неприятный шум — громкий звон или гул. Одновременно он чувствует, что стремительно несется по длинному темному туннелю, и вдруг ощущает себя вне собственного тела, которое он даже может видеть со стороны. Через некоторое время он начинает привыкать к своему странному состоянию. Он обнаруживает, что тело у него все же есть, но совершенно иной природы и с совершенно иными способностями, чем покинутое им. Вскоре события принимают новый оборот. Его встречают какие-то доброжелательные создания. Среди них он непостижимым образом узнает умерших родственников и друзей. Затем перед ним возникает существо из света — добрый, любящий дух, которого он никогда раньше не видел. Это существо без помощи слов просит человека оценить свою жизнь, моментально воспроизводя перед ним главные ее события. Неожиданно человек замечает, что приближается к чему-то вроде стены или линии, и осознает, что это граница между земной и загробной жизнью. Однако перейти эту границу ему не удается. Он чувствует, что должен вернуться назад, что время его смерти еще не пришло».

Журнал «Сайколоджи тудэй», перепечатывая это обобщение, признает, что обнародованные Моуди рассказы «вызвали сенсацию. Нашлись и такие, кто посчитал их свидетельством существования загробной жизни».

Спрос всегда рождает предложение. По той же прибыльной стезе устремились и два других «исследователя» — Карлис Осис и Эрландер Харалдсон из Американского общества парапсихологов. Правда, сами они с оживленными людьми не разговаривали, но собрали информацию у пятисот индийских и американских медиков, которые находились рядом с умирающими, рассказывавшими о своих ощущениях. Авторы труда признают, что надеялись обнаружить, «в какой степени видения умирающих зависят от их принадлежности к той или иной национальной культуре, к тому или иному вероисповеданию». Они нашли то, что с пристрастием искали: «Действительно, отпечаток культуры и религии на содержании предсмертных видений довольно силен. Большинство американцев видели близких людей, большинство индусов — религиозные образы. Никому из христиан не являлось индийское божество, и никому из индусов — Иисус. Общим было то, что в обеих странах перед умирающими чаще всего представали какие-то фигуры — умерших близких или божеств, которые звали «новичка» в иное царство».

Раймонд Моуди-младший, пишет журнал «Сайколоджи тудэй», осторожен в своих выводах: полагает, что ни один из опубликованных им рассказов нельзя считать поступившим оттуда, «откуда не возвращаются». Но как же тогда объяснить название книги Моуди — «Жизнь после жизни» и ее подзаголовок: «Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела»? Внимательное чтение книги подтверждает: автор и впрямь стремится создать впечатление научной объективности, но достигает этого не разборчивым и строгим обращением с фактическим материалом, а лишь ловкостью пера. В одном месте называет описываемое явление «предсмертным опытом», в другом «предсмертным феноменом». То невзначай обронит фразу о том, что «события удостоверялись только самими лицами, пережившими умирание», поскольку-де в ходе реанимации «нет времени для снятия энцефалограммы». «Некоторые могут утверждать,— не без кокетства признает Моуди,— что смерть осталась недоказанной». Беседуя со своими воображаемыми оппонентами, он неожиданно признает, что «не собирался систематизировать эти вопросы» и что его «исследование не было строго научным».

Однако все эти ухищрения — достаточно грубый камуфляж. Гораздо обстоятельнее говорится в книге о другом. О том, например, что «жизнь подобна тюремному заключению и в этом состоянии мы просто не понимаем, какой тюрьмой является для нас наше тело. Смерть же подобна освобождению, выходу из тюрьмы». И еще: «Существует некоторый механизм, посредством которого душа или сознание высвобождается при смерти». Независимо от того, какого определения смерти придерживаться, пишет автор, люди, которых он обследовал, «были к этому состоянию ближе, чем все остальные». На этом основании Моуди призывает «оставить открытой возможность того, что предсмертный опыт представляет собой новое явление». Лично же он сделал всего только попытку «конструировать доказательства очень древнего учения о том, что жизнь продолжается и после смерти тела».

Словом, как ни поверни, перед нами явное стремление заокеанского «исследователя» и невинность соблюсти, и капитал приобрести.

Куда смелее, куда решительнее Моуди-младшего оказались парапсихологи Осис и Харалдсон. Эти вполне «допускают такую возможность» (существования загробной жизни.— **А. Ч.**), хотя тоже «оставляют вопрос открытым».

Вышедшая в США третья книга на ту же тему, принадлежащая перу «крупного авторитета в вопросах изучения смерти» психиатра Элизабет Кюблер-Росс, категорична в ответе: «Смерть тела не

означает конца бытия!» Доказательства? Пожалуйста! Интервью с женщиной, которая в тяжелом состоянии была доставлена в отделение реанимации. У нее отсутствовало дыхание, остановилось сердце. Затем женщина, по ее словам, почувствовала, что она отделяется от своего тела и уже сверху наблюдает за попытками реанимационной бригады вернуть ее к жизни. При этом она, хотя и видела собственное безжизненное тело, испытывала не страх, а глубокое умиротворение. Через некоторое время женщина почувствовала, что возвращается в свою телесную оболочку. Кюблер-Росс уверяет, что собрала «тысячи подобных историй».

Известны ли «подобные истории» нашим медикам, тоже имеющим богатый опыт возвращения тысяч людей к жизни из состояния клинической смерти? Ведь и они неоднократно беседовали с такими больными. Вот несколько документальных записей:

«Черепанов Валентин Дмитриевич, красноармеец энского гвардейского стрелкового полка. Родился в 1923 г. в г. Дзержинске Горьковской области. Поступил в полевой госпиталь 3 марта 1944 года». «...В госпиталь доставлен через два часа после ранения в чрезвычайно тяжелом состоянии. Пульс нитевидный, дыхание прерывистое, слабое, сознание затемнено». «Смерть последовала от шока и острой кровопотери в 19 часов 41 минуту...» Пока началось искусственное дыхание, пока подготовились к артериальному нагнетанию крови, прошло три с половиной минуты... Сразу же, спустя всего минуту, начинает работать сердце; еще через несколько минут напряглись мышцы шеи и груди — последовал первый вдох. На 22-й минуте оживления появились глазные рефлексы; через час медицинские работники отметили первые признаки восстановленного сознания».

«Интересна беседа, которая состоялась между Валентином Черепановым и корреспондентом одной из газет:

— Вам известно, какую вам сделали операцию? — спросил журналист.

— Да, меня вытащили с «того света», ведь я был мертвым...

— Что вы видели на «том свете»?

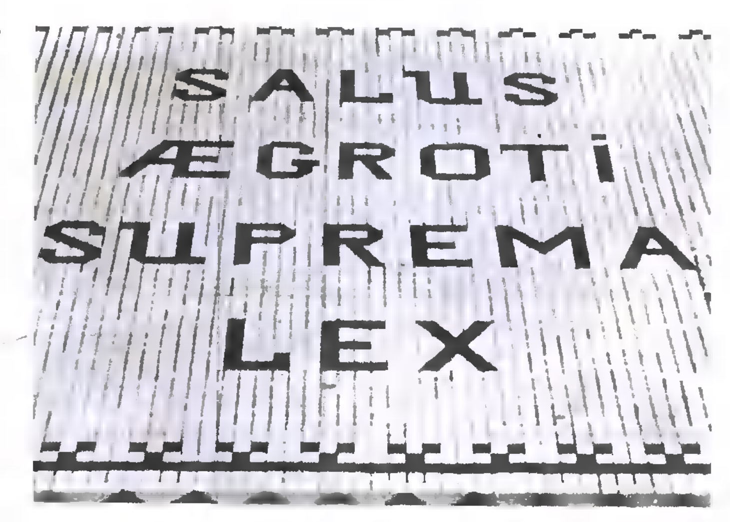
— Я потерял сознание еще до момента смерти, и оно вернулось ко мне по окончании операции. Все это время я пробыл как бы под наркозом. Я проспал свою смерть!» [1]

Областная газета «Ленинское знамя» опубликовала рассказ другого реанимированного:

«Я был свидетелем и участником войны. Но на войне выжил. Я умер здесь, в центре Москвы, у себя в кабинете, в исследовательском институте. Последние слова, которые слышал, были слова фельдшера: «Давление на нуле». После этого еще какое-то время я видел вокруг себя людей... Потом мрак... Очнулся в той же комнате. Первое, что услышал, — распоряжение о переносе в машину».

Примерно таковы же свидетельства многих рожениц, которых оживил после клинической смерти профессор Николай Николаевич Расстригин, заведующий отделением анестезиологии и реанимации Всесоюзного института акушерства и гинекологии. Никто из них не видел «темных туннелей», не имел встреч с некими «доброжелательными созданиями», не видел «стен» между земной жизнью и загробной, не отделялся и не возвращался в свою «оболочку».

Автор этих строк познакомился с человеком редкой, исключительной судьбы — четыре года назад за 10—12 апрельских дней он 80 раз умирал в отделении интенсивной терапии и реанимации Московского института скорой помощи имени Н. В. Склифосовского (руководитель — кандидат медицинских наук Н. В. Ершова). Кто-кто, а уж М. С.

«Забота о страдающем высший закон» — так переводится это древнее латинское изречение. Как нельзя лучше подходит оно к характеру современной медицины, вступающей в схватку со смертью в самых, казалось бы, безнадежных случаях. На снимке — бригада врачей-реаниматологов у специализированной машины скорой помощи.

Максимов должен был насмотреться всяких потусторонних чудес, если бы те и впрямь существовали. Но и он, поистине «чемпион» среди оживленных, тоже не встречался с божествами, не переступал никаких «границ». И если он восемь десятков раз возвращался к жизни, то лишь благодаря настойчивым, умелым действиям врачей. Без призывных голосов и потусторонних сполохов он открывал глаза и с недоумением спрашивал: «Разве уже утро?» или «Где я?»

Как же объяснить такую разницу? Неужели сотни американцев и впрямь отходят в мир иной со всякими душеспасительными «картинами», видят, словно бы со стороны, как покидают свою бренную оболочку, беседуют с добрыми, любящими духами, а оказавшиеся в состоянии клинической смерти советские граждане начисто лишены каких-либо театрализованных представлений?

Психолог М. Нилин ответил на этот недоуменный вопрос, как нам представляется, весьма исчерпывающе: опрашиваемые американцы, почувствовав, что от них ждут соответствующих «божественных» подробностей [2], невольно, подсознательно выполняли некий социальный заказ. Кроме того, здесь вступает в свою роль склонность человека выдавать желаемое за действительное, когда вымысел принимается за чистую монету. Тот же М. Нилин сообщает:

«Пожилой человек перенес операцию. Рассказывая мне о своих ощущениях, связанных с применением наркоза, он мог припомнить лишь резкий страх в тот момент, когда на его лицо опускалась маска, и чувство жажды после того, как он пришел в себя. Спустя некоторое время я случайно встретился с ним в доме своих друзей. Обрадовавшись присутствию внимательного слушателя, он сообщил еще несколько подробностей... А спустя год или полтора я имел случай убедиться, что история пребывания в бессознательном состоянии под наркозом обогатилась новыми красками. К настоящему времени это уже драматическое, художественно исполняемое повествование, кульминацией которого является следующий пассаж: «Вдруг слышу, играет музыка. Неужели на похоронах? Дочь Лиза потратилась, оркестр пригласила. Это, думаю, напрасно».

[1] В. Неговский, Н. Уманец. Рассказ о побежденной смерти. М., 1965, стр. 38—41.
[2] См: «Литературная газета», 31 мая 1978 г.

Тут на память невольно приходит сходство такого рода рассказов со старинным жанром фольклорных быличек — несказочной прозы, характеристику которой дал недавно журнал «Советская этнография». Это рассказ-воспоминание о каком-то случае, связанном с определенной местностью и определенными лицами, но непременно с элементом чего-то необъяснимого, загадочного, иногда наводящего страх. К быличкам относятся бытовавшие в прошлом рассказы о ведьмах, леших или русалках, а ныне — о неопознанных летающих объектах (НЛО) и их пассажирах.

Судя по описаниям, — пишет журнал, — они бывают самые разные: гигантского трехметрового роста или совсем маленькие, не выше тридцати сантиметров. Все рассказчики сходятся на том, что все энлонавты имеют человеческий облик... Как лешие или водяные, они появляются в безлюдном месте и чаще всего ночью... Лешие и черти «пропадали с глаз», стоило только упомянуть имя господне или перекреститься, а в современных быличках энлоназты исчезают не потому, что боятся чего-нибудь, они просто не хотят, чтобы их видели люди.

Сюжеты фольклорных быличек трансформируются. Примерно то же происходит и с рассказами об исповедях реанимированных. Разница, однако, в том, что на основе быличек еще никто из серьезных исследователей не пытался строить далеко идущих выводов. Но в массовом сознании американцев, например, в этом отношении наступает сегодня «прогресс», об этом свидетельствуют наблюдения двух специалистов в области воспитания. Преподаватель Уильям М. Янг из штата Иллинойс отмечает, что под влиянием широкого показа насилия «у множества зрителей нарушились представления об истине». Пол Куртц, профессор из университета в штате Нью-Йорк, добавляет: «Почти ни один студент еще пять лет назад не верил ни в переселение душ, ни в одержимость дьяволом. Теперь же в этом признаются чуть ли не 30 процентов моих студентов... Постепенно они обретают веру в паранормальное». Как видим, почва для воспроизводства и восприятия рассказов с религиозными сюжетами самая благоприятная.

Обратимся еще к одной существенной стороне этого явления — состоянию головного мозга реанимированных. Здесь медики накопили большой опыт наблюдений. Ш. Л. Алтунян, заведующий отделением реанимации 1-й Градской больницы Москвы, обращает внимание на острый дефицит кислорода, который в критические минуты и часы переживает головной мозг. Такое состояние (гипоксия) вызывает у больных крайнее возбуждение, стремление резко двигаться, вскакивать с постели, ввергает их в галлюцинаторное состояние — они гримасничают, выкрикивают бессвязные слова, обрывки фраз. Врачам приходится всеми мерами снижать эту бессознательную активность. Некоторые выздоравливающие вспоминают обрывки своих бредовых иллюзий, как вспоминается порой кошмарный сон.

— Нас, реаниматологов,— говорит Ш. Л. Алтунян,— подобные гипоксические видения давно уже не удивляют, мы понимаем их природу — острое обескровливание головного мозга на пороге критического срыва. Но только на пороге, а не за ним. Кора погибает первой, это-то доподлинно теперь известно. Только преднамеренно игнорируя научные истины, можно принимать предсмертные галлюцинации за доказательство существования жизни после жизни.

Как справедливо заметил Максим Горький, смерть, подобно всем явлениям нашего мира, есть факт, подлежащий изучению. Наука уделяла и продолжает уделять ему пристальное внимание. Известны многие смелые научные эксперименты, поражавшие воображение современников. Достаточно вспомнить, как в 1928 году на Втором всесоюзном съезде физиологов, фармакологов и биохимиков двое молодых советских ученых — С. С. Брюхоненко и С. И. Чечулин вынесли на трибуну отрезанную голову собаки, подключили к ней перфузионный аппарат, нагнетавший в сосуды насыщенную кислородом кровь, и мертвые собачьи зрачки ожили, стали реагировать на свет. Когда к ее носу подносили сильно пахнущее вещество, голова недовольно морщилась и даже пыталась укусить экспериментатора за палец.

Служители церкви всегда яростно выступали против подобных экспериментов, ибо видели, как нещадно разрушают они утверждения религии о непознаваемости жизни и смерти, об их полной зависимости от божьей воли. Даже «слово и понятие смерть на Земле,— писал православный монах Митрофан в своем трехтомном труде «Как живут наши умершие и как будем жить и мы по смерти»,— в первый раз явилось в раю из уст самого бога, сказавшего нашим прародителям «смертью умрете, если вкусите».

В последние 10—20 лет сложный механизм угасания жизненных функций исследован особенно глубоко. На основе вновь полученных данных ученые смогли расчленить процесс умирания на три фазы: преагональное состояние, агонию и клиническую смерть.

На первом этапе, — пишет признанный авторитет в этой области академик медицины В. А. Неговский, — у больного резко нарушается кровообращение, падает артериальное давление, развивается сильная одышка. Сознание еще борется с прогрессирующим недугом, но во многих случаях уже покидает человека, а в других становится спутанным, неясным. Агония гасит соз-

нание, исчезают глазные рефлексы, пульс можно прощупать только на сонных артериях, питающих мозг, а дыхание становится нерегулярным, судорожным. Организм напрягает последние силы, чтобы выстоять в борьбе со смертью. С наступлением клинической смерти прекращает свою работу сердце, прекращается дыхание. Обмен веществ, который происходит в живом организме между всеми частями тела, прекращается. Кислород и другие питательные вещества уже не переносятся кровью во все органы. Клетки, не получая питания, голодают, а затем начинают гибнуть, распадаться. Некоторое время они еще сохраняют жизнеспособность, потребляя внутренние запасы энергии. Однако сам момент остановки сердца, как правило, уже не воспринимается больным [3].

Специалисты-реаниматологи утверждают (и об этом тоже следует помнить), что уже с начала оживления нельзя считать организм находящимся в клинической смерти. Стремительная гибель коры головного мозга прекращается после первых же литров принудительно введенного в легкие кислорода, после первых же принудительных сжатий сердца. Как ныне неоспоримо установлено, трагический конвейер смерти приводится в движение теми же механизмами, которые запускают и поддерживают жизнь. И значит все, что может почувствовать в такие моменты больной,— это восприятие живого человека, еще не ступившего «за роковую грань». Все происходящее совершается для него как бы на изломе, когда защитные силы организма до предела напряжены и все еще отстаивают жизнь, которая не ушла, не прекратилась. А ангелы, судя по церковной легенде, не имеют обыкновения беседовать с живым — сколь бы тяжко и худо ему ни было, они терпеливо ждут своего часа.

Вновь сошлемся на авторитетное мнение В. А. Неговского, одного из зачинателей реаниматологии. Он подчеркивает, что процесс умирания организма начинается обычно с его командных органов, прежде всего с коры головного мозга. Экспериментально подтверждено, что еще до наступления клинической смерти наблюдается падение электрической активности его коры, глубокое угнетение жизнедеятельности центральной нервной системы. Больной в этот момент выглядит совершенно безжизненным, а субъективно такое состояние ощущает как некий «провал» в памяти. Утверждение о том, что в этот период можно что-либо запомнить, равнозначно попыткам доказать, будто человек с парализованными ногами может играть в футбол.

Зачем же Моуди, Осис и Харалдсон, Кюблер-Росс и другие так настойчиво отстаивают антинаучную гипотезу об «особых» формах активности человеческого сознания после остановки мозгового кровообращения? Зачем с таким рвением собирают и копят сомнительные «факты»? Сомнительные труды пишутся и лживые радиоголоса звучат в эфире с единственной целью,— пишет академик В. А. Неговский,— «заполнить пробел в цепочке аргументов, приводящих к выводу о бессмертии человеческой души... Исследования сторонников «жизни после жизни» лежат за пределами современной науки».

«За пределами науки»! Именно это должны понять и усвоить те, кто услышал о Моуди и его коллегах. Конечно, иным людям хочется поверить в их домыслы — это так заманчиво... Но мечта и реальная действительность не всегда совпадают...

[3] Еще много веков назад древнегреческий философ Эпикур заметил: «Когда мы существуем, — смерти нет, когда смерть есть, то нас нет».

И. ЖЕРНЕВСКАЯ

РУБЕЖИ ПОЗНАНИЯ

...Обобщать и широко пропагандировать... успехи советской науки и техники... ...Обеспечить высокий научный уровень пропаганды и агитации.

Из постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ издательства «Знание» ведет самостоятельную жизнь с 1967 года, когда она отделилась от сдвоенного с медициной выпуска. Эта перемена не была случайной. Биологическая наука, особенно такие ее направления, как генетика, молекулярная биология, эволюционное учение, вышла ныне на принципиально новые рубежи познания и развивается с такой стремительностью, что за нею уже не поспевают учебные пособия. Поэтому одной из важных задач новой биологической серии издательства стало своевременное освещение достижений и особенностей роста биологических знаний на самом современном их этапе. С тех пор в этой серии, выходящей под грифом «Новое в жизни, науке, технике», — все эти годы ее редактирует Ия Михайловна Тужилина — выпущено около 150 брошюр.

Уже сама по себе цифра 150 говорит о солидном объеме знаний, охваченных биологической серией, и в то же время о трудностях, которые испытывали ее создатели при отборе тем для публикации. Ведь биология сегодня — это обширный комплекс дисциплин, связанных и взаимодействующих с рядом других фундаментальных и прикладных наук. На первый план в серии вышла одна из коренных проблем биологии, имеющая также важное мировоззренческое значение, — уточнение природы живого, изучение сложнейшего комплекса живой клетки, ее связей, характера обменных процессов, передачи информации, наследственных признаков...

Здесь — начало многих начал, издавна тревоживших воображение естествоиспытателей, ответы на загадочные, противоречивые, а потому казавшиеся сверхъестественными вопросы бытия природы и человека. Здесь — то заповедное поле, которое люди в былом своем незнании отдавали когда-то божественным сеятелям. Здесь, наконец, — главная сфера, куда постоянно вторгается исследовательская мысль человека, вооруженная сегодня техническими творениями нашего века.

Подробно остановимся на выпусках последних лет — направление их во многом характерно для всей серии. Первая брошюра за 1978 год — сборник «Генетическая инженерия». К этой форме подачи материала редакция обращается неоднократно, достигая оперативного освещения многих проблем. Для характеристики темы сборника воспользуемся словами академика А. А. Баева, автора статьи о рекомбинантных (гибридных) молекулах: «...Экспериментальная биология вступила в новую фазу своего развития, которую можно было бы назвать творческой, так как человек здесь выступает скорее в роли создателя, чем наблюдателя природы».

Материалы этой брошюры представляют читателям генную инженерию как новую ветвь науки, появление которой связано с прогрессом в области генетики, биохимии, микробиологии, молекулярной биологии. У нее дерзкая цель — создание организмов с новыми наследственными признаками. Ее развитие сулит человечеству невиданные перспективы в селекционной работе, в производстве продуктов питания, в развитии микробиологической промышленности, в медицинской фармакологии. Новая наука еще стоит на пороге самых главных своих открытий, но уже сейчас оказывает заметное влияние на фундаментальные представления о механизмах передачи наследственной информации.

Знакомя читателей с тем, что такое генная инженерия, каковы ее теоретические основы, методы и направление исследований, материалы сборника рассказывают о месте этой науки в ряду биологических дисциплин, о том, какие социальные проблемы связаны с ее рождением и развитием. Во всех статьях подчеркивается чрезвычайная сложность задач генной инженерии, когда исследователи из наблюдателей природы становятся активными ее преобразователями.

Преобразователи! Человек сегодня становится поистине творцом живого. Растениеводы, например, ищут практические пути создания растений со встроенным геном, который бы фиксировал атмосферный азот. Трудно даже представить, какие перемены в сельском хозяйстве произойдут в случае успешного решения этой революционной научной идеи. О таких поисках ученых, об отступлении от привычных традиций и представлений в этой древнейшей сфере человеческой деятельности рассказывает брошюра академика ВАСХНИЛ Н. В. Турбина «Биология и сельское хозяйство», посвященная генетико-физиологическим основам селекции растений. «Еще недавно считалось нормальным, — пишет автор, — что на выведение нового сорта требуется 12—14 лет, а сортосмена проводится через 20—30 лет, иногда и реже... Подобные темпы процесса селекции и сортосмены не соответствуют динамике технического прогресса и социальных изменений нашего времени».

Селекционер должен выделить из популяции микроорганизмов и в дальнейшем размножить буквально несколько клеток с необходимыми признаками, например с повышенным содержанием белка. Сделать это без помощи современной техники было бы невозможно. О ее использовании в биологии рассказывается во многих брошюрах серии. Так, работа Л. В. Рубина «Лазерная техника в современной биологии» посвящена становлению лазерной фотобиологии. Этот новейший раздел современных исследований изучает реакции организма на световой раздражитель — один из основных факторов внешней среды. И фотосинтез растений, и процесс зрения человека, как известно, начинаются с поглощения кванта света, запускающего сложную цепь последовательных превращений. Эти процессы природа совершенствовала миллионы лет, и фотобиологи особое внимание уделяют изучению начальных этапов взаимодействия света с живыми системами.

В брошюре Л. В. Рубина подробно рассказывается о создании искусственных, модельных условий для изучения этих природных процессов. Они протекают с огромной скоростью — за 10^{-6}—10^{-12} секунды после поглощения кванта света. Поэтому лишь лазер в состоянии помочь изучить их. Как пишет автор, лазерная техника сыграла буквально революционную роль в развитии целых областей биологии, поскольку позволила получить принципиально новые данные о природе изучаемых процессов и явлений, определить размеры бактериальных клеток, вирусов, клеток крови.

Многие стороны сложнейшей проблемы фотосинтеза, этой основы энергообмена живого на нашей планете, углублены и дополнены в сборнике «Новое в познании фотосинтеза» и в работе М. А. Островского «Фоторецепторные клетки». Интересны страницы этих брошюр, посвященные предполагаемым этапам эволюции фотосинтеза у живых организмов, формированию его аппарата и функций. Ученые считают, что они начали складываться на уровне бактерий и ведут начало от какого-то нефотосинтезирующего организма.

Внимательный читатель найдет в брошюрах о фотосинтезе перекличку идей с другой, примечательной во многих отношениях работой серии — с «Рассказами о медиаторах» А. В. Кибякова и Д. А. Сахарова, хотя посвящена она совершенно иной теме. Авторы ставят эту тему в один ряд с такими научными достижениями, как расщепление атомного ядра, расшифровка генетического кода. Речь идет о мозге, об изучении особенностей передачи нервного сигнала с нейрона на нейрон. Благодаря открытиям в этой области наука о мозге, по словам Д. А. Сахарова, родилась заново, определился путь к пониманию его как материальной субстанции, обладающей уникальным свойством — способностью к самопознанию.

Совместная работа Е. А. Либермана, С. В. Минина, Н. Е. Шкловского-Корди «Электричество и управление живой клетки» посвящена вроде бы локальной задаче — рассказу о протонных и ионных каналах живой клетки, об устройстве молекул, переносящих ионы через мембрану клетки, и о работе транспортных белков. Но за всем этим встает гигант-

ская проблема познания того, как генерируются нервные импульсы, передающие в мозг всю информацию об окружающем мире. За этим — крупнейшие достижения молекулярной биологии, содружество ее с другими науками, степень проникновения человека в механизмы действия внутриклеточных структур.

Сегодня возникли и раздвинули пределы познания живого новые представления об энергетике и механизме клетки — они тесно связаны с уточнением роли и работы протонных и ионных ее каналов. Авторы брошюры видят в особенностях взаимного внутриклеточного превращения видов энергии прообраз световых и кислородно-водородных генераторов для электростанций будущего, а молекулярное устройство, управляющее биохимическим и электрическим хозяйством клетки, по их мнению, способно подсказать конструкцию для вычислительных машин будущего.

О степени сложности самих поисков можно судить хотя бы по такому примеру, взятому из этой брошюры. Было установлено, что во время нервного импульса разность потенциалов на мембране клетки не только падала до нуля, но и меняла знаки. На объяснение одного этого факта у исследователей ушло 10 лет.

Академик В. Е. Соколов и кандидат химических наук Э. П. Зинкевич, изучающие химическую коммуникацию млекопитающих, знакомят читателей с результатами экспериментов по расшифровке структуры особых природных веществ, выделяемых животными в окружающую среду («Химическая сигнализация млекопитающих»). Это рассказ о явлениях, долгое время недоступных исследованиям и поэтому вызывавших немало суеверных предположений. «Недалеко то время, — пишут авторы, — когда человек с помощью безопасных для себя химических средств сможет управлять поведением любых видов животных — регулировать их численность, местонахождение, эмоциональное и физиологическое состояние, социальную организацию».

Так в общих чертах выглядит направление работ биологической серии в 1978 году. И в дальнейшем направление брошюр не претерпело существенных изменений. Серия сохранила верность самым животрепещущим проблемам биологической науки, в то же время оставляя место работам, рассказывающим о практическом, прикладном использовании ее достижений. Здесь следует назвать брошюры академика Г. В. Никольского, Д. С. Алиева, Ю. Е. Милановского «Рыбы — мелиораторы», Е. К. Еськова «Акустическая сигнализация насекомых» и другие.

зано об их воздействии на ход познания, на расширение, уточнение научной картины Мира, на общественный прогресс, мышление, наконец, просто на жизнь людей. Только при этом условии получит нужное звучание изложение стратегии и методологии конкретного научного поиска или истории научных открытий.

Надо сказать, в этом плане пропаганда биологической науки открывает широкие возможности, поскольку имеет дело с изучением живого вещества природы, с человеком как объектом и творцом исследований, их сложной взаимной связью.

Как правило, о мировоззренческой значимости выбранной темы авторы серии упоминают лишь во введении или в заключении, иногда в конце глав — мимоходом, сжато, не беря на себя труд связать с этими положениями существо излагаемого ими научного материала. В этом отношении исключение составляет, например, брошюра А. В. Кибякова и Д. А. Сахарова «Рассказы о медиаторах». В ней идеи материального единства природы, эволюционного ее развития, познаваемости окружающего мира не просто декларируются, а стали органической частью изложения.

Пропагандистам естественнонаучных знаний никак нельзя забывать, что одна из главных их задач — формирование материалистических взглядов. Рассказывая о достижениях науки, о противоречивости и сложности современного научного исследования, они должны шире использовать факты и доказательства, относящиеся к роли познания, к значению науки в жизни людей, наглядно показывать, что в природе нет ничего сверхъестественного, она сама, по естественным законам, совершенствовала свои творения миллиарды лет, была единственным творческим началом до того, как в эту сферу стал вторгаться человек.

Укрепить состав... лекторов... из числа передовых... ученых...

...Заботиться об оперативности, убедительности и доходчивости выступлений.

Сердцевиной идеологической, политико-воспитательной работы было и остается формирование у советских людей научного мировоззрения...

Из постановления ЦК КПСС **«О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».**

Авторами биологической серии, как правило, выступают ведущие в своей отрасли знания ученые. И очень хорошо, что читатели получают информацию «из первых рук». К примеру, доктор биологических наук Е. А. Либерман — лауреат Государственной премии за работы по биоэнергетике. Монография доктора биологических наук Д. А. Сахарова «Генеалогия нейронов» отмечена премией имени Л. А. Орбели за 1977 год. Заведующий лабораторией физико-химических основ рецепции Института химической физики АН СССР, доктор биологических наук, профессор М. А. Островский известен как специалист в области физиологии и биофизики зрительной рецепции.

Ученые берутся за перо, стремясь сохранить точность и сложность в популярном изложении научной проблематики. В этом — достоинство большинства выпусков серии. К сожалению, массовому читателю, не подготовленному специально, многие из брошюр серии не всегда доступны. Предвидим возможное возражение: на массовую аудиторию работают другие выпуски издательства, учитывающие ее специфику. Но вряд ли с помощью этого довода можно оправдать то обстоятельство, что изданий, доходчиво пропагандирующих достижения в области биологических знаний и несущих весомый мировоззренческий заряд, еще крайне недостаточно и они далеко не в полную меру выполняют свою просветительную задачу.

Высокая научность? Да, она — непременное условие таких работ! Доступность их лишь для сравнительно узкой аудитории? С этим вряд ли можно согласиться. Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» прямо ставит задачу добиваться большей популярности, доступности в изложении актуальных вопросов современной науки и связывает ее с необходимостью формирования материалистического мировоззрения у самых разных групп населения.

К сожалению, более слабо обстоит в серии дело именно с этой второй стороной важной задачи, сформулированной Постановлением ЦК КПСС, — с повышением мировоззренческого потенциала публикуемых работ.

Конечно, ученому-биологу проще изложить судьбу и сущность научного направления либо открытия и значительно сложнее осмыслить его философски, продумать его связи, место, значение в общей системе знаний человека о Мире, определить его влияние на характер существовавших в прошлом и существующих ныне представлений людей. Формирование научного мировоззрения не ограничивается простым сообщением суммы фактов материалистического содержания. Они только тогда обретут для читателя смысл, когда ему будет расска-

Немалую службу в мировоззренческом воспитании может, на наш взгляд, сослужить возвращение к ранее затронутым темам, показ их на новом этапе познания. Ведь то, что ранее было гипотезой, предположением, могло стать научной теорией, то, что казалось теорией, могло стать частным случаем — таков характер научного познания, видимого его «несовершенства», за которое упрекают его защитники религии и которое на самом деле — залог его непрерывного развития и совершенствования.

Большое и важное дело осуществляет биологическая серия издательства «Знание» в естественнонаучной пропаганде. Авторский и редакционный коллектив ее накопил немалый опыт в освещении актуальных проблем биологического знания, но предстоит сделать еще очень многое. Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» показывает, какие для этого могут быть использованы резервы и возможности, — обращение к людям науки, утверждение научного приоритета в различных областях, связь науки с жизнью, с решением хозяйственных и политических задач, воздействие на жизнь и миропредставление людей достижений научно-технической революции.

«Божественные» камни: правда и вымысел

В. СУПРЫЧЕВ,
кандидат геолого-минералогических наук

Из черных благородных камней в природе часто встречается гагат. Поэтому он стал привлекать внимание людей еще в далекой древности. Археологи нашли округлые кусочки этого черного непрозрачного камня, обработанные кремневым инструментом и просверленные в центре, на древних стоянках в Бельгии и Швейцарии.

Гагат только по своему звучанию напоминает название другого камня — агата, но ничего общего с ним не имеет, внешне он похож на гудрон или черную смолу с раковистым изломом и ярким блеском. В сравнительно недавние времена разрабатывались небольшие месторождения этого камня в Малой Азии. Название его связано с городом Гагай в Древней Лидии.

На протяжении веков этот камень именовался также «черным янтарем» (отдельные образцы его могут наэлектризовываться от трения) или «черной амброй», хотя по составу, цвету и условиям образования он отличается как от янтаря — окаменелой золотистой смолы древних сосен и кипарисов, так и от амбры — воскообразного пахучего вещества, которое находят в желудках кашалотов. Такие звучные названия камню давали ювелиры, чтобы привлечь к нему внимание покупателя.

Великий узбекский ученый Аль-Бируни в своей «Минералогии» (XI в.) писал о гагате: «Этот камень не принадлежит к числу драгоценных камней, и бусы из него — самые низкосортные, так что их надевают на шею ослам. Знатные люди делают из него иглы для сурмления глаз... По-персидски он называется щаба; это камень густо-черного цвета; глянцевитый, очень мягкий и легкий; он горит в огне, — я слышал, что он воспламеняется, когда его нагревает солнце, — и от него исходит запах нефти».

И действительно, гагат — разновидность ископаемых углей. Его можно резать ножом и полировать. При этом поверхность его лоснится, приобретая яркий смолистый блеск с бархатистым оттенком. Потускневшее гагатовое изделие достаточно потереть о шерсть, чтобы блеск его восстановился. Для усиления блеска отполированного камня его натирают ореховым или оливковым маслом.

Легкость обработки, чистый черный цвет способствовали тому, что гагат был в древности одним из любимых украшений. А у красавиц Древнего Египта имелись не только бронзовые зеркала, но и гагатовые — ведь камень легко доводился до зеркального блеска. На витринах Херсонесского историко-археологического античного музея в Севастополе рядом с халцедоновыми кольцами, сердоликовыми ожерельями и подвесками можно увидеть прекрасные резные браслеты и перстни из гагата. Они сделаны античными ювелирами около двух тысяч лет назад.

У многих народов бытовали поверья о «магических» способностях этого камня. Арабы, например, считали, что гагат способен укреплять зрение и оберегать от «сглаза». Им пытались лечить эпилепсию и истерию, снимать головную и зубную боль. У мусульман огромной популярностью пользовались гагатовые четки для отсчета молитв и поклонов. Древние англосаксы приписывали этому камню девять магических свойств: он, мол, сохраняет владельца от урагана, злых духов, от отравы, одержимости демонами, от болезней, колдовства, телесной слабости, змеиных укусов и от дурного глаза. В Ирландии гагатом окуривали помещения, чтобы отогнать колдунов и привидения.

Знали гагат и американские индейцы. В 1896 году в Пуэбло-Бонито нашли гагатовый амулет — искусно выточенную фигурку лягушки с глазами из бирюзы. У индейцев зуни лягушка считалась священной.

В средние века основными центрами добычи и обработки гагата были Франция, Испания и Англия. Здесь из «черного янтаря» изготовляли крестики, распятия, четки и другие церковные атрибуты. Такой же камень под названием «гишер» (от армянского «гишери» — ночь) добывали и на Кавказе. До недавнего времени гагат добывали в Грузии, в Гелатско-Ткибульском каменноугольном бассейне. Известен он и в других местах страны, его находят при разработках каменного угля.

...Около 150 миллионов лет назад, в юрский геологический период, когда еще подземные силы не вздыбили многие нынешние горы, во влажной и теплой местности произрастали хвойные, цикадовые и гинкговые леса, а по заболоченным берегам рек и озер бурно разрастались хвощи и папоротники. Среди дремучих зарослей встречались растения фантастической формы. Клубневидные стволы, напоминающие огромные брюквы, были покрыты яркими цветами и перьевидными листьями. Не было слышно пения птиц — их тогда еще не было. Высоко к солнцу тянулись ветвистые стволы гинкго с веерообразными листочками. В юрских лесах появился красавец тисс. До наших дней, через миллионнолетия, остатки таких рощ чудом сохранились в укромных уголках горного Крыма. Ныне тисс — живое диво природы, «мамонт» крымского леса — охраняется государством. Это самое долголетнее растение в нашей стране, оно может жить до 4000 лет. Из других хвойных в юрских лесах произрастали гигантские секвойи и араукарии (один экземпляр реликтового растения мезозойской эры — араукарии чилийской — вот уже почти сто лет растет на южном берегу Крыма, в Алупкинском субтропическом ландшафтном парке). Эти деревья, некогда широко распространенные на земном шаре, ныне произрастают лишь в тропических лесах Южной Америки, Австралии и островов Тихого океана.

Из древних остатков юрских лесов образовывались некоторые виды каменных углей. При этом в процессе окаменения древесина замещалась не только различными минералами, но и смолистым углем, очень плотным и вязким. Гагат образовался в результате битумизации древесины вечнозеленых араукарий, поэтому его иногда называют также араукаритом.

Среди каменных углей встречаются и поделочные. Вьетнамские умельцы, например, издавна вытачивают из местных сортов однородного антрацита магические фигурки тигров, львов и пантер. Так же использовался и гагат. И современные мастера не забывают о нем. На всемирной выставке 1968 года в Монреале изделия из крымского гагата были широко представлены в советском павильоне.

Как видим, у таинственного «черного янтаря» древних вполне земное происхождение и в бывшем амулете не остается ничего сверхъестественного, загадочного. В нем мы видим лишь красивое творение природы, обработанное человеком и по достоинству занимающее место среди ювелирных камней.

г. Симферополь

Религия, церковь, верующий

КРИЗИС ВЕРЫ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

Э. ФИЛИМОНОВ,
кандидат философских наук

ПОД ЭКСТРЕМИЗМОМ в научной литературе принято понимать приверженность к крайним взглядам, мерам (от лат. extremus — крайний) преимущественно в сфере политической. Сторонников таких взглядов и действий называют экстремистами [1]. Однако экстремизм может проявляться не только в сфере политики. Приверженность к крайним взглядам и действиям может иметь место в любой сфере общественной жизни и человеческой деятельности при подходе к тем или иным проблемам. С экстремистскими проявлениями приходится сталкиваться, к примеру, и в сфере религиозных отношений. Здесь под экстремизмом обычно подразумеваются крайние действия в общественной жизни религиозных элементов.

Само явление религиозного экстремизма сложно, и оно пока слабо изучено. Нет еще достаточной ясности и в определении самого понятия: является ли в данном случае экстремизм определенным феноменом собственно религиозной жизни, или мы имеем дело с экстремистами от религии, деятельность которых не определяется их религиозной принадлежностью, а религия служит лишь формой для выражения каких-то других тенденций и стремлений.

В этой статье не ставится задачи проанализировать все возможные формы религиозного экстремизма, встречающиеся в современном мире. Речь пойдет лишь о некоторых его особенностях и специфических формах проявления в условиях нашего общества.

В последние годы понятие «религиозный экстремизм» применяется у нас прежде всего к действиям тех представителей религиозных обществ в нашей стране, которые вступают на путь антиобщественной, противозаконной деятельности[2]. Однако было бы ошибочно зачислять в ряды религиозных экстремистов тех, кто по той или иной причине нарушает законодательство о культах. Нарушение законодательства может быть и не связано с экстремистскими настроениями, а обусловлено другими причинами и мотивами (например, незнанием этого законодательства), в то время как в религиозном экстремизме мы имеем дело с сознательным нарушением законов.

Порой понятие «религиозный экстремизм» отождествляют с религиозным фанатизмом, распространяют на всех фанатично верующих людей, особенно из незарегистрированных сектантских объединений и групп, что является также ошибочным. Несомненно, проявления религиозного фанатизма в действиях религиозных экстремистов занимают существенное место, однако нельзя всех религиозных фанатиков зачислять в ряды экстремистов. Тем более неоправданна и вредна имеющаяся тенденция отождествлять религиозный экстремизм с религиозным сектантством в целом.

Действительно, в сектантстве, с его претензией на религиозную исключительность, на истинность лишь своего варианта «спасения», с тенденцией к обособлению от общества, явления религиозного экстремизма имеют место чаще, например: среди сторонников совета церквей ЕХБ, адвентистов-реформистов, крайних пятидесятников, свидетелей Иеговы и др. Однако основная масса последователей этих религиозных групп не являются религиозными экстремистами. Их нередко вводят в заблуждение и настраивают на антиобщественную деятельность экстремисты из числа руководителей.

Следует также учитывать, что экстремистские проявления имеют место среди православного и католического духовенства, среди последователей ислама, особенно мюридских группировок, среди последователей бывшей униатской церкви.

Из сказанного можно сделать вывод: религиозный экстремизм не связан с каким-либо определенным религиозным направлением, он интерконфессионален; как явление он не охватывает основную массу верующих, а свойствен лишь отдельным лицам или группам из среды религиозных активистов, священнослужителей, сектантских проповедников, которые «пытаются обойти закон, возбудить у верующих недовольство политикой Советского государства в отношении религии, преследуя обычно карьеристские, корыстные цели и прикрываясь при этом религией»[3].

Каковы же условия его проявления в среде верующих в нашем обществе?

Прежде всего это стремление некоторых служителей церкви преодолеть кризис религии с помощью крайних действий, ведущих к нарушению советских законов. Угасание религии в современном мире, в том числе и в социалистическом обществе,— объективный процесс, вызванный действием ряда объективных и субъективных факторов. Это и революционные преобразования в современном мире, и успехи науки, и все расширяющийся процесс секуляризации. В нашем обществе кризис религии углубляется в результате социалистических преобразований, культурной революции, развития науки и образования, утверждения социалистического образа жизни, принципов коллективизма, гуманизма и

[1] Именно такое определение дают БСЭ (т. 30, стр. 19), МСЭ (т. 10, стр. 778), «Краткий политический словарь». (М., 1978, стр. 408).

[2] Антиобщественный и противозаконный характер деятельности религиозных, в частности сектантских, экстремистов освещался в работах И. И. Бражника, В. И. Гальперина, В. А. Куроедова, Г. С. Лялиной, А. Т. Москаленко и других авторов.

[3] В. А. Куроедов. Советское государство и церковь. М., 1976, стр. 59.

интернационализма. Сокращаются источники пополнения религиозных объединений, меняется их социально-демографическая структура, растет религиозный индифферентизм. Религиозные обязанности и интересы отодвигаются у верующих на задний план, большинство из них начинают осознавать несоответствие духовных ценностей религии и ее нравственных поучений духовному миру и образу жизни наших современников.

Не в силах разобраться в объективном характере этих процессов и в то же время желая как-то воспрепятствовать им, религиозные экстремисты вслед за буржуазными фальсификаторами объясняют причины кризиса религии «гонениями на верующих» со стороны «атеистического государства». Отсюда их нападки на социалистическую демократию, на советское законодательство о религиозных культах — под тем предлогом, будто все это не обеспечивает действительной свободы совести в СССР. В конкретной практике это неприятие социалистической законности нередко приобретает форму анархистских действий, приходящих в резкое противоречие с советскими законами.

Анализ взглядов, побудительных мотивов и деятельности религиозных экстремистов в различных конфессиях показывает их тесную связь с обострением идеологической борьбы между капиталистической и социалистической системами на современном этапе общественного развития. Влияние буржуазной пропаганды зримо прослеживается в действиях религиозных экстремистов. Для них характерно преклонение перед буржуазной демократией, буржуазной «религиозной свободой», активное усвоение идеологических мифов и концепций буржуазно-клерикальной пропаганды.

Миф об «атеистическом государстве» и «государственном атеизме» в нашей стране — излюбленный штамп буржуазно-клерикальной пропаганды, распространяемый различного рода «советологами», «специалистами» по вопросам религии и церкви в СССР, занимающимися фальсификацией положения верующих в социалистическом обществе (У. Коларз, О. Фосс, Г. Симон, М. Бурдо, А. Мартен и др.). Этот миф взят на вооружение и религиозными экстремистами. Так, например, сторонники одной из группировок адвентистов-реформистов — так называемой всесоюзной церкви верных и свободных адвентистов седьмого дня (глава В. А. Шелков) в своих «открытых письмах» распространяют клеветнические утверждения о существовании «диктатуры государственного атеизма» [4].

Цель подобных фальсификаций, распространяемых буржуазными идеологами и следующими за ними религиозными экстремистами, ясна: подорвать духовное и социальное единство советского народа, внушить верующим мысль об их неравноправии и тем самым возбудить у них негативное отношение к органам власти, к советскому законодательству.

В действительности Советское социалистическое государство является подлинно народным, демократическим государством. В нашей стране, согласно Конституции, равноправны все граждане, независимо от их происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий. Верующим, как и всем советским гражданам, Конституция гарантирует осуществление их прав во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни.

Согласно Конституции, свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду, гарантируется советским гражданам отделением церкви от государства и школы от церкви, принципом невмешательства государства во внутреннюю (богослужебную, каноническую) жизнь религиозных организаций, предоставлением верующим необходимых условий для удовлетворения их религиозных потребностей, контролем государственных органов за соблюдением законодательства о религиозных культах. Всякое разжигание вражды между верующими и неверующими, между различными группами верующих и государством считается антиконституционным актом. Конституция исходит из необходимости дальнейшего укрепления единства верующих и неверующих.

Поэтому все попытки буржуазно-клерикальной пропаганды и религиозных экстремистов вбить клин между верующими и неверующими, верующими и социалистическим государством обречены на провал. Все советские люди — и верующие и неверующие — честно и добросовестно трудятся над построением коммунизма в нашей стране, над повышением благосостояния трудящихся, над укреплением могущества Советского государства.

Необходимо также сказать о связи, переплетении религиозного экстремизма с проявлениями национализма в сфере психологии и морали. Их объединяет прежде всего односторонняя, гипертрофированная, извращенная абсолютизация в одном случае национальных, а в другом — религиозных различий, стремление поставить эти различия выше социальных и классовых. Роднит их и общность духовной среды, в которой они, как правило, произрастают: обывательщина, воинствующий индивидуализм и эгоизм, духовная и мировоззренческая незрелость, низкий уровень образованности, идейности, культуры, социальный нигилизм. Крайности, как известно, сходятся, и проявления религиозной и национальной ограниченности не представляют в этом отношении исключения.

Одним из факторов, способствующих деятельности религиозных экстремистов, являются ошибочные действия отдельных представителей местных органов власти, пытающихся бороться с религиозной идеологией с помощью администрирования, нарушающих законодательство о религиозных культах, ущемляющих законные права верующих. Факты администрирования, как правило, связаны с непониманием закономерностей угасания религии и тех причин, которые поддерживают ее в условиях социалистического общества.

Оживлению экстремистских настроений способствует и недооценка необходимости систематической разъяснительной и воспитательной работы среди религиозного актива и духовенства. Опыт показывает, что там, где действенно ведут такую работу, религиозный экстремизм не находит себе почвы.

Анализ совокупности некоторых факторов проявления религиозного экстремизма дает возможность яснее и глубже понять его сущность. Он пропитан мелкобуржуазными, индивидуалистическими, националистическими и анархическими устремлениями. Одна из главных целей экстремистов — пересмотр отношений, сложившихся в социалистическом обществе между государством и церковью, отношений, закрепленных в Конституции СССР и советском законодательстве о религиозных культах. Религиозный экстремизм — это специфический рецидив мелкобуржуазной индивидуалистической психологии. Не случайно среди экстремистов немало лиц

[4] Об антиобщественной деятельности этой группировки писала газета «Известия» 12 мая 1979 г. в статье В. Кассиса и М. Михайлова «Что творилось в бункере «апостола».

с темным прошлым, людей, недовольных советским образом жизни, находящихся в длительном конфликте с органами Советской власти и скрывающих под религиозностью свои антиобщественные взгляды и настроения.

С крайними взглядами и действиями такого рода приходилось сталкиваться и раньше, буквально с первых лет существования Советского государства. Имеются в виду прежде всего контрреволюционные действия отдельных элементов из среды духовенства и другие акции, направленные против законов Советского государства, прежде всего против Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Современный религиозный экстремизм имеет, таким образом, и определенные исторические корни.

В условиях развитого социалистического общества нет социальных сил и групп, заинтересованных в поддержании и развитии этого явления. Советские люди, в том числе и верующие, осуждают религиозный экстремизм. Он остается уделом отдельных лиц, стремящихся найти себе сторонников прежде всего в тех религиозных общинах, которые уклоняются от регистрации.

В связи с этим встает вопрос о специфике взглядов религиозных экстремистов. Если взять чисто религиозный аспект их деятельности, то вряд ли мы найдем здесь что-либо новое, выходящее за рамки той или иной конфессии: католики остаются католиками, баптисты — баптистами, пятидесятники — пятидесятниками. В то же время изучение настроений и взглядов экстремистов, например внутри различных направлений религиозного сектантства, показывает, что там наблюдается определенное смещение акцентов в интерпретации религиозной догматики. Это — требование более строгого соблюдения правил религиозной жизни и особенно определенных норм, связанных с отношением к обществу. Это — стремление к максимальной обособленности от «мира». В вероучении это упор на эсхатологические идеи, на проповедь приоритета «божественных законов» над «законами земными» и т. д.

Однако различие между экстремистами и остальными верующими не определяется различием между традиционалистами и сторонниками приспособления к духу времени. Оно лежит за пределами собственно вероучения и касается прежде всего вопросов, связанных с отношением верующего к обществу и государству. Именно это определяет специфику взглядов религиозных экстремистов, независимо от их конфессиональной принадлежности. Причем в выражении этих вопросов, в самом подходе к ним, как уже отмечалось, нельзя не заметить определяющего влияния буржуазной пропаганды, заимствования традиционных стереотипов, распространяемых буржуазными пропагандистскими центрами.

Действия экстремистов не могут не вызывать недовольства среди введенных ими в заблуждение рядовых верующих. Они начинают понимать, что деятельность экстремистов выходит за рамки религиозной, толкает верующих на путь конфликта с государством[5]. Верующие все больше осознают, что религиозные экстремисты меньше всего заботятся об их интересах. Это приводит к процессу расслоения и дифференциации в религиозных группах, где задают тон экстремистски настроенные главари, к отходу от них массы верующих.

Последние годы усилиями общественных организаций и государственных органов немало сделано для разоблачения и пресечения противозаконных действий экстремистов. В то же время следует признать, что борьба с религиозным экстремизмом еще недостаточно эффективна. Она требует координированного участия различных ведомств, средств массовой информации и пропаганды, трудовых коллективов. Она немыслима без тщательного изучения истоков экстремистских тенденций и факторов, их поддерживающих. При этом необходимо строго соблюдать принцип дифференцированного подхода к рядовым верующим и к их экстремистски настроенным вожакам. Следует предавать гласности любые нарушения закона, создавать вокруг злостных нарушителей законности и правопорядка, организаторов противозаконных действий атмосферу общественного осуждения. Как показал опыт, большую роль играют здесь собрания в трудовых коллективах и по месту жительства, посвященные обсуждению и осуждению антиобщественной деятельности религиозных экстремистов. Особое внимание при этом обращается на разъяснение того реального вреда, который это приносит самим верующим.

Такая форма работы доказала свою эффективность в ряде областей Украины, Российской Федерации, в других союзных республиках.

Особого внимания требует воспитательная работа с детьми из семей экстремистски настроенных верующих. В нарушение советских законов дети из таких семей посещают специальные детские и юношеские молитвенные собрания, участвуют в религиозной самодеятельности. Религиозные экстремисты настойчиво стремятся внедрить в сознание детей антиобщественные идеи, привить неуважение к советским законам. В идейно-воспитательной работе с такими детьми и их родителями, как нигде, нужны, с одной стороны, такт и осторожность, уважение прав верующих, а с другой — настойчивое и систематическое разъяснение того вреда, который наносит детям религиозный экстремизм. Согласно советским законам, права родителей, в том числе и верующих, тесно связаны с их обязанностями воспитывать в детях патриотизм, чувство общественного долга, сознание гражданских обязанностей, готовность участвовать в общественно полезном труде.

Опыт работы учителей, комсомольских и пионерских организаций в ряде республик и областей страны показывает, что успеха в воспитательной работе с детьми из верующих семей можно добиться лишь тогда, когда она ведется систематически, сопровождается настойчивым поиском таких форм и методов индивидуального воздействия, которые нейтрализовали бы влияние религиозной микросреды, способствовали развитию общественной активности учащихся.

Одно из важных направлений идейно-воспитательной работы с теми, кто, заблуждаясь, идет на поводу у религиозных экстремистов, — патриотическое и интернациональное воспитание, пропаганда принципов социалистического образа жизни и морали, правовых знаний, разъяснение советского законодательства о религиозных культах, формирование научного миропонимания. Отсюда важность лекций и бесед на такие темы, как «Духовные и нравственные ценности научного атеизма», «Атеизм и духовная жизнь», «Атеизм и нравственность» и др.

Борьба с религиозным экстремизмом — одна из актуальных задач атеистической работы.

---

[5] Об этом, в частности, свидетельствуют публикуемые в журнале «Братский вестник» письма верующих, порвавших с советом церквей ЕХБ и осуждающих действия религиозных экстремистов (см.: «Братский вестник», 1971, № 4, стр. 19 и др.).

Под натиском жизни

И. АНИЧАС,
доктор исторических наук,
И. МАЧЮЛИС,
кандидат философских наук

Глубокие революционные изменения в современном мире не могли не отразиться и на судьбах религии, став причиной ее глобального кризиса. Одно из его проявлений (одновременно это и попытка преодолеть кризис) — развитие модернистских тенденций в условиях новой социально-политической реальности. В наше время церкви не только отказываются от догматических архаизмов, но и пересматривают свое отношение к социализму, рабочему движению, труду, научно-техническому прогрессу и т. д.

Католицизм также оказался подвержен этим тенденциям. В нашей стране на его модернизацию существенное влияние оказывают прежде всего качественно новые условия жизни социалистического общества, в котором резко сократилась сфера влияния религии.

В этой статье пойдет речь об эволюции социально-политической доктрины католицизма на примере церкви в Литве.

Эксплуататорские классы всегда нуждались в том, чтобы церковь воспитывала народ в духе послушания и покорности, отвлекала его от революционной борьбы, освящала и санкционировала их политику. Но и церковь в свою очередь всегда ощущала необходимость в поддержке со стороны эксплуататорского государства. Буржуазная Литва не была в этом смысле исключением. Между ее правительством и Ватиканом в 1927 году был заключен конкордат, который упрочил авторитет католичества. Церковь стала получать от правительства большие субсидии. Только с 1928 по 1943 годы министерства сельского хозяйства, путей сообщения и просвещения Литвы отчислили в казну церкви около 3 миллионов литов. Католические приходы имели в среднем по 30 гектаров земли. В ведении церкви находились банки и фабрики, школы и благотворительные учреждения, само духовенство пользовалось значительными льготами и привилегиями.

Естественно, что церковники всячески поддерживали политику правящих классов, фанатически препятствуя растущему влиянию идей марксизма-ленинизма. В исполнении своих пастырских обязанностей они опирались прежде всего на социальные энциклики римских пап — Льва XIII о рабочем вопросе — «Рерум новарум» (1891 г.), Пия XI — «Квадрагезимо анно» (1931 г.) и «Дивини редемпторис» (1937 г.), пропагандировавших идеал христианского общественного устройства, основанный на принципе классового сотрудничества эксплуататоров и эксплуатируемых, а также на распоряжения и указания ватиканских конгрегаций. Не только высшее духовенство, но и рядовые священнослужители усиленно пропагандировали среди прихожан социальную доктрину католицизма, провозглашавшую естественность и богоугодность капиталистической, частной собственности. «Этого требуют самые реальные дела самой реальной жизни», — писал в 1936 году лидер христианско-демократической партии М. Крупавичюс в клерикальном журнале «Путь истины» (на литовском языке). Частная собственность, говорилось в проповедях, — самая надежная гарантия лучшего хозяйствования, воцарения спокойствия, обеспечения свободы личности. Далее следовали призывы не верить коммунистам, ибо они хотят уничтожить частную собственность, а это идет вразрез с человеческой природой. Борьба с «материалистическим коммунизмом» была объявлена долгом каждого, делом «национальной и государственной сознательности».

На противоборство с растущим рабочим движением церковь толкали классовые интересы — боязнь потерять богатство, привилегированное положение, идейное господство, политическое влияние. История показала, что страхи эти имели основания: революционное движение победило — в 1940 году в Литве была восстановлена Советская власть.

Лишившись своих привилегий, часть католического духовенства выступила против социалистических преобразований, сотрудничала с гитлеровцами в годы войны, а после нее вступила в контакт с буржуазным националистическим подпольем, навязывая свою политическую ориентацию рядовым верующим. Особенно отличался своей реакционной деятельностью епископ В. *Борисявичюс*. Вместе со своим клиром он помогал гитлеровским парашютистам в последние месяцы войны, а затем вооруженным бандам буржуазных националистов, действовавшим на территории Жемайтии. Ксендз А. Илюс пытался даже создать так называемый верховный комитет по освобождению Литвы (ВКОЛ). Этот комитет должен был подготовить меморандум о выходе Литвы из состава СССР.

Естественно, что подобные действия ряда священнослужителей не способствовали укреплению авторитета церкви в народе. Литовцы прочно встали на путь социальных перемен, и враждебное отношение к Советской власти отвращало рядовых верующих от католицизма. Поэтому когда правительство республики обратилось к церкви с просьбой высказаться в своих пастырских посланиях и циркулярах против ведущей к кровопролитию преступной деятельности вооруженных банд националистов, большинство духовенства выполнили этот гражданский долг. 14 июня 1945 года управляющий каунасской архиепархией прелат С. Иокубаускис опубликовал в печати обращение к верующим, в котором призывал участников националистического подполья «отозваться на голос церкви, послушать правительство, послушать Родину, порвать с людьми злой воли» и вернуться к мирному труду.

Процесс перехода служителей религиозного культа на лояльные позиции по отношению к советскому строю был закономерен. Церковь как социальный институт не могла не реагировать на огромные положительные перемены в социально-экономической, политической и духовной жизни трудящихся масс.

В 1964 году в Вильнюсе вышел сборник «К свету», в котором бывшие верующие рассказывали о причинах их отхода от католической церкви. Вот что они говорили в этой книге: «Еще больший перелом в моих религиозных воззрениях произошел в первые послевоенные годы, когда в деревнях свирепствовали буржуазные националисты... Ксендзы благословляли кровожадные деяния кулаков и их сыновей...» «Вспомнил свое детство. Начал сравнивать тогдашнюю и теперешнюю жизнь людей. Понял, что настоящему не нравится тот большой прогресс, который сегодня достигнут. А ведь меня Советская власть вывела в люди. И меня брала злость, когда я слышал, как ксендз охаивает советскую действительность».

Советская действительность разрушила миф о преследовании верующих в социалистическом обществе, который десятилетиями создавало литовское духовенство. Коммунистическая партия Литвы, добиваясь морально-политического единства всех трудящихся, мобилизовала как неверующих, так и

верующих на строительство социализма, на борьбу против его врагов. Немаловажную роль в отходе верующих от религии сыграло осуществление в нашей стране подлинной свободы совести — провозглашенное Конституцией право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой — быть атеистом. Того, что в СССР последовательно осуществляется этот принцип, не могло не признать и само духовенство. Так, управляющий тельшяйской епархией П. Мажялис писал в 1953 году: «Все те, с кем мне довелось хоть немного побеседовать, в один голос говорили: «Если так беспрепятственно мы можем собраться, то значит, что мы можем верить, что наши религиозные дела не подвергаются презрению, не притесняются».

Переход церкви в Литве на лояльные позиции вызвал к жизни и пересмотр ею социальной доктрины. Весьма характерно в этом отношении высказался управляющий каунасской архиепархией Ю. Станкявичюс. «Кто следует миражу, ничего реального не достигнет, — писал он в 1949 году в циркуляре ксендзам. — Приближается время обновления религии. Что значит обновить религию? Это значит заново пересмотреть религиозные обязанности, пересмотреть, приспосабливаясь к реальной жизни и учась вносить вклад религии в строящуюся новую жизнь. Засохшие листья падают, живые продолжают зеленеть».

Какие же концепции выдвинули на первый план сторонники «религиозного обновления»?

Во-первых, духовенство Литвы начало активно пропагандировать идею социальной универсальности католицизма. Например, в упомянутом циркуляре подчеркивалось: «Католическая церковь не связана ни с каким социальным строем... важно лишь, чтобы люди не терпели лишений, чтобы они были обеспечены и счастливо жили». Аналогичные утверждения, правда, встречались и раньше. «Церковь прекрасно может приспособиться к той или другой политической формации, важно лишь, чтобы последняя была полезной и соответствовала общему благу», — говорилось, например, в изданной в 1932 году в Каунасе книжке Е. Магнина «Политические права и обязанности католиков». Но тогда это утверждение касалось капиталистического строя и оправдывало борьбу с социализмом. Новым в циркуляре Ю. Станкявичюса было признание исторической неизбежности социалистических преобразований и призыв к верующим включиться в борьбу за восстановление страны.

Таким образом, идея социальной универсальности католицизма, приобретя новые оттенки, стала важной теоретической предпосылкой стремления сторонников религиозного обновления вписаться в новую действительность.

Нельзя не отметить также, что тезис: «Церковь не связывает себя ни с какой особой формой человеческой культуры или политической, экономической или социальной системой» — был официально зафиксирован в принятой II Ватиканским собором пастырской конституции «О церкви в современном мире» («Гаудиум эт спес»).

По словам известного советского философа М. Мчедлова, это было вызвано стремлением католической церкви выжить при всех политических изменениях, в любой стране, врасти во всякую, в том числе и в утвердившуюся на трети земного шара социалистическую систему.

Во-вторых, стремясь «врасти» в социалистическое общество, литовское духовенство не могло не отказаться от пропаганды некоторых краеугольных постулатов социальной доктрины католицизма — например, апологии частной собственности и деления общества на антагонистические классы. «Сегодня нельзя божье слово проповедовать при помощи старых понятий, так как формы общественной жизни в хозяйствах, на предприятиях, заводах совсем изменились, — писал в 1954 году уже упомянутый управляющий тельшяйской епархией П. Мажялис. — Например, вместо либерального индивидуального хозяйствования появилось грандиозное коллективное хозяйствование, требующее более высокой духовной культуры и морали».

Управляющий каунасской архиепархией Ю. Станкявичюс разослал в 1955 году конспект проповеди «По вопросу труда и общественной собственности», в котором подчеркивалась необходимость «беречь и умножать имущество колхозов и фабрик», — в качестве залога дальнейшего улучшения жизни трудящихся. В то же время Станкявичюс ссылался и на раннехристианскую традицию, исходящую от святого Августина: хозяин всех благ — бог, требующий пользоваться ими по справедливости. Изданный в 1968 году в Литве «Литургический молитвенник» требует, чтобы каждый католик исповедовался в том, «уважал ли он общественную собственность».

В современных ватиканских документах также явно заметны элементы возврата к раннехристианской традиции о «благах земных». Однако это касается лишь сферы «пользования благами», а не владения ими. Ватикан не посягает на основы капиталистического общества, а лишь советует его совершенствовать. Однако католическое духовенство в нашей стране уже никак не может пропагандировать социальную доктрину современного католицизма без оговорок. Это шло бы в разрез с интересами рядовых верующих, ибо Ватикан в конечном счете защищает незыблемость капиталистического общества.

Третий важный момент в подходе католической церкви Литвы к социально-политическим вопросам — ее отношение к войне и миру. В пастырских письмах, в проповедях литовских священнослужителей решительно и безоговорочно звучат призывы к верующим мирным трудом и единением противостоять империалистам, готовящим новую войну. П. Мажялис, например, вернувшись с Конференции всех церквей и религиозных объединений в СССР (1952 г.), обнародовал пастырское письмо. «Кому нужна война? — спрашивал он. — Война нужна только верхушке капиталистических государств, эксплуататорам простого люда, тем, в чьих заводах день ото дня куется оружие, создаются атомные бомбы, плодятся микробы страшных болезней. Вот кто настоящие поджигатели войны... Пусть разногласия между народами и государствами разрешаются без кровопролития! Пусть крепнет и умножается армия сторонников мира».

Примечательно, что эти слова были сказаны в то время, когда Ватикан фактически поддерживал воинственные устремления империалистов, хотя на словах и ратовал за мир. И только в начале 60-х годов, убедившись, что политика мирного сосуществования государств с различным социально-политическим строем приобретает все больше сторонников, Ватикан официально провозгласил, что всякий акт войны следует осудить решительно и без колебаний.

Принимая активное участие в работе Берлинской конференции католиков европейских стран, духовенство Литвы еще раз подтвердило, что оно твердо поддерживает мирную политику Советского государства. Разумеется, при этом священнослужители, обращаясь к верующим в пастырских письмах и проповедях, по-прежнему утверждают: стремление человечества к миру будет эффективно лишь при условии выполнения божественных заповедей и главный путь к этому — укрепление позиций христианства.

Наконец, в-четвертых, литовское католическое духовенство в новых условиях стало особо подчеркивать нравственную ценность религии. Поле деятельности ксендза — забота о вере людей, их нравственности, говорится нередко в проповедях и посланиях, ибо таким образом церковь может помочь государству «достичь общего блага для людей».

Усиленное подчеркивание нравственной ценности католицизма — один из важнейших путей, которым церковь пытается укрепить свое положение в социалистическом обществе. Ведь церковь, будучи отделена от государства, не имеет возможности влиять на сознание людей через социально-политическую, экономическую, культурную сферы жизни общества. Вот почему духовенство уделяет такое внимание нравственной проблематике, формируя духовный мир паствы по традиционным схемам.

Нельзя не отметить, что эволюция социально-политических позиций католической церкви Литвы происходит не без внутренней борьбы в среде самого духовенства, среди которого есть и отдельные нелояльные элементы. Они фальсифицируют положение церкви и верующих в СССР, стремятся на почве католицизма подогревать националистические настроения, нарушают советское законодательство о религиозных культах. Их вылазки инспирируются международным антикоммунизмом, клерикальными кругами реакционной литовской эмиграции. Однако основная масса рядовых верующих в Литве отлично понимают, что это всего лишь камуфляж реакционных политических целей, и решительно говорят «Нет!» религиозному экстремизму.

Как видим, достижения Советского Союза в экономической, политической, культурной областях, рост его международного авторитета, развитие и упрочение социализма в нашей республике, глубокие изменения в сознании трудящихся, которые произошли под воздействием советской действительности, а также идейно-воспитательной деятельности Коммунистической партии, привели католическую церковь Литвы на позиции политического реализма.

г. Вильнюс

Тайные писания первых христиан

И. СВЕНЦИЦКАЯ,
доктор исторических наук

Евангелие Фомы

Среди хенобоскионских рукописей было найдено также Евангелие Фомы[1]. Это — второе евангелие, приписываемое апостолу Фоме, хотя ничего общего они между собой не имеют и ни одно из них церковь не признает священным.

Хенобоскионское евангелие состоит из отдельных притч и изречений, часто логически друг с другом не связанных. Иногда коротко описывается ситуация, в которой произносится речение, приводятся вопросы учеников Иисуса Христа. Встречаются речения и притчи, которые есть в Новом завете (главным образом в первых трех его евангелиях) и папирусных списках речений. Совпадают они иногда полностью, иногда — частично. Есть случаи, когда речение, известное нам из текстов на папирусах, разделено и разные части приведены в разных местах Евангелия Фомы. Кроме того, часто изменен контекст, в котором приведено то или иное речение, и от этого существенно меняется его интерпретация.

Евангелие помогает понять и воззрения египетских гностиков, и процесс становления христианской традиции, в том числе и новозаветной. Переведенное на коптский язык с более раннего греческого источника, оно создавалось приблизительно в то же время, что и канонические евангелия, и восходит к тем же источникам, устным и письменным. По-видимому, это была одна из самых ранних попыток обработать в духе учения о логосе раннехристианскую традицию об Иисусе и его речениях. Евангелие Фомы было известно христианским писателям более позднего времени: цитату из него приводит Ориген. Можно предположить, что оно было распространено за пределами Египта, во всяком случае, за пределами группы гностиков, нашедших убежище в древнем Хенобоскионе.

Евангелие начинается так: «Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Дидим Иуда Фома». То есть сразу подчеркивается свойственное гностикам представление о тайности учения Иисуса. Далее говорится, что тот, кто обретет истолкование этих слов, не вкусит смерти, ибо спасение, бессмертие обретается не через веру или добрые дела, но через истолкование, «познание» скрытого смысла речений. Таким образом, уже во вступлении читатель предупреждается, что он должен найти особый, не лежащий на поверхности смысл сказанного Иисусом.

Продолжение. Начало см. в № 1.

По существу, при всей своей внешней разнородности Евангелие Фомы и представляет собой попытку дать внутренне достаточно цельное гностическое толкование широко известным поучениям, которые связывались с именем основателя христианства. Однако автор евангелия не только отыскивает в этих поучениях скрытый смысл, но и прибегает к прямой полемике с теми положениями, которые не принимает.

Существенное место, гораздо большее, чем в других произведениях гностического круга, занимает в этом евангелии проблема царства божьего. В то время христиан разных направлений волновал вопрос о вознаграждении всех страждущих в царстве божьем. Шел спор о том, когда оно наступит, будет ли оно на земле или нужно ожидать награды на небесах и что в таком случае представляет собой этот небесный рай. В Евангелии Фомы вместо «царства божьего» обычно говорится просто «царствие», или «царствие отца», или (реже), как в Евангелии от Матфея, «царство небесное» (гл. 5, ст. 3, 20).

Уже в первых речениях Фома полемизирует с теми, кто представляет царство божье как что-то конкретное во времени и месте. «Иисус сказал: если те, которые ведут вас, говорят вам: смотрите, царствие в небе! — тогда птицы небесные опередят вас. Если они говорят вам, что оно—в море, тогда рыбы опередят вас. Но царствие внутри вас и вне вас». В этом отрывке устами Иисуса отвергается вера в земные формы царства божьего. Сопоставление неба и моря как возможных мест для царства сделано специально, чтобы снизить образ первого, показать его в конкретной реальности, где нет места божеству (вряд ли кто-нибудь учил, что царство божье может быть в море!). Слова «которые ведут вас» говорят о том, что представление о царстве небесном — не исконно христианское, а принадлежит отдельным руководителям некоторых общин.

В конце Евангелия Фома поднимает вопрос о сроках пришествия царства: «Ученики его сказали ему: В какой день царствие приходит? (Иисус сказал): Оно не приходит, когда ожидают. Не скажут: Смотрите, здесь! — или: Смотрите, там! Но царствие отца распространяется по земле, и люди не видят его». Здесь как бы дается ответ на те вопросы, которые приведены во Втором послании Петра: «...Явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: где обетование пришествия его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (гл. 3, ст. 3—4).

Однако автор Евангелия Фомы и те, чьи взгляды он отражал, заняли особую позицию: царство — это извечно существующая божественная сущность, то же самое, что свет или истина других гностических сочинений, она вне людей, но она и в них, и только внутри себя они должны обрести царство. Эта мысль повторяется и в другом речении евангелия. Ученики спрашивают, где находится воскресший Иисус, на что тот им отвечает: «Есть свет внутри человека света, и он освещает весь мир. Если он не освещает, то — тьма». Дальше царство божье сравнивается с женщиной, которая взяла закваску, положила ее в тесто и разделила на большие хлебы. Только те, в ком есть часть царства (в духовном понимании этого слова), спасутся: «Если вы не имеете этого в себе,— говорится в другом речении, — то, чего вы не имеете в себе, умертвит вас».

Таким образом, Фома выступает против конкретных, предметных представлений о царстве. Несомненно, такую трактовку царства божьего породил кризис апокалипсических настроений, связанных с ожиданием скорого второго пришествия, кризис, который неизбежно должен был наступить при столкновении религиозных идей с реальной действительностью.

Иисус в этом произведении исполнен тайны. Ученики спрашивают его: «Кто ты?» — он же отвечает, что ученики должны узнать, кто он, из того, что он говорит, в противном случае они уподобятся иудеям, которые «любят дерево и ненавидят его плоды, они любят плод и ненавидят дерево» (то есть они не понимают истинной сущности ни своего учения, ни учения Иисуса). Характерен здесь антииудейский выпад. Ведь евангелие писалось в период разрыва христианства с иудейством. Как и многие другие гностики (да и не только они), автор выступает против иудеохристиан.

Невыразимость сущности Иисуса передана и в другом эпизоде. Тут уже Иисус спрашивает учеников, кому он подобен. Петр сравнивает его с ангелом, Матфей — с мудрым философом, Фома же говорит: «Мои уста никак не примут сказать, на кого ты похож». Тогда Иисус сообщает ему тайно некие слова, которые тот не решается передать другим ученикам. Это отражение споров о природе Иисуса, которые велись в период соз-

[1] В переводе М. К. Трофимовой оно опубликовано в книге «Античность и современность». М., 1972, стр. 369—380.

дания первых евангелий. По мнению гностиков, сущность Христа можно передать только символически, и в данном евангелии это — разлитый повсюду свет: «Я — свет, который на всех. Я — все: все вышло из меня и все вернулось ко мне».

Когда создавалось Евангелие Фомы, гностицизм окончательно не выделился из христианских направлений и был все еще тесно связан с древней традицией. Первые записи речений, вложенных этой традицией в уста Иисуса, были и для гностиков священными. Поэтому в Евангелии Фомы есть речения, встречающиеся в новозаветных евангелиях и папирусных фрагментах. Сопоставление их дает много интересного для выявления и взглядов самого Фомы в частности, и методов создания раннехристианской литературы вообще. Кроме того, анализ речений иногда позволяет выявить вариант более ранний, чем тот, который приведен в Новом завете. Вот, например, известные слова Иисуса: «...Отдавайте кесарево кесарю, а божие богу» (Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 21). Фома добавляет: «То, что мое, дайте мне» — и тем самым отделяет Иисуса от того бога, в которого верили иудео-христиане. Для него он не является единым и вездесущим началом. Это начало он называет, как правило, «отцом». Вероятно, этим объясняется и то, что в евангелии опускается эпитет «божье» по отношению к «царству». Например, там приведен логий о необходимости отречения от мира и соблюдения субботы как условия достижения царства. Если в греческом тексте, дошедшем до нас на папирусе, сказано «царство божье», то в хенобоскионском варианте определение «божье» отсутствует. Образ иудейского Яхве слишком тесно связан с христианским словоупотреблением «бог», «божье», поэтому христианин-гностик предпочел отказаться от них, а там, где он не мог изменить почитаемых, устоявшихся речений, сделал вставку, чтобы оторвать образ Иисуса от образа иудейского бога. Возможно также, что в Евангелии Фомы определение «божье» отброшено еще и потому, что тогда оно вызывало устойчивые ассоциации с царством божьим на земле — тысячелетним царством добра и справедливости (составители и редакторы Евангелия от Матфея по тем же соображениям заменяли царство божье на царство небесное).

Интересно сопоставить также приводимую евангелистом часть новозаветной Нагорной проповеди с каноническими вариантами[1].

Фома в разных местах говорит: «Блаженны бедные, ибо ваше — царствие небесное»; «Блаженны те, которых преследовали в их сердце; это те, которые познали отца в истине»; «Блаженны вы, когда вас ненавидят и вас преследуют...»; «Блаженны голодные, потому что чрево того, кто желает, будет насыщено». А в Евангелии от Матфея блаженство обещается «нищим духом», и насыщение — «алчущим и жаждущим правды» (гл. 5, ст. 3—6). В последнем случае вознаграждение обещано только сторонникам новой веры, духовно чистым, тогда как в Евангелии Фомы речь идет о бедняках, обиженных и гонимых. Здесь социальный аспект выражен резче.

Такое понимание было свойственно ранним христианским группам. В Евангелие Фомы были включены, по-видимому, наиболее древние варианты этих речений. Между прочим, эти разночтения еще раз подтверждают вывод ученых, исследовавших Новый завет, что Нагорная проповедь как таковая никогда не была произнесена.

Небезынтересен здесь чисто гностический подход к конкретным беднякам, голодным и т. д. Фома, вероятно, имел в виду возможность перетолкования этих речений, поэтому добавил разъяснение к словам о преследуемых — «те, которые познали отца в истине». А несколько ранее пообещал блаженство избранным: «Блаженны единственные и избранные, ибо вы найдете царствие. Ибо вы от него, и вы снова туда возвратитесь».

Чисто гностические идеи выражены в Евангелии Фомы и в речении, где говорится о необходимости сделать верхнее нижним. Как и в Евангелии Филиппа, здесь имеется в виду уничтожение присущих миру (космосу) разделений на противоположности: для того чтобы войти в царство, нужно сделать внешнее внутренним, верхнее — нижним, а мужское и женское — единым.

Вообще для этого сочинения, как отмечает его исследовательница М. К. Трофимова, характерно сочетание абстрактных и явно мистических речений с притчами и примерами, значительно более конкретными, чем аналогичные новозаветные тексты. В отличие от евангелий Нового завета, которые подвергались неоднократным изменениям и редактированию вплоть до канонизации священных книг в IV—V веках, Евангелие Фомы, в том виде, в каком оно дошло до нас, представляет собой один из первых опытов объединения идей ранних христианских групп с мистикой египетских гностиков. Далеко не все притчи и слова Иисуса, взятые из устной или только что записанной традиции, евангелист решился или смог изменить и отредактировать. Вот почему наряду с древними речениями приводятся логии отвлеченного характера со своего рода ключом, призванным помочь проникнуть в «истинный» смысл написанного.

Более подробно и более образно, чем в Новом завете, дается в Евангелии Фомы описание борьбы, которую должен вызвать приход Иисуса на землю. По смыслу и по стилистике оно близко Откровению Иоанна Богослова и толкуется гностиками как борьба света с силами зла, как отделение избранных от всех остальных. Вот это описание: «Может быть, люди думают, что я пришел бросить мир в мир, и они не знают, что я пришел бросить на землю разделения, огонь, меч, войну. Ибо пятеро будут в доме: трое будут против двоих и двое против троих. Отец против сына и сын против отца; и они будут стоять, как единственные». Заключительные слова, не вытекающие непосредственно из основного текста, кажутся добавлением, придающим всему отрывку иное звучание. «Единственные» — это типично гностическое выражение, и, даже будучи не связано логически с остальными фразами, оно побуждает воспринимать картину раздора не конкретно, а аллегорически.

Основной текст этого речения имеет аналогии в Новом завете. В Евангелии от Матфея сказано: «...Не мир пришел я принести, но меч, ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (гл. 10, ст. 34—35). Здесь нет упоминания о войне и огне и снято то напряжение, которое вызывает перечисление бед у Фомы: «разделения, огонь, меч, войну...» В Евангелии от Луки аналогичная фраза еще менее образна и менее внутренне напряжена: «Думаете ли вы, что я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться...» (гл. 12, ст. 51—52).

Все три текста восходят к представлениям о конце мира, свойственным христианам перед первым иудейским восстанием. Можно думать, что в целом текст у Фомы отражает более ранний вариант речения (за исключением слова «единственные»). И авторы текстов, которые дошли до нас на оксиринхских папирусах, и составители и редакторы евангелий от Матфея и от Луки смягчали апокалипсические настроения, выраженные в ранней традиции, отходили от представлений о скором конце мира, а значит — и царства божьего на земле.

Интересна в Евангелии Фомы притча о пире, которая в разных вариантах приведена в канонических евангелиях. По содержанию эта притча ближе всего к приведенной в Евангелии от Луки.

Фома рассказывает, как некий человек послал раба позвать гостей на ужин, но все они отказались: один потому, что вечером должен получить деньги от торговцев; другой потому, что купил дом; третий идет на свадьбу; четвертый купил деревню и должен ехать собирать подать... Тогда господин приказал рабу пойти на дорогу и привести тех, кого он найдет. Кончается притча грозным предостережением: «Покупатели и торговцы не войдут в места моего отца».

У Луки (гл. 14, ст. 16—24) также господин посылает раба звать гостей, которые отказываются из-за покупки земли, волов и из-за свадьбы. Тогда господин велит рабу пригласить «нищих, увечных, хромых и слепых» (опять свойственное раннему христианству обращение ко всем несчастным), а затем и всех, кого он встретит на дороге. Заключительной фразы о торговцах и покупателях в тексте Луки нет, там акцент делается на другом. В конце притчи сказано: «Много званых, но мало избранных», то есть мало тех, которые последуют за истинным учением и благодаря этому получат награду.

В Евангелии от Матфея (гл. 22, ст. 2—14) званые не просто отказываются, но еще убивают рабов пригласившего их царя, за что тут же наказываются. В эту притчу добавлен эпизод с человеком, одетым «не в брачную одежду», который попал на пир (в честь свадьбы), и царь приказал его выбросить. Опять та же мысль о наказании не только тех, кто не пожелал присоединиться к учению Иисуса, но и тех, кто исповедует его неправильно (оде-

[1] Подробное сопоставление этих текстов сделано в кн.: Е. М. Штаерман, М. К. Трофимовой. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971, стр. 277—279.

тый не в те одежды). Мораль в евангелиях от Матфея и от Луки совпадает.

Вариант притчи, приведенный Фомой, дает необычайно живую картину (наименее реальна она у Матфея). Причины отказа конкретизированы: в трех из четырех случаев это торговая сделка (у Луки отказываются только трое). Вывод, направленный против торговцев и покупателей, кажется естественным следствием образного строя всего отрывка, в то время как у Луки и Матфея причины отказа с моралью притчи непосредственно не согласуются. Вполне возможно, что у Фомы приведен первоначальный вариант притчи, взятый им из того же источника, который использовал евангелист Лука. Последний же, как это свойственно всем раннехристианским авторам, трансформировал притчу по-своему.

Выпады против богатства и стяжательства Фома приводит и в других речениях и притчах. Так, он говорит о человеке, который хотел использовать свое добро, чтобы «засеять, собрать, насадить, наполнить... амбары плодами». Он подумал об этом «в сердце своем». И в ту же ночь умер. «Тот, кто имеет уши, да слышит!» — предостерегает Фома. А вот речение, не имеющее аналогий в Новом завете: «Смотрите, ваши цари и ваши знатные люди — это они носят на себе мягкие одежды, и они не смогут познать истину!»

Оба отрывка отражают те настроения, которые были присущи первым христианам из низших слоев населения. Сам факт включения их в гностическое евангелие показывает, что за подобными настроениями не скрывалось никакой конкретной социальной программы. Богатство и накопительство — зло, потому что оно привязывает человека к грешному миру, толкает его на дурные поступки, несовместимые с христианским учением, а для гностиков — мешает познать истину. В гностических сочинениях все эти выпады против богатых, именно в силу их недостаточной конкретности, могли восприниматься как призывы уйти от реального мира в мир духовный, заменить ценности материальные ценностями духовными.

В Евангелии Фомы представляют интерес и те речения, в которых обсуждаются вопросы поведения учеников Иисуса, исполнения ими определенных обрядов. В среде христиан на рубеже I—II веков шли споры по поводу различных формальных требований к верующим, сохранившихся от иудаизма или вновь зародившихся в христианских общинах. Фома, например, резко выступает против обряда обрезания. Ученики у него задают Иисусу вопрос о пользе обрезания, а тот отвечает на него так: «Если бы оно было полезно, их отец зачал бы их в их матери обрезанными. Но истинное обрезание в духе обнаружило полную пользу».

Полемизируя со сторонниками соблюдения иудейских обрядов, Фома приводит логический аргумент, восходящий к представлениям о разумном устройстве мира, — представлениям, гностическим учениям не свойственным. Здесь, как, впрочем, и в Евангелии Филиппа, метод полемики заимствован из античной традиции, освободиться от которой людям, выросшим в окружении античной культуры, было очень трудно. Они, когда строили свое учение, могли сознательно отбрасывать эту традицию, обращаться к восточной мудрости, но в спорах с другими учениями им приходилось обращаться к приемам, разработанным античной логикой и риторикой. Поэтому критика христиан христианами подчас была не менее содержательна, чем критика христианства его языческими противниками.

В христианских общинах немалую роль играла благотворительность. Раздача милостыни тогда казалась единственно возможным способом объединения богатых и бедных в рамках реального мира. Фома затрагивает эту тему и рассуждает о молитве, постах, раздаче милостыни, то есть о тех действиях, которые казались многим христианам основным путем достижения спасения. Однако он остро ощущал внешний, формальный характер всех этих действий, не связанных с изменением духовного мира человека.

В одном из речений в ответ на вопрос учеников, нужно ли им поститься, молиться и подавать милостыню, Иисус отвечает: не лгите и не делайте того, что вы ненавидите. Смысл этих слов однозначен: внешнее выполнение моральных и религиозных требований может привести ко лжи и лицемерию. В другом месте евангелист в уста Иисуса вкладывает еще более резкие слова: «Если вы поститесь, вы зародите в себе грех, и если вы молитесь, вы будете осуждены, и если вы подаете милостыню, вы причините зло вашему духу». Он разрешает ученикам есть любую пищу, какую им дадут. Единственное, что он предписывает им делать для людей, — лечить больных. В конце отрывка приведено речение, имеющееся и в Новом завете: «Ибо то, что войдет в ваши уста, не осквернит вас; но то, что выходит из ваших уст, это вас осквернит». Фома придает этой фразе расширительное значение: самое главное — духовное преображение человека, изменение его внутренней сущности.

Выступая против молитв, автор мотивирует это тем, что молитва — это просьба о помощи, о вмешательстве, человек же сам внутри себя должен обрести свет и тем спастись.

Следует объяснить, почему Фома оставляет обязанностью учеников лечить больных. Христианин, даже гностического толка, на том раннем этапе формирования учения, не мог отбросить это требование: ведь в самых древних рассказах об Иисусе основные чудеса, совершенные им, сводились к исцелению больных. В более поздних произведениях гностиков эта проблема уже не затрагивается.

Отголоском самой древней христианской традиции в Евангелии Фомы является речение о необходимости широко распространять новое учение: «То, что ты услышишь твоим ухом, возвещай это другому уху с ваших кровель. Ибо никто не зажигает светильника и не ставит его под сосуд, и никто не ставит его в тайное место...»

Эта фраза — результат полемики с замкнутостью кумранских ессеев. На первый взгляд, она противоречит началу евангелия, где утверждается, что нельзя давать святыни псам и бросать жемчуг перед свиньями.

По-видимому, в пору создания Евангелия Фомы у его автора, как и у многих других христиан, не сложилось еще ясного представления о том, кому следует проповедовать новое учение: всем ли вообще, независимо от социального и этнического происхождения, или только иудеям, или тем, кто способен воспринять истину... Фома склонялся к последнему принципу, поэтому он и сказал в начале рукописи: «Это тайные слова...» Но древнее речение он все-таки включил, поскольку оно, вероятно, находилось в тех списках речений, которыми он пользовался.

Есть у евангелиста Фомы ряд моральных требований, содержащихся и в Нагорной проповеди. Например, речения о необходимости любить брата своего. А вот призыва любить врагов своих нет. И это не случайно: представлениям Фомы об избранности «духовных» этот призыв не соответствовал. Нагорная проповедь первоначально была обращена к иудейским сектантам, которые только и были «братьями» между собой.

Названы в Евангелии Фомы по имени некоторые ученики Иисуса: Петр, Матфей, Саломея, Мария (вероятно, Магдалина), Фома, от имени которого идет повествование. Детально на этих персонажах, за исключением Фомы (ему Иисус доверил тайны «Иакова праведного», к которому должны пойти ученики Иисуса), автор не останавливается. Такое отношение к апостолам показывает, что рассказы об их роли в период деятельности Иисуса — сравнительно позднего происхождения и что каждая христианская группа особо почитала определенных, «своих» апостолов, именно с их именами связывая записи учения основателя христианства.

Евангелие Фомы отражает тот период развития христианства, когда верования первых немногочисленных групп в скорое второе пришествие начали изживать себя. Когда одни христиане искали путей приспособления к окружающему миру, другие — к освобождению от него, но не реальному, а духовному. Когда стал расширяться этнический состав христиан, повлиявший на отношение к иудейским обрядам. Когда начала вырабатываться христианская этика и появились требования определенных формальных действий, таких, как соблюдение постов и молитв. Иначе говоря, оно показывает нам, каким сложным был путь развития христианства и какой определенной была его традиция.

Изучение этого памятника дает возможность заключить, что те расхождения между священными книгами, о которых столько написано во всех исследованиях, посвященных Новому завету, не были результатом только случайных несовпадений, неточностей или незнания. Они были неизбежным следствием самого творческого метода составителей этих книг, которые свободно обращались с заимствованиями из устных рассказов и первых записей, что-то переставляя, добавляя, отбрасывая. Евангелисты писали свои произведения не только для того, чтобы передать информацию, казавшуюся им правильной, но и чтобы дать свое толкование учения.

Евангелие Фомы дает наглядное представление, сколь различными по смыслу могли быть такие произведения.

Окончание следует

У аксакалов много дел...

Как живешь, махалля?

Игорь АЧИЛЬДИЕВ, специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

ПУСТЫНЯ И ЛЮДИ

Если правду говорят, что Сибирь — Пространство, то Средняя Азия — само Время. Разумеется, и здесь, в Советской Средней Азии, раскинувшейся от Каспия до Алтая, вполне хватает «света и воздуха». Можно лететь над нею часами, наблюдая, как под крылом меняется земля. Она может быть безжизненной: желтые барханы, еще вчера гонимые ветрами, сегодня не шелохнутся под палящим белым солнцем. Вдруг она сереет — пошли колючки и кустарники. Проходит еще час, и теперь земля похожа на бескрайний цветущий сад — в эти районы по воле человека пришла вода.

Однако будем объективны: пока здесь преобладает пустыня. Человек всегда противостоял ей и боролся с нею. Он прокладывал каналы, рыл глубокие колодцы, отыскивая под барханами спасительную влагу, строил дома, разбивал сады. Но и пустыня всегда противостояла человеку. Упрямо, молча, она действовала с неотвратимостью стихийного бедствия, словно в сговоре с распрями, которые веками раздирали племена и народы Средней Азии, с эпидемиями чумы и оспы, с палящими суховеями и самумами.

В крови и огне, от смертельных болезней, под барханами гибли целые культуры и цивилизации. И тогда снова воцарялось медленное время пустыни, измеряемое не деяниями людей, не ростом деревьев, не сменой поколений, а тягучим, мертвым током песка.

Недалеко от Фараба, городка на границе между Узбекистаном и Туркменией, наш шофер-узбек остановил машину у неглубокого карьера. Еще недавно строители добывали здесь песок и глину для соседней стройки. Но однажды ветер сдвинул с невысокого холмика слой спрессованной временем земли. Обнажился дувал, стена, искусно сложенная из плоских необожженных кирпичей. Когда-то здесь жили люди, много веков назад. Они растили детей, хоронили стариков, пасли скот, любили и воевали, пели песни, молились богам, проникали в тайны природы... Сыпучие пески завоевали их жилища, люди откочевали и обосновались по соседству.

— Давно сидим! — сказал шофер, в раздумье глядя на старинный полуразрушенный дувал, цокая языком и качая головой. — Давно... Дольше, однако, пустыни...

Он имел в виду свой народ, своих предков. И я понимал его, очень хорошо понимал... В Самарканде я отыскал кладбище, где захоронены мои предки. Группкой стоят несколько небольших «домиков», выложенных, по обычаю, своеобразно: верх похож на седло. У прадеда Сулеймана «домик» побольше, у прабабки Мариам — поменьше. А рядом — еще и еще могилы Ачильдиевых. Род у нас большой: только у Сулеймана было 11 сыновей и одна дочь. И по всем линиям родилось немало потомков. Но... ведь и у Сулеймана был свой прадед, тоже похороненный где-то в этой желтой, плодородной, благодатной земле!

Призрак веков и тысячелетий маячит над мохнатыми бараньими тельпеками и вышитыми серебристой нитью тюбетейками здешних скотоводов, землепашцев, мастеров-ремесленников. Борьба с пустыней — пожалуй, главная особенность их жизни. Она требует великого мужества, огромной воли, высокого мастерства. Она выковала и отчеканила свои заповеди. Первая и главная — ничего нельзя делать в одиночку. Если на просторах средней полосы России «один в поле не воин», то в пустыне один обречен на гибель.

Одному — нельзя! Поэтому возникла махалля — сообщество людей, живущих рядом, трудящихся вместе, объединенных одними целями.

Говоря по-современному, махалля — это микрорайон, небольшая община жителей городского или сельского квартала, деревенская завалинка, такой, знаете ли, старый арбатский двор. Изобретение древнее, как мир. Только вместе с другими житель пустыни мог противостоять стихиям, недородам, притеснениям угнетателей, набегам врагов. Жизнь махалли всегда была подчинена обычаям, в которых спрессовался опыт разных поколений, разных эпох. Обычай был законом пустыни. Они были самые разные и неожиданные. Если ты встретил умирающего от жажды врага, сначала напои его — так требовал обычай, — а потом своди счеты. Махалля сурово карала за ослушание. Строгое следование обычаям, подчинение каждого дисциплине общины было необходимо, чтобы выжить, противостоять пустыне.

Велик человек, сумевший выжить в пустыне! Еще более велик он, если сумел построить здесь высокую социалистическую культуру и заставить пески отступать все дальше. Наше время воспитало новых жителей пустыни, чья жизнь приобрела глубокий смысл, обогатилась духовными ценностями. Вместе с жизнью менялась махалля — древнейшее изобретение поддается, оказывается, модернизации, оно живуче и современно.

Нынешняя махалля — часть нового, социалистического общества, следовательно, преобразилась и ее роль в жизни людей. Современная махалля, как правило, предъявляет своим членам вполне реальные требования, в которых отражается духовный мир наших современников, живущих в здешних краях. Впрочем, не так все просто с махаллей...

Социальные, нравственные и духовные проблемы сегодняшнего дня тесно и иногда причудливо переплетаются с традициями минувших веков. Порой обычай приходит в столкновение с новым образом жизни. Но как отступить от него, если махалля еще не перестроилась, если требует своего, а вы уже знаете, скажем, что нельзя не пускать дочку одну путешествовать, или поняли, что совсем не нужно вам соблюдать религиозный праздник, чтобы сохранить «верность своей нации»? А по традиции, воспитание детей и ваш образ жизни — далеко не ваше личное дело. Махалля считает это дело и своим. И... порой не успевает за временем!

Вы живете в небольшом старом городском квартале или новом микрорайоне, где все вас хорошо знают и где вы всех отлично знаете. У подъездов дома или на лавочке у ворот, за столом, врытым в землю под чинарой, сидят люди, отдыхают — в основном старики, старухи, но не только. От их бдительного ока никто и ничто не скроется. Кто с кем поссорился и помирился, кто с кем женихается и разводится, кто с кем ходит в кино и на танцы, кто что ел на ужин и на завтрак и как работает — здесь ведают все! На разные лады обсуждаются ваши дела, дела ваших родственников, ваших знакомых и приятелей. Разговоры, разговоры...

На Востоке это не просто разговоры, это — общественное мнение, которое очень быстро сказывается на судьбе того, кто отступился от принятых обычаев. Такому приходится плохо. Во главе махалли стоят уважаемые всеми старики, под их началом — целые роды и кланы. Стариков слушают, выполняют их распоряжения беспрекословно. И нередко веками отточенные социальные механизмы обычая действуют безжалостно и бездушно, напоминая длинные острые ножи. Во всяком случае, так было почти всюду еще недавно, кое-где так бывает и теперь. Но махалля, повторяю, все равно меняется, перестраивается и, впитывая дух времени, существует, живет и здравствует. Пределы ее возможностей сегодня значительно ограничились. Она следит за тем, чтобы новые нравы и обычаи не нарушали привычный общественный порядок, не выходили за рамки «приличий», установленных отцами и дедами.

Впрочем, многое зависит еще и от того, как понимать махаллю... Если это только совет старейшин по месту жительства — тогда верно, возможности ее сегодня ограничены. Но ведь общественное мнение складывается и на заводе, в учреждении, и в среде мастеров. В общем, махалля преобразилась — пожалуй, сегодня махаллей можно назвать самые разные сообщества людей, объединенных общим занятием или местом жительства, где складывается и функционирует общественное мнение. И тут ее возможности огромны. В ее деятельности мы без труда разглядим и некоторые черты сложных взаимоотношений человека и общества. Как же она живет, эта новая, преображенная махалля? С ней я сталкивался всюду в поездках по Средней Азии, по-разному она выглядела...

ПОД ДРЕВНЕЙ ЧИНАРОЙ

Эту чинару охраняет государство — ей скоро будет двести пятьдесят лет. В жаркий день она накрывает своей листвой соток шесть-семь земли. Под нею обычно и заседает комитет махалли Лялязар, что в переводе означает «Новая весна». Хотя «комитетом» в обычном смысле слова его едва ли следует называть. Ни протоколов, ни официальных заседаний, ни постановлений-решений... Но уж если махаллинский комитет решил, то его слово и без бумаги твердо.

Под чинарой — традиционные деревянные кровати с резными ножками, застеленные цветными одеялами. На них сидят, скрестив ноги, старики с белыми бородами — аксакалы. Маматкулу Нурмухаметову 86 лет, у него пять сыновей, одна дочь, 20 внуков и внучек, 34 правнука. Не все живут в Лялязаре, многие разъехались по белу свету. Но старший сын — здесь, он официально возглавляет махаллинский комитет.

С раннего утра Маматкул с другими стариками пьет чай под чинарой, читает газеты. Он — старейший здесь не только по возрасту, но и по трудовому стажу, который заработал в колхозе «Ленинизм». Маматкул помнит время, когда рядом с чинарой была мечеть. После революции в ней разместили школу. Потом, когда построили новую школу, в бывшей мечети стали крутить кино. Маматкул ходил в мечеть, в школу, в кино.

— Вчера читал в газете, — не спеша начинает разговор Маматкул. Он отпил глоток зеленого чая и поставил пиалу рядом, на цветное одеяло, которым застелена кровать. — Одна родила 15 — а у нее и сейчас все зубы целы. Вот женщина!

Старики кивают головами, кидают на покупку чая пятиалтынные.

— Пятнадцать родила? Ай-ай-ай, какая женщина!

Старики пьют чай и какое-то время молчат.

— Скоро свадьба у Рахметовых, — возобновляет кто-то разговор. — Что будем делать?

Начинается совет. Целый день они будут обсуждать, кто придет на свадьбу, сколько гостей приедет из других мест, каких родственников надо позвать, а с приглашением каких не торопиться.

— Жених очень молодой, — замечает один из стариков. — Два года как пришел из армии.

После этого все долго молчат, пьют чай, а потом говорят о родственниках Рахметовых и их заслугах.

И тут другой старик, будто без связи с замечанием о молодости жениха, роняет:

— Помочь надо, молодые только-только начали работать, не поднять им свадьбу.

— Старики решают все сами, — рассказывает Мамед Маматкулов, председатель махаллинского комитета. — Если кому надо помочь, — махалля помогает. Сколько покупать вина на свадьбу — решают старики. И не дай бог, если жених или родственники принесут что-то сверх назначенного — осудят и на стол не поставят. Мы не помним, чтобы у нас в махалле была пьянка или какой-то скандал на семейном празднике.

В махалле Лялязар я видел единственный новый обычай. Его уж, строго говоря, и новым назвать нельзя — он давно привился у нас в стране: молодые перед свадьбой едут на могилу Неизвестного солдата, кладут цветы, торжественно клянутся на этом святом для людей месте любить Родину и друг друга.

Все остальные обычаи, кажется, прежние, те, что были заведены далекими предками. И все же, всматриваясь в них, нельзя не видеть, что эти традиционные ритуалы полностью преобразились изнутри. Вот свадьба. Внешне все вроде бы как всегда, во все времена. Но у невесты — она сидит рядом с женихом — открыто лицо, и уже никто не видит здесь ничего нарушающего обычай. Родители жениха и невесты сидят рядом, оказался ненужным мулла с Кораном, за редким, правда, исключением. Хоть сговорились о свадьбе родители, как в старину, но молодые люди выбрали друг друга сами. И строгая махалля следит за тем, чтобы хорошей девушке не попался тунеядец или хорошему парню не досталась неради-

вая жена. Так было и в прежние времена. Если не понравится жених махалле, она приложит все силы, чтобы не состоялась свадьба.

Еще не так давно было: подвергали осуждению новую семью, которая не соблюдала религиозных праздников. В иной махалле и сегодня еще так. Все зависит от того, кто формирует мнение — «передовые старики», мудро принявшие современную жизнь, или те верующие, которые считают религию национальной принадлежностью. Но как бы то ни было, как бы внешне это ни выглядело, молодежь сегодня почти не знает религиозных обрядов, не видит в них смысла, хотя порой и не выражает своего отрицательного к ним отношения из-за уважения к старикам, сохранившим веру в Аллаха.

Да и верующие старики сегодня уже очень отличаются от тех, что фанатично следовали всем требованиям религии, считали все мирское второстепенным...

А вот какую историю я узнал в Самарканде. Если отправиться из него по Хорезмской дороге, то по правую руку при выезде из города будет ресторан «Зарафшан». Около него всегда стоит десятка полтора грузовых машин. Шоферы перед тем, как въехать из дальнего рейса в «жемчужину Востока», обязательно угостятся здесь, отдохнут в саду.

Старшим поваром в ресторане уже много лет работает Ахмад Зубайдов — кадровый общепитовец с 1949 года. Ему почти 70, но в рубашке с галстуком, в пиджаке он выглядит лет на 50 с небольшим. В 1974 году он совершил хадж. Я спросил его, что побудило его к этому, только ли религиозные соображения?

— Мне очень хотелось побывать в святом месте, ведь я мусульманин, и предки мои бывали в Мекке, — отвечал Зубайдов. — Семь раз обошел вокруг Каабы. О чем еще может мечтать правоверный? Но мне этого было мало! Хотелось показать мусульманам, как живут у нас в Самарканде. Я взял мешок риса, самаркандского... Зарезали мне барашков, поставили казан. И я сварил им плов — 601 мусульманин ел — и все насытились! Такого плова, как у нас в Самарканде, они не пробовали никогда. Я был очень горд, что они узнали мою родину с хорошей стороны, они так мало о ней знают. Многие спрашивали у меня, тяжко ли живется мусульманам в Средней Азии. Но это до того, как попробовали мой плов...

В КОТОРОМ ЧАСУ ПИТЬ ЧАЙ!

Не все новое и полезное спокойно входит в жизнь Средней Азии, старое не уступает легко своих позиций. При этом действует все та же форма — обычай, который, как заметил Пушкин, — «деспот меж людей». Он живет как непреложный закон, его должны соблюдать и уважать все. На того, кто нарушил его, махалля смотрит как на «не своего», и может случиться и так, что ее мнение будет на стороне устаревшего обычая, а единственный его противник и поборник нового, прогрессивного очутится в одиночестве.

Махалля «Лялязар». М. Маматиулов (третий справа) беседует со старинами — членами махаллинского комитета.

Однажды в такую ситуацию чуть было не попал молодой директор Самаркандского фарфорового завода. И попал бы, если бы не понимал социальной природы обычая и отношения людей к нему. Было это несколько лет назад, но Махмут Акбарович Умаров не забывает этой поучительной истории.

Закончив в Ташкенте техникум легкой промышленности, он несколько лет проработал на тамошнем фарфоровом заводе и приобрел опыт. Организационный талант Умарова заметили — он был назначен директором строящегося предприятия в Самарканде. Тогда было ему всего 26 лет. С точки зрения здешней махалли новый директор имел два недостатка, и притом весьма существенных: был очень молод и не из самаркандских: «Мальчишка! Ему ли учить стариков, имеющих первое слово в махалле? К тому же в Самарканде у него ни связей, ни корней, местных обычаев не знает, наверное...»

Но Умаров заставил себя уважать. Потому что и в Самарканде, по обычаю, ценили тех, кто знает дело, умеет трудиться и думать о людях. Он принимал от строителей новые цехи, требовал устранять недоделки. Под его контролем и руководством монтировалось сложное оборудование, вместе с «пускачами», наладчиками и монтажниками он зажигал первую печь. Словом, довел завод до ума.

И вот все готово: рабочие на местах, оборудование действует исправно, печи приняли первую продукцию, сырье есть, заготовки пошли по конвейеру... Прошло два часа нормальной работы, Умаров впервые за долгое время вздохнул с облегчением. И тут вдруг вся смена рабочих и работниц бросила трудиться. Он увидел, что несколько человек расстелили здесь же, в цехе, коврики и начали молиться — подошло время намаза. Кто-то включил электрический чайник, достал пиалы и уже колдовал над заваркой. Остальные уселись в ожидании чая, затеяли неспешный восточный разговор: о детях, о погоде, о видах на урожай, о газетных новостях, о случаях на улице, о поведении молодежи, о невестах и женихах.

Умаров ожидал чего угодно, только не этого неурочного перерыва. Конвейер остановили, а директор убежал к себе в кабинет — думать. Это же не один человек решил пить чай, а вся смена. Как пойти против нее? И как быть с планом?

Но сложившаяся в цехе ситуация была вполне естественной для тех, кто пришел работать на фарфоровый завод. Ведь это были вчерашние колхозники. Завод не терпит перерывов в технологическом процессе, они ему противопоказаны. А крестьянин как раз привык к таким перерывам. Он выходит в поле до рассвета, но как только солнце поднимается высоко, укрывается в тени, отдыхает, пьет чай. Солнце пойдет на закат, станет немного прохладнее — он опять берется за работу.

Дехканин никогда не был связан с необходимостью трудиться восемь часов подряд без перерывов и чаепитий. Это не значит, что они ленились или работали спустя рукава. Легенда, распространенная на Западе, о том, что «восточные народы способны работать только из-под палки»,— не более чем легенда. Но надо считаться и с тем, что допромышленный труд оставил в психике человека свои глубокие следы, что образ жизни, обычаи складывались и под влиянием природных условий. И то, что, скажем, европейцу представляется привычным, общеобязательным, житель Средней Азии считает ненужным.

Самаркандские рабочие в большинстве своем — вчерашние колхозники: их отцы, матери, деды и бабки, порой и жены с детьми по-прежнему живут и кормятся у земли. И каждую весну возникает поток увольняющихся с заво-

дов — люди идут работать в соседний с городом колхоз.

В чем же дело? Совсем не в заработках. На заводе они выше. Дело в привычке жить летом в селе и трудиться на поле. В том, что там испокон веку жили их предки. В обычае, царящем среди узбеков; перенимать дело отца или деда, наследовать его, как наследуется дом, сад, стадо баранов. Отец передает сыну свою профессию, ее секреты и умение. Сын не смеет отказаться от этого родительского дара.

Но что было делать Умарову, когда рабочие бросили конвейер и сели распивать чай? Что было делать, когда расстелили в цехе молитвенные коврики? Он нашел единственно верное решение. Он вызвал к себе прораба из отдела капитального строительства.

— Надо сегодня же поставить за стенами цеха короткие деревянные кровати, как в чайханах, накрыть их разноцветными одеялами, установить кипятильник. Во второй половине дня все должно быть готово, я тоже буду пить чай со второй сменой.

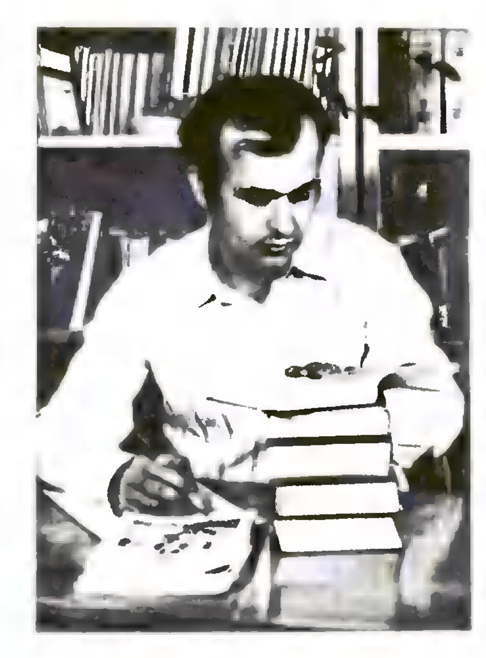
И перерыв на чай был объявлен самим директором. Но он сумел позаботиться и о том, чтобы чай пить ушла не вся смена, а несколько человек. Конвейер чуть замедлил ход, одни, попив чаю, вернулись — ушли другие. План не пострадал.

Постепенно на фарфоровом привыкли и жесткой регламентации труда, дисциплине. Теперь уже вся заводская махалля следит за тем, чтобы не нарушался ритм работы, поддерживалось плавное течение конвейера. «Вредный» обычай чаепития стал полезным, он помог сплочению коллектива. Во время чая слышны шутки и смех. У стены цеха, где стоят деревянные кровати, бьют тихие фонтанчики. В тени, падающей от нее и посаженных махаллей деревьев, прохладно. Но не так просто было Умарову добиться этой заводской идиллии.

Ощутив ритм производства, его нужды, перестали и верующие молиться в цехе — сами пришли к этому решению, никто намаза не запрещал. Но заводская махалля в целом отнеслась к молитвам во время работы неодобрительно — обряд мешал производству, нужды которого стали ее заботами.

На фарфоровый завод в Самарканде приходит много молодежи. Она быстро усваивает новую систему взглядов, прививаемую ей крупным промышленным производством. И это помогает не соглашаться с махаллей «под чинарой», по месту жительства, если та предъявляет устаревшие требования. Да и старики, как уже говорилось, в основном соотносят свои взгляды с сегодняшним днем. Ведь и их духовный мир меняется в наше время.

Махалля «Лялязар». Память о погибших на войне.
Фото Н. Васильевой и Н. Добрикова

Салим Халимов — секретарь партнома Самаркандского фарфорового завода.

МАХАЛЛЯ «ПО-ЕВРОПЕЙСКИ»

Встретился я с махаллей и там, где меньше всего ожидал. В совсем новом, юном среднеазиатском городе Навои.

— Быть руководителем в таком городе — счастье! Что бы мы ни строили, ни проектировали — все впервые. В старых городах надо снести одно здание, прежде чем строить другое. Эти слова надо понимать и в прямом смысле и в переносном... — так начал свой монолог, точнее панегирик, своему городу председатель Навоиского горисполкома Уткир Норкулович Акрамов. Он влюблен в Навои, как может быть влюблен человек в прекраснейшее творение своих рук.

— Здесь жить и трудиться — удовольствие. Вы видели где-нибудь в мире такой Дворец культуры, как у нас? А такое городское озеро в пустыне? А сколько плескательных бассейнов для детишек во всех микрорайонах? Сейчас на каждого жителя Навои приходится более тридцати квадратных метров зеленых насаждений, вскоре мы доведем эту цифру до сорока квадратных метров... Вы представляете, что это значит для Кызыл-Кумов? Когда температура 45 градусов в тени? Покрытая травой почва поглощает на двадцать процентов меньше солнечной энергии, а ночью отдает меньше на тридцать процентов,

чем асфальт. Здесь, в тени, у воды даже жарким летом прохладно...

Вместе с Акрамовым я восхищался Навои. Меня многое поразило здесь. И не столько обилие зеленых насаждений: это легко достижимо, была бы вода. Плескательные бассейны для детишек тоже, разумеется, хороши, но соорудить их просто, было бы желание. Прежде всего поразило меня общее архитектурное решение, планировка города и его микрорайонов. В какой бы точке города вы ни находились, где бы ни стояли — у парадного подъезда жилого дома, у столовой, у того же детского бассейна,— от них до ближайшего магазина, поликлиники, детского сада или яслей не более двухсот шагов. Все здесь, говоря языком архитекторов, в пределах пешеходной доступности.

Кто из жителей громадных микрорайонов Москвы, Ленинграда и других центральных городов может за полчаса обойти такой «кружок»: булочная, парикмахерская, детсад, аптека, поликлиника, универмаг? В Навои это можно сделать даже быстрее. Жителя этого города окружают удобство и комфорт.

Да, согласен с Акрамовым: такой прекрасный Дворец культуры, как «Фархад», редко где увидишь. Мне очень понравился бар в Навои, у него удивительная история и не менее удивительная архитектура. Недалеко от города, в пещере Ташик-Таш найдены останки неандертальца, на стенах пещеры обнаружены древнейшие рисунки. Архитекторы скопировали пещеру, как бы перенесли ее в XX век, и теперь в мягком вечернем освещении можно увидеть наскальную живопись. Разумеется, сработано это талантливо, умно, тонко...

Но лично мне куда более тонким и талантливым показалось иное — то, как архитекторы и проектировщики вписали город в желтую оправу пустыни. Недаром Навои на одной из международных архитектурных выставок получил первую премию за удачное решение проблемы «человек и окружающая среда».

Секрет решения прост и в то же время необыкновенно труден для повторения. Дело в том, что Навои был признан городом сразу, без предварительного испытания временем, без стажировки.

Начинался город с генерального плана, с общего архитектурного проекта. Заранее было известно, где и какой дом будет стоять. Были объединены все материальные и финансовые ресурсы и застройку вели (и до сих пор ведут) только комплексно, в одном месте. Подрядчик строит микрорайон целиком, от первого до последнего здания. Строит все сооружения, запланированные генпланом.

Что на деле означает принцип застройки целыми микрорайонами? Вглядимся в Навои и обнаружим, что самый современный город в Средней Азии использовал в своем архитектурном решении... самый древний способ местной застройки.

В самом деле, как обычно появлялась на лице города махалля?

Она начиналась с общественного центра, с мечети. К ней лепились мактебы (школы), лавочки менял и купцов, цирюльни и бани, мастерские ремесленников и чайханы, базар и т. д. А уж от них вкривь и вкось расползались домишки и домики горожан.

Так вот, в генплане Навои прекрасно сочетается традиционный принцип застройки с новыми принципами советского градостроительства. Микрорайон имеет свой общественный центр, в котором есть клубы и кинотеатры, магазины и столовые, рестораны и поликлиники, детские сады и ясли, школы и парикмахерские. Здесь плескательные бассейны и зеленая полоса, внутри которой стоят жилые дома, их порой и не разглядеть за деревьями. Далеко за город вынесена индустрия.

Все удобно, красиво, современно. Но прежде всего — удобно. Комфортабельно. Именно за это ценят и любят свой город жители Навои.

Павел Ильич Бондарев трудится в управлении строительства промышленных предприятий, он — бригадир. Его бригада изготовляет металлоконструкции, из которых потом собирают промышленные здания в Навои. Бондарев родился в Тбилиси, но считает себя коренным жителем Навои.

— Я строил город, — рассказывал он. — Когда пришло время уезжать, у меня даже не было вопроса: оставаться здесь или нет? Жить в Навои очень и очень интересно. Это на первый взгляд — город как город... Нет, здесь устроено все так, что не приходится растрачивать жизнь на решение мелких бытовых проблем. Комфорт экономит время и энергию для духовной жизни, позволяет больше читать, учиться в институте, чаще бывать в кино, ходить в концерты, просто посидеть на досуге возле дома, поговорить с соседями, обсудить новости, послушать, кто как живет, что где происходит. Вот что такое наш Навои...

Навои показывает образец комплексного решения многих духовных проблем. Это как бы социологическая лаборатория, где экспериментально доказано влияние нового быта и организации культурного досуга на духовный мир людей — на то, что является главным в общественном мнении, что определяет формы общения и влияет на образ жизни человека.

Разумеется, и в Навои есть свои острые проблемы, ответ на которые придет, видимо, позже.

— Понимаете, у нас нет театра, — страдает Акрамов. — Самодеятельность неплохая, но необходимы профессионалы. Нет артистов — кто покажет ребятам, как играют на сцене по-настоящему? Кто поправит самодеятельному актеру жест, изменит позу, поставит дикцию? У нас нет своей консерватории — значит, нет и достаточно профессиональных музыкантов, композиторов. Поймите меня правильно: я веду речь не о создании каких-то учреждений. Люди, люди, мастера своего дела — вот кто нам нужен позарез... В Навои надо создать и некое культурное ядро, мы ведь строим не просто промышленный центр, а, если хотите, — центр духовного притяжения.

Уже в Бухаре я приводил в порядок свой навоийский блокнот и обнаружил там следующие строки:

«Городу больше двадцати лет, в нем около ста тысяч горожан, в основном узбеки и таджики, хотя, по статистике, здесь живут люди пятидесяти национальностей. В городе нет ни одного культового сооружения...»

«НАРОДНАЯ ПОЛИКЛИНИКА»

Меньше всего мне хотелось бы заканчивать этот очерк мажорной нотой. Жизнь махалли противоречива и полна контрастов. Мы можем, вглядываясь в нее, рассмотреть разные грани обычаев и традиций. Иные из них помогают строительству нового общества, другие — мешают ему, сдерживают наше развитие. Между старым и новым не всегда царят мир и согласие, чаще между ними идет борьба.

...Из Навои мы выехали в семь утра — еще сторож не открывал двери горисполкома, еще «поливалки» катили по улицам, орошая потоками воды мостовые и цветники. В небольшом автобусе нас, пассажиров, оказалось пятеро: две молодые женщины и трое мужчин.

Один уже через пять минут громким голосом и с выражением стал читать стихи из книжечки республиканского издания — как оказалось, свои собственные. Второй показался мне замкнутым, даже угрюмым. Седые брови нависали над голубыми стариковскими глазами. В руках он держал большой коричневый портфель. Как выяснилось, историк, профессор, а прежде преподавал в школе, у него учились и поэт, и обе молодые женщины. К его словам все прислушивались с почтением. Женщи-

Самаркандские арбузы.

ны — бухгалтеры стройтреста, — когда он говорил, даже откладывали в сторону свои сумки, которые захватили в предвкушении встречи с бухарскими базарами.

— Эй, люди! — окликнул нас шофер, разворачивая автобус перед исполкомом. — Через шашлык поедем или через святой храм?

Завязался оживленный спор.

— Только через Гиждуван! — кипятился поэт. — Кто не пробовал гиждуванского шашлыка, не считается жителем Востока...

— Мимо храма Богоэддина дорога короче, — говорили женщины. — Приедем раньше в Бухару, до совещания успеем заглянуть в магазины.

Спор решил профессор.

— Не уйдет от нас шашлык, — веско сказал он и поставил портфель себе на колени. Потом он улыбнулся: — Вы мусульмане или нет? А мусульмане верят: шесть раз посетить храм Богоэддина все равно что побывать в Мекке. На обратном пути завернем в Гиждуван. А сейчас я покажу вам великолепный храм, соперничавший некогда с дворцами великого эмира.

И мы покатили не по «шашлычной» дороге, а по «святой».

По ее сторонам открывались просторные ухоженные поля. Пустыни почти не было видно. На диких неосвоенных землях высоко стояла трава, резко пахло сухостью, веяло ее терпким ароматом.

Мы проехали часа полтора, тоненькая книга стихов поэта истощилась, и он уже достал из кармана записную книжку, когда вдруг по правую руку мелькнул полуразрушенный желтый купол. Вернее, не желтый, а того серо-желтого цвета, какой имеют все старинные сооружения в пустыне. Словно песок намертво припаялся к кирпичам. Купол еще держался, но дал широкую трещину. Стены некогда величественного храма, тем более великолепного, что возвышался он, конечно, над жалкими лачугами дехкан, пошли вкривь и вкось: их поколебало не землетрясение, а само время.

Автобус замер у обочины. Под легким ветерком чуть шелестели ветки пирамидальных тополей и карагачей. Здесь стояла какая-то особенная тишина. Молчал даже поэт... Мы вышли из машины и хотели обойти храм. Не успели мы, однако, сделать и двадцать шагов, как на нас налетела вынырнувшая из-за угла ватага мальчишек и девчонок. Возглавлял ее паренек лет десяти, кативший впереди всех на велосипеде.

— Приходи в Богоэддин, старейший храм святой Богоэддин! — вопил он во всю глотку. — Такой храм нет нигде в мире! Даже великий бухарский эмир боялся Богоэддин. Приходи сюда, плати копейку!

Он сорвал с головы тюбетейку и подставил ее нам, как бы собирая милостыню.

Профессор приостановился и сказал тихо:

— Как тебя зовут? Твой отец знает, что ты здесь?

Мальчишку словно ветром сдуло с велосипеда.

— А... а, смотритель уехал в Бухару, вас в храм все равно не пустят,— растерянно сказал он. — Хотите, я покажу вам главный тутовник?

Он повел нас к остаткам старого-престарого дерева. Ему, наверное, было лет триста, а может, четыреста, когда свалил его то ли порыв бури, то ли удар молнии. С тех пор прошло еще лет двести... Вокруг живописного ствола вилась тропинка, она подныривала под толстенные сучья, и, чтобы пробраться по ней, надо было согнуться в три погибели.

— Три раза обойди — никогда не заболит поясница, — опять заголосил мальчик. — Один раз обойди — всю жизнь будешь здоровым. Ни разу не обойди — заболеешь...

— Вот, товарищи, типичный памятник доисламских верований — так сказать, «народная поликлиника», — заговорил профессор лекторским голосом. — Люди, лишенные врачебной помощи, поверили в легенду о чудодейственных свойствах тутовника. Мы с вами, разумеется, не имеем никаких оснований верить в его целебную силу...

Но тут произошло нечто странное.

— Говоришь, три раза обойди — не заболит поясница? — бодро переспросил мальчишку поэт. И, не ожидая ответа, пополз на коленях по извилистой тропинке вокруг ветвей тутовника.

Обе женщины застенчиво засмеялись и нерешительно нырнули следом за ним. Они перебрасывались шуточками с поэтом, но тем не менее склонялись под старыми обломанными ветвями «народной поликлиники», ползли под ними. Профессор строго глянул на них, и они, обойдя один круг, остановились.

Я оторопело молчал. Профессор усмехнулся и пожал плечами. Потом, когда мы уже забрались в автобус и покатили дальше, он заговорил чуть раздраженно, напористо:

— Не понимаю вас, товарищи. Взрослые люди! Чему я учил вас? Одно дело уважать традиции прошлого, иное — следовать ветхозаветным бредням. А вы...

Он замолчал. Мои спутники сидели потупившись. Они словно провинились в чем-то перед старым учителем. А быть может, им было неловко и перед собой? Не знаю. Словно ветерок пустыни сдул с них тонкий налет XX века, и они не побоялись пренебречь мнением своего учителя (по-узбекским обычаям — неслыханный поступок!) и, видимо, своим собственным тоже. Что произошло? Чувство на мгновение победило разум? Или в них заговорила древняя привычка предков и заставила отступить на шаг современное мировоззрение? И я знаю: старая махалля профессору здесь не помощница, она обо всем дает свое заключение, и пока вряд ли она осудит обращение к «народной поликлинике».

Нет, далеко не прост и не легок путь, который приходится прокладывать здешней махалле, чтобы во всем встать вровень с экономическими и культурными достижениями края. Новая жизнь наступает на старые обычаи, и они постепенно отступают, иные уходят, как пустыня под натиском человеческого упорства и воли. Но про пустыню известно — стоит людям ослабить напор, она тут же начинает отвоевывать у них благодатную землю. В махалле продолжается борьба между старым и новым, продолжается жизнь. Поэтому разговор о махалле еще не закончен.

КТО ВИНОВАТ?

Я давний читатель вашего журнала и лектор-атеист. Много раз хотелось написать о некоторых случаях из моей практики, да все откладывал. Но вот, прочитав в № 5 за 1979 год статью А. А. Осипова «Одно извинение у бога — что нет его», взялся за письмо. Возможно, то, что я расскажу, послужит кому-то уроком, поможет предотвратить несчастье, которое может произойти из-за бездумной веры во всемогущество Аллаха.

У нас в Ташкенте, на углу улиц Красновосточной и Дадабаева, жила одна хорошая, трудовая семья. Родители были глубоко верующими мусульманами, сын их до 23-летнего возраста рос, как и большинство наших парней: учился, работал, служил в армии и вновь работал. По отзывам товарищей, работал добросовестно. Однако вскоре друзья и родители стали замечать странности в его поведении. Многое указывало на то, что у него начиналась психическая болезнь. Но вместо того, чтобы обратиться к врачам, отец больного пошел за помощью к мулле. Тот не замедлил прийти и «поставил диагноз»: «В вашего сына вселился шайтан». Началось лечение по-мусульмански.

В доме больного читали молитвы. Через несколько дней резали черного барана, его шкурой накрывали больного и вновь молились — долго, истово. Все это длилось более полугода. Кстати, лечение это немало стоило. Состояние больного между тем ухудшалось. Он бросил работу, заперся дома. Достал охотничье ружье и патроны. В дом он пускал только отца с матерью и своего друга.

«Лечебные» молитвы теперь совершались в мечети. Товарищ больного не раз говорил родителям, чтобы они обратились к врачам, но они свято верили, что лучше молитв лекарства не может быть. А болезнь шла к своему кризису. И вот пришел день, когда больной выгнал из дома отца с матерью, пригрозив, что убьет их за то, что они «отступают от Аллаха», — так ему казалось. Только тогда родители согласились с товарищем сына. Теперь уже требовалась специальная скорая помощь. Больной встретил врачей выстрелами. Прибывший на помощь наряд милиции выполнил, что нужно, но при этом погиб молодой парень — сержант милиции Миненко и был ранен полковник милиции Зайцев. Больной, доставленный в больницу, скоро скончался после потрясения.

Какой вывод из этих трагических событий? Очень простой: обратись родители с самого начала не к мулле, а врачу, беды бы не случилось. Откуда я так хорошо знаю об этом? Дело в том, что я — врач той самой бригады скорой помощи, которая приезжала к больному, но вызвали нас слишком поздно. Кстати, в составе нашей бригады был тогда санитар Маулянов — верующий. Примечательно, что после этого случая он стал остывать к религии и осуждать служителей культа.

Г. ПОЛЯНОВСКИЙ, врач

г. Ташкент

Ваше письмо получили

ОБИДА

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Судьба Николая Петровича во многом схожа с миллионами судеб его сверстников, тех, чья юность пришлась на военные годы. Осенью 41-го был призван в армию, определен в пехоту и вскоре направлен на фронт. За четыре года овладел Николай Петрович полным курсом солдатской науки. До больших чинов не дослужился — почти всю войну прошел сержантом, но воевал умело и храбро, был дважды ранен, награжден многими боевыми орденами и медалями.

Вернувшись домой, Николай Петрович устроился на завод машинистом мостового крана, женился, обзавелся детьми. Профессию свою освоил быстро и досконально, и работником был добросовестным. В семье его любили и уважали, на работе объявляли благодарности за честный труд, за рационализаторские предложения. Когда открылись старые солдатские раны и ему дали инвалидность, он не оставил родной завод и любимую профессию, хотя имел полное право на более легкую работу.

А еще была в жизни Николая Петровича своя особенность. Во время войны он уверовал в бога. Произошло это так...

Атака, которую Николай Петрович с напарником подкрепляли с высотки своим пулеметом, захлебнулась. Противник контратаковал. Прикрывая отступление, пулеметчики вели огонь до тех пор, пока, спохватившись, не обнаружили, что отступать им самим уже поздно: гитлеровцы обошли высотку. Поначалу врагам было не до них. Но к вечеру началось. Сначала осколком мины ранило напарника Николая Петровича, потом пуля достала и сержанта. После очередного обстрела напарник остался лежать на дне окопа. Фашисты снова бросились в атаку и снова были отбиты. И был еще один минометный обстрел, уже в наступивших сумерках. Ослабевший от потери крови, Николай Петрович лежал рядом с мертвым товарищем. Ни сил, ни патронов у него уже не осталось.

Весь день в горячке боя он ни разу не подумал о том, что его могут убить. Он знал это с первого своего дня на фронте, но человек ко всему привыкает, привык к этой мысли и Николай Петрович. Но одно дело знать, а совсем другое—зримо представить себе, что пришел твой черед. Все останется в этом мире — поля и леса, дожди, ветер, озера — только тебя не будет больше нигде и никогда. Нет, не боль смертного мига пугала его, какой бы страшной ни была она,— это всего один миг. И больше ничего!.. Но именно это «ничего» вдруг так сдавило его сердце невозможностью вдохнуть запахи утреннего луга, потрогать ладонью шершавый ствол дерева, что ему неистово захотелось жить. Господи, взмолился он, если ты есть,— спаси меня, и я всю жизнь буду верить тебе и служить тебе. Господи, если ты есть!..

Кончился обстрел. В густеющих сумерках виднелись ползущие немецкие солдаты. Собрав остатки сил, он дал несколько последних коротких очередей. В ответ загремели автоматы. Николай Петрович сбросил на дно окопа бесполезный уже пулемет, взял винтовку убитого товарища... Больше гитлеровцы не атаковали. Ночью над высоткой то и дело разливался мертвящий свет вражеских ракет. А едва стало развидняться, земля вокруг встала дыбом — наши войска начали артподготовку. «Господи, если ты есть!..» — опять молился Николай Петрович.

Ему и тут повезло — даже осколком не задело. А потом ослабевшего, оглушенного сержанта подобрали бойцы родной роты и отправили в санчасть...

Такая вот история приключилась с Николаем Петровичем. Наверное, ничем бы она не отличалась от тысяч подобных, если бы не обещание в случае спасения посвятить свою жизнь богу. Впрочем, слова, сорвавшиеся в минуту смертельной опасности, были поначалу забыты. Но однажды Николай Петрович столкнулся с баптистским проповедником. Тот сумел убедить его, что спасение было послано ему свыше и что теперь свой обет он обязан выполнить. Стал бывший гвардии сержант все чаще заглядывать в молитвенный дом баптистов. Затем их вероучение его, видно, чем-то не удовлетворило, и он от них перешел к пятидесятникам...

Но вот в его семье случилась беда: старшего сына приговорили за хулиганство к тюремному заключению. Николай Петрович тяжело переживал случившееся. И тут ему очень нужны были сочувствие и поддержка товарищей, но вместо этого пошла по заводу молва: «Сам виноват, довоспитался со своей религией...» Однако ведь на случившееся следовало реагировать по-иному — отец хулигана — кадровый рабочий. И все, думается, было бы в порядке, если бы на заводе тщательно разобрались в том, что произошло.

К сожалению, у руководителей общественных организаций предприятия при повседневной текучке и многих заботах до внимательного выяснения того, что же именно и почему случилось в семье Николая Петровича, как говорится, просто руки не дошли. А вот слухи о том, что он «со своей религией сам виноват»,— дошли.

Кто именно и когда так сказал,— теперь установить трудно. Мнение же это было ошибочным. И не только потому, что сын Николая Петровича от-

нюдь не разделял взгляды отца и в бога не веровал, но и главным образом потому, что религиозное воспитание так же, как и безрелигиозное, само по себе и не стимулирует антиобщественного поведения детей и подростков и не гарантирует от него. У религиозного воспитания есть много других отрицательных сторон, и не стоило ему приписывать то, что ему не свойственно. Но, будучи кем-то и когда-то высказано на заводе, мнение это тут укоренилось.

Сам же Николай Петрович, как и многие верующие, был убежден, что именно его религия — гарантия от нравственных и духовных пороков. И в истории сына он увидел лишнее тому подтверждение, а потому горько корил себя за то, что в свое время не проявил упорства, не употребил отцовской власти, чтобы сын стал верующим. Его убеждение подкреплялось еще и тем, что руководители заводских организаций не только морально не поддержали его в трудную минуту, но, наоборот, беду его посчитали обусловленной его верованиями. Николая Петровича спешно стали убеждать: ему, передовику производства и бывшему фронтовику, давно пора отказаться от этого своего заблуждения. Он протестовал — мол, никаких заблуждений у него нет.

Для заводских товарищей, которые до той поры с проблемами религии и атеизма вплотную не сталкивались, несостоятельность религиозного миропонимания была вполне самоочевидной. Именно поэтому-то им казалось, будто верующему человеку достаточно пояснить, что никакого бога и никаких сверхъестественных сил в природе не существует, и подкрепить этот тезис двумя-тремя примерами, и он тут же откажется от своих взглядов. Но Николай Петрович к этому времени провел в религиозной общине почти три десятка лет и приобрел немалый опыт объяснения окружающей действительности с религиозной точки зрения. Нет ничего удивительного в том, что в возникшем споре каждый остался при своем мнении.

И все-таки на этой стадии конфликта как такового еще не возникло.

Конечно, можно вести с верующим человеком диспуты об истинности тех или иных религиозных идей и самого вероучения в целом. Но для этого необходимы душевные контакты с таким человеком, определенные способности, терпение, глубокая уверенность в том, что твоя правота, если ты переубедишь его, наполнит жизнь его новым смыслом, сделает ее радостнее. Дискуссии тут только тогда достигают цели, когда дополняют какую-то конкретную деятельность, предоставляющую человеку верующему пищу для размышлений и сомнений в его вере, наглядно убеждающую его в истинности одной системы взглядов и ценностных ориентаций и иллюзорности другой. Иначе говоря, необходимо все то, что называется индивидуальной работой. Без нее самые убедительные теоретические аргументы останутся для верующего голой абстракцией.

Такой помощи Николай Петрович не получил. Однако конфликта как такового, повторяем, еще не было. Его могло и вообще не быть, если бы руководители заводской общественности проанализировали свою неудачу, пошли за советом к опытным атеистам, в райком партии. Но этого не случилось. Отстаивание Николаем Петровичем своих взглядов было воспринято как... упрямство, и к Николаю Петровичу стали применять «меры»...

Есть на этом заводе прекрасный обычай. Заслуженных ветеранов труда, проработавших четверть века, поздравляют в торжественной обстановке и вручают им ценные подарки и грамоты. Подошел юбилей и Николая Петровича. На торжественном вечере фамилию его среди прочих упомянули, но на сцену вместе с другими не пригласили, не поздравили, а подарок вручили на следующий день, украдкой.

Тут Николай Петрович не выдержал и написал о своих обидах в областную газету. Но то ли письмо было написано так, что за эмоциями терялась суть дела, то ли дело это работникам газеты показалось слишком мелким, только письмо вернулось на завод — к тем самым людям, на которых автор жаловался — их самих просили разобраться в конфликте. Заводские товарищи увидели в этом факте подтверждение правильности взятого ими курса, а Николай Петрович — еще одно свидетельство правильности своих убеждений, несправедливости грешного мира.

А жизнь шла своим чередом. Николай Петрович продолжал работать, причем хорошо, и по-прежнему вносил рационализаторские предложения, несмотря на обострившийся конфликт.

Приближалась очередная годовщина Победы. Министр обороны СССР направил всем ветеранам войны свои поздравления и грамоты, а Верховный Совет СССР наградил их медалями. Как и по всей стране, к празднику готовились и на заводе. Обновляли наглядную агитацию, продумывали торжественный вечер, покупали подарки для ветеранов. В заводоуправлении выставили стенд «Они сражались за Родину» — с фотографиями всех работников завода, участвовавших в Великой Отечественной войне. Всех... кроме Николая Петровича. Впрочем, был и еще один обойденный: начав войну в рядах Красной Армии, он попал в плен и стал полицаем, за что и понес в свое время наказание. Конечно, добиться именно такого эффекта никто не хотел, однако получилось, что «строптивого» инвалида войны, фронтовика, чей вклад в Победу отмечен многими орденами и медалями, как бы приравняли к изменнику Родины.

Но и эта жестокая обида оказалась не последней. Медаль Николаю Петровичу, правда не вместе со всеми, не в торжественной обстановке, но все-таки вручили — правительственная награда, никуда не денешься. А вот грамоту Министра обороны попридержали — не заслужил, мол, своей строптивостью. И тогда Николай Петрович написал обо всем в нашу редакцию. Прочитав его письмо, мы поначалу даже усомнились: а так ли все на самом деле? Нам показалось, что автор, возможно, действительно кем-то обиженный, сгустил краски. Что греха таить, такие письма бывают в редакционной почте.

Однако, приехав на место, я убедился, что автор написал правду. Мы вновь и вновь, шаг за шагом разбирали весь конфликт с руководителями общественных организаций и администрацией завода. Да, Николай Петрович — верующий человек. Но ведь от этого он не перестал быть полноправным гражданином Советской страны. Он — честный тру-

женик, уважаемый ветеран войны и труда. Да, он попал в беду. Помогли? Нет, не поняли ее сути, объяснили его верой и начали «переубеждать». Но знали ли при этом, что индивидуальная работа с человеком, тем более верующим — дело тонкое, деликатное и длительное, требующее взаимного уважения, доверия и значительного опыта? Нет, не знали. В итоге не проявили должного уважения не только к Николаю Петровичу, но и к самим себе.

Во время нашего разбирательства мне вместе с представителем райкома партии пришлось выступить там на весьма представительном собрании. Мы рассказали товарищам, что община пятидесятников, которую посещает Николай Петрович, действует на законных основаниях, что религиозные журналы в нашей стране — православный «Журнал Московской патриархии» и баптистский «Братский вестник» издаются столь же официально. Мы объясняли также, что ни в одной области жизни у нас нет деления на верующих и неверующих, кроме как в мировоззренческом плане, что Советская Конституция обеспечивает всем гражданам абсолютно равные права, всех одинаково поощряет за полезные деяния и всех одинаково наказывает за противозаконные, приводили примеры, когда священнослужителей награждали орденами и медалями за те их конкретные дела, которые идут на пользу обществу, миру между народами и социальному прогрессу. Мы цитировали Маркса и Энгельса, Ленина, Крупскую, Луначарского, документы партийных съездов и постановлений. Разговор был трудным и долгим...

И не менее, если не более, сложным он был с самим Николаем Петровичем. Ведь в результате всей этой истории в его представлении тоже сложились стойкие стереотипы. Беседы наши затянулись на несколько дней, и только накануне моего отъезда он наконец-то согласился, что дело не в вере и не в отсутствии ее, а в качествах самого человека, что история, приключившаяся с ним,— отнюдь не правило, а досадное исключение, что не стоит носить в себе обиду, вновь и вновь подогревая и переживая ее. Расстались мы с ним по-дружески.

Перед отъездом я еще раз зашел в райком партии.

— Да, история для нас поучительная,— сказали мне там.— Отношение к Николаю Петровичу мы постараемся изменить. Приезжайте через год, увидите, что это не просто обещание.

Я действительно приехал через год и убедился, что отношение к Николаю Петровичу заметно изменилось. Изменилось и его отношение к действительности. Теперь он весьма активно участвует в жизни коллектива, и трудно сказать, чему больше уделяет времени — религиозным делам или общественным. Но по-прежнему ходит на молитвенные собрания и даже пользуется заметным влиянием в общине. Однако суждения его гораздо трезвее, я бы сказал, реалистичнее, чем в пору нашего первого знакомства. Думается, он, почувствовав вновь уважение и дружескую поддержку коллектива, постепенно разберется в трудных истинах жизни.

Теперь вся эта история в прошлом (поэтому мы и не назвали здесь ни города, где произошла эта история, ни фамилию Николая Петровича). Но поучительные выводы из нее, как нам кажется, могут сделать не только ее непосредственные участники.

Е. ЛОСОТО

Помоги себе сам!

Мне уже 82 года. Можно сказать, я многого нагляделся на своем веку. И вот удивительно: раньше мы в деревне жили материально беднее, а пьянства было меньше. В чем тут дело?

Как тяжело жить в семье, где есть пьющие, женщинам, а особенно старикам. Сколько распадается семей по этой причине! Каково женщине одной, без мужа, поднимать детей? Но даже многие из тех, у кого пока все благополучно, живут в тревоге — боятся, чтобы сын не связался с выпивающими, чтобы дочь не вышла замуж за пьяницу. Некоторые начинают уповать на бога: вдруг поможет, убережет от беды. И порой тянутся женщины и старички в церковь. Ведь давно замечено, что жизненные неурядицы могут толкнуть людей к религии.

Мне кажется, что журнал «Наука и религия» должен писать об этой проблеме, рассказывать о мерах борьбы с пьянством, о коллективах, где с этим пороком покончено.

К. НОВАЛИНСКИЙ

Курагинский район
Красноярского края

ТА ИСТОРИЯ случилась в подмосковном городе Калининграде. Получив аванс, Виктор Коляскин, слесарь, отец двоих детей, прямиком направился к винному магазину. Там подошел к нему человек, которого он раньше где-то видел, «зовут, кажется, Сашка, фамилии не знаю». Потом подоспели еще двое, которые не знали Коляскина, но зато знали Сашку. Распили две бутылки по 0,7, потом еще одну — все портвейн: «дешево, много и приятно». Пили на деньги Коляскина. Потом он пригласил компанию к себе домой. Оттуда послали в магазин Валерия Хренова как самого молодого. Валерий начал пить на последнем курсе института, из-за чего доучиться не смог, ушел из вуза. Отслужил в армии и теперь находился на иждивении своей младшей сестры. На квартире Коляскина его остались ожидать дважды судимый за хулиганство, нигде не работающий Николай Гайворонский, находящийся на иждивении матери, и Александр Соколов, Сашка, уклоняющийся от лечения алкоголизма и тоже нигде не работающий.

Хренов принес еще две бутылки портвейна и банку консервов на закуску. Распили. Потом Валерия вновь послали в магазин и распили. Потом... Но тут на Коляскина нашло какое-то просветление, и он сказал, что денег больше нет. Гости предложили взять что-нибудь из дома и «толкнуть». Хренов вышел в прихожую, извлек трешку из кармана хозяйского пальто. Коляскин оскорбился и велел трешку положить назад. Обиженные гости посовещались, после чего Коляскин, как записано в акте судебно-медицинского обследования, «был избит рукой по лицу и голове, ногами по туловищу...».

В тот день жена Коляскина вместе с заболевшим младшим ребенком раньше обычного возвратилась домой. Входная дверь была распахнута. На полу лежал супруг с пробитой головой...

Суд назначил каждому определенный срок лишения свободы. Так закончилась эта убогая, бессмысленная пьяная история. О ней мне пришлось в свое время рассказать в газете. В ответ я получила от читателей письма. Вот одно из них:

«Я прочла статью, где говорится о Валерии Хренове. Я его знаю и хотела бы ему написать. Мы очень долго дружили. Очень больно и жаль, что не смогла помочь ему в свое время. Я знала его совсем другим человеком, но, когда все это началось, он просто пропал. А через год, перед тем как его призвали в армию, я встретила уже совершенно опустившегося пьяницу, который на мое радостное приветствие смог только невнятно попросить у меня рубль. Из армии он вернулся с желанием все исправить. Хотел поступить на работу, уладить дела в институте. И опять пропал. А вот теперь я узнала о нем такие ужасные вещи. Беда-то ведь в том, что наверняка опять заявились к нему старые дружки: «А, Хренов, вернулся, с возвращением, за то, за се...» А отделаться от таких типов практически невозможно, если не переменить место жительства. Не думайте, что я защищаю Валерку. И глупо и подло с его стороны так распорядиться своей жизнью. Очень прошу лишь об одном: пожалуйста, помогите мне его найти. Я не хочу, чтобы ему писали только его последние дружки (если у них, конечно, будет время между пьянками и опохмелками!)».

«Алкогольные» истории всегда вызывают большую почту. Проблема эта так или иначе затрагивает каждого. Авторы писем вспоминают похожие ситуации, чему они сами были свидетелями. Из Днепропетровска пишет Л. Шаппель:

«На моих глазах погибает от алкоголя целая семья. Постепенно спились отец и мать. Старший сын, бывший студент, не работает, пропивает оставшееся имущество. Младший отбывает наказание».

А вот еще письма:

«Моя бывшая школьная подруга стала пить. В результате теперь это алкоголик, рано постаревший, больной человек, муж — тоже алкоголик».

«Неподалеку от меня живут две женщины — мать и дочь. Нигде не работают, пьют. У дочери двухлетний ребенок. Как он растет и кем вырастет!..»

«Аналогичных» случаев можно привести множество. Ничего принципиально нового в них нет. Многие задают одни и те же вопросы: кто виноват? Кто проглядел? Кто не помог? и т. д. Некоторые считают, что во всем виновата широкая торговля спиртными напитками. Другие полностью возлагают надежды на общественность, на ее благотворное воздействие. Конечно, роль коллектива на производстве, общественного мнения по месту жительства огромна. Однако вот что характерно: почти все ищут виноватых и ответственных где-то вокруг, совершенно упуская из виду самого пьющего. А ведь в конечном счете именно от него зависит успех дела.

Мне пришлось читать много писем из семей, в которых пьют либо мужья, либо жены, либо сыновья. Да, это великое горе. Письма вызывали сочувствие, но что-то в них и настораживало: все просили и требовали, чтобы собрались какие-то умные люди и придумали, как справиться с пьянством, сердились, что ничего действенного до сих пор не придумано. Все ждали помощи откуда-то: кто от общественных организаций, кто от милиции, кто от медиков. В этой апелляции явно чувствовались иждивенческие нотки: помочь должен кто-то. Кто же, если в первую очередь не сам человек?

Человек сам отвечает за себя. Он решает, как ему жить на свете при всех разумных советах и наставлениях со стороны людей, их помощи. В пачке писем-откликов встречаются рассказы о том, как люди переборели свой недуг и вернулись к трудовой жизни. Правда, таких писем немного.

«Мне 48 лет, образование 5 классов, работаю экскаваторщиком. Жизнь сложилась так, что с 11 лет был беспризорником. Жил в детдомах, детприемниках, убегал, водил дружбу с уголовниками. К 20 годам пил, как отъявленный алкоголик. Но вот приезжаю на строительство, это 1955 год, вхожу в комнату, где меня поселили, и вижу: кругом бутылки, все пьяные, сивушная вонь, и мне предлагают выпить за знакомство. Ну, думаю, или здесь моя погибель, или человеком стану. «Ребята, говорю, мне нельзя, я отравился, врачи сказали, хочешь жить, ни грамма спиртного». А у самого внутри все сводит, выпить хочется. Это состояние может понять только тот, кто много пил. Но я твердо решил «завязать». По субботам уезжал в город, напивался у одного собутыльника, отсыпался и в воскресенье вечером приезжал домой как огурчик. И раз от раза все реже. И через год совсем уже не пил. И только спустя несколько лет в Новосибирске, когда женился, выпил. И сейчас я могу по праздникам выпить две-три рюмки, но если я сказал «все», мне уже не предлагают, знают — бесполезно. Люблю в компании петь, плясать, занимаюсь спортом, имею II разряд по стрельбе из пистолета. Люблю своих сыновей, их двое, оба пловцы-спортсмены.

БАТОВ Вячеслав Николаевич»

Конечно, метод излечения от алкоголизма автора письма едва ли можно рекомендовать для широкого применения, научной критики он не выдерживает, и все же письмо подтверждает простую мысль о том, что никто не может споить человека, если он сам того не захочет.

Однако вернемся к истории, с которой начинается статья. Больше всего в ней поражает то, что пьянство для всех ее участников было в какой-то степени образом жизни. Они «распивали» не для веселья и не с горя, а потому, что не ведали других занятий. Что же мешало или кто им мешал жить нормальной жизнью? Нельзя же всерьез возлагать ответственность за каждую изломанную водкой судьбу на работников торговли, нарушающих правила продажи спиртных напитков, или на равнодушных руководителей производства, полностью освобождая от ответственности самого «потерпевшего». Ведь вопреки расхожему мнению, что «не пьет только курица» и т. п., на самом-то деле пьют далеко не все, просто пьянство более заметно, чем трезвость.

Бездуховность... Последнее время это слово то и дело появляется на страницах газет. А еще несколько лет назад оно было не в ходу. Значит ли это, что проблема появилась только теперь, что с улучшением материальных условий жизни люди оскудели духовно? Действительно, послевоенная бедность быта ставила людей в довольно жесткие рамки. Деньги, предназначенные на покупку хлеба, как правило, на него и расходовались. Но вот жизнь наладилась. Появился вы-

бор: не хлеб или водка, а водка или цветной телевизор, или личная библиотека, или туристские поездки. И вот тут, мне кажется, проблема бездуховности не появилась, а проявилась. Отсутствие духовных потребностей, узкий кругозор, неумение жить (в высоком смысле этого понятия) и поставило нас перед таким «неприятным явлением», как пьянство.

Пути, ведущие к бутылке, довольно однотипны. Но каждый идет по этой проторенной дорожке сам, индивидуально. И возвращаться к трезвой жизни, в конечном счете, тоже приходится самому. Безусловно, широкие меры борьбы с пьянством, которые сейчас принимаются, приносят свои плоды, они необходимы. Но без личного усилия самого пьющего проблему не разрешить. Что же может и должно стать противоядием этому пороку? Если человеку с детства привито духовное начало, если он осознал себя как личность,— убогий «распивочный» идеал не сможет оказаться для него притягательным.

Таким образом, все аспекты данной проблемы, в сущности, сводятся к необходимости воспитания духовности. Возьмем, казалось бы, совершенно узкий вопрос — о культуре застолья. Она лишь производное от общей культуры, ее часть. Повышение культурного уровня большинства населения — долгий, длительный процесс, но без этого и частный «питейный» вопрос с места не сдвинется.

Ирина Григорьевна Чупринская из Минска пишет:

«Почему бы не завести такой порядок: зашла ли подруга с работы или родственники заглянули — пригласить их чайку попить. Накрыть стол скатертью, льняной расшитой, поставить самовар на черном подносе с большими яркими цветами. Тонкие стаканы в низких подстаканниках, печенье собственного изготовления, рулет, бисквит. В маленьких розеточках варенье, мед или повидло — на любой вкус. И встреча получится приятной, необременительной для здоровья, желудка и кармана. А когда я загляну в гости, то хозяевам не обязательно будет бежать за ответной бутылкой, чтобы не показаться негостеприимными».

Все это мне кажется вполне привлекательным. И зайти в дом «откушать чаю», как говорили в старину, я бы не отказалась, если бы... Если бы, кроме чая, меня там ожидал интересный разговор. Часто приходится слышать о заменителях спиртного во время застолья: вместо водки предлагается хорошее вино, пиво; вместо вина и пива — чай. Делаются попытки воспеть чай и печенье. Но мы подробно обсуждаем «что пить» и забываем «о чем говорить». Между тем, если собравшихся за чайным столом не объединяют общие интересы, если говорить им не о чем,— праздник не состоится. Не каждый и не сразу начинает понимать, что главное в любом застолье — общение. Пожалуй, и спиртное для некоторых привлекательно и необходимо потому, что «под хмельком» любая болтовня кажется интересной, значительной, а собеседники — умными и приятными. Так мы опять наталкиваемся на необходимость для человека осмысленной духовной жизни. И как подтверждение этого не воображаемый, а реальный пример застолья без спиртного.

Пишет Вера Даниловна Коробкина из Курска:

«Мы с мужем — убежденные трезвенники. Прогулка в лесу для нас — самый лучший отдых. А отпуск проводим в горах. Там и вовсе не к чему пить — горы трезвых любят. А вот как мы встречали Новый год. Было много закусок, а бутылки стояли... с соком. За столом собрались летчик, конструктор, который считает, что каждая капля спиртного мутит разум, а голова у него — главный инструмент; рабочий высокой квалификации: «боюсь, что руки будут дрожать». Вечер прошел как одно мгновенье. Было много шуток, взаимного внимания и настоящего сердечного веселья от хорошей музыки и танцев».

Эта идиллическая картинка может у кого-то вызвать недоверчивую улыбку, у кого-то насмешку. Мы вовсе не призываем всех последовать приведенному примеру и встречать Новый год без шампанского. Мы только хотим показать, что и так тоже бывает...

Пьянство помолодело. К вину теперь приобщаются в подростковом возрасте. Тем более важным становится развитие духовных начал в человеке. Если в семье и школе ребенок получил основы культуры, если в нем заложено стремление к развитию своей личности, он сможет противостоять, сопротивляться пьянству. Если родители ограничивают свои родительские обязанности тем, что покупают пищу и одежду, они вполне могут увидеть свое дитя годам к четырнадцати пьяным и тогда будут ругать водку и удивляться, чего их отпрыску не хватает. А ему, вероятно, действительно не хватает многого — осознания себя как личности, осознания своего назначения здесь, на земле. Человеку много чего надо, кроме сытого желудка и удобной одежды. И чем больше растет материальное благосостояние, тем насущнее становятся вопросы воспитания и самовоспитания, приобщения к творчеству, увлечения своей профессией.

В письме, которое написал К. Новалинский в редакцию «Науки и религии» (оно приведено в начале), обращается внимание на то, что многие люди, особенно женщины и старики, страдающие от пьянства своих близких, нередко обращаются к богу. Это действительно так. Пьянство одного человека неизбежно отзывается трагедией для окружающих. И стоит ли удивляться, что кто-то из старых, больных, немощных людей готов склонить голову перед любой силой, чтобы только вымолить спасение себе и своей семье.

Однако и прошлое нашей страны, и сегодняшний день убедительно показывают: вера в бога не в состоянии уберечь человека от пьянства. Видеть в пьянстве божье наказание, надеяться, что бог спасет от беды, — фактически то же самое, что сводить причины пьянства к плохим товарищам или неудачному расположению винного магазина.

Жизненный опыт убеждает в ином: как правило, к бутылке тянутся и спиваются люди, у которых нет ничего за душой, чья душа не привыкла трудиться, чей духовный мир узок и беден. Поэтому важнейшее условие преодоления пьянства, вернее даже прекращения его «воспроизводства» — это воспитание высокой культуры, полноценной, гармонически развитой личности, настолько духовно богатой, чтобы она смогла противостоять любым неблагоприятным обстоятельствам.

Великий композитор, потерявший слух, однажды написал: «Человек, помоги себе сам!» Может быть, кому-то покажется кощунственным упоминать в статье о пьянстве бетховенские слова, но я все же привожу их здесь. Думаю, они кому-то помогут. Пора обратиться к самому человеку, сказать ему: «Спаси себя сам! Спаси свою семью! Спаси в себе человека!»

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ НАДО ВОСПИТЫВАТЬ

С большим интересом прочел в рубрике «Духовный мир человека» статью Лидии Графовой с метким названием «Искусство быть счастливым». Автор с большим тактом, тонко и задушевно говорит о духовном облике современного человека. Перед нами две женщины: Надя и Лида. Одна — скучная, брюзжащая, с невеселым восприятием всего окружающего; другая — жизнерадостная, увлекающаяся, влюбленная в мир и творчество. Почему есть такие, как Надя? Это люди с иждивенческими, потребительскими запросами. Их логика примитивна: чего-то недостает — кто-то должен обеспечить; что-то испортилось — кто-то должен отремонтировать; скучно — кто-то должен развеселить... Они привыкли брать — и только брать! — от жизни все в готовом виде, так их воспитали. А точнее, вообще не воспитывали. А вот умение любить жизнь, получать удовольствие от труда, испытывать тягу к творчеству — эти качества надо воспитывать (и здоровые потребительские запросы тоже). Но тут требуется искусство, не каждый способен.

В том, что порой происходит «перекос» в формировании личности, виновны зачастую родители: стараясь обеспечить своим детям безбедное, счастливое детство (а материальные возможности позволяют), они превращают его иногда в беззаботное существование, в ничегонеделание, ибо неправильно трактуют для себя понятие счастья. В результате вырастают бездеятельные, безынициативные люди, не умеющие твердо стоять на ногах. Мне приходилось встречать таких людей, они глубоко несчастны, хотя чаще сами не понимают, отчего стали такими. И не многим удается перестроиться на нужный лад.

Так получилось и с Надей. Надо жить для людей, а не только для себя. Настоящие люди всегда видели смысл существования в обновлении мира, ради этого не щадили своих жизней. А это и есть «жизнь для людей», при которой и однообразная повседневность не бывает в тягость. Но Надя, видно, этого не понимает, и в этом ее беда. А помочь себе больше всех сможет только она сама, и я ей искренне того желаю.

Е. КОЛОДИЙ

г. Жданов

НАША СУДЬБА — ЭТО МЫ САМИ

Пишу по поводу очерка «Искусство быть счастливым». Я свою жизнь уже прожила. Как? Плохо! И часто думаю: кто же виноват в этом? Судьба моя? Но судьба моя — я сама. Была бы я иной — и жизнь моя сложилась бы по-иному. Но в том-то и дело — трудно мне быть иной. Если бы можно было с самого детства «делать себя»! Иные это понимают. Но ведь люди такие разные. И поистине счастлив человек жизнерадостный, общительный, жизнелюбивый. Его окружают хорошие, добрые люди, у него есть близкий друг, семья, любимая работа. Что это? Талант? И виноват ли человек, если он несмелый, стеснительный, молчаливый, если он в тени? А если его наделили таким характером бабушка или дедушка?

У всех по-разному складывается жизнь, судьба. Как важно, чтобы на жизненном пути человеку встречались хорошие люди, даже хотя бы один, но чуткий, понимающий. Возможно, Наде такой человек не встретился. Никто ее еще не разбудил. Может, это будет любовь... Ну, а если будут ее годы катиться серо и однообразно, то и вся жизнь пройдет мимо, спохватится, да поздно. И станет она мысленно перебирать все свои дни, поступки и слова.

Нас учат ремеслу, специальности, но не учат, каким надо быть в жизни. Да и можно ли этому учить? Если бы у всех родители были хорошие, понимающие. Например, девочка Света такая хорошая, веселая, добрая, вежливая, внимательная. А другая девочка, Зоя, иная — грубая, злая, капризная. Мама ей говорит: «Посмотри на Свету, будь такой!» А Зое совсем не хочется быть такой. И растет Зоя сама собой. Какая у нее будет жизнь, судьба? Лишь хорошая, умная мама смогла бы помочь Зое. Но обыкновенно мамам некогда. Они много работают, устают, да еще домашние дела. Только проверят дневник, спросят: «Как там, в школе?» И дети живут своей жизнью, сами по себе. Так бывает и в хороших семьях.

Хорошо, что вы написали о Наде. Может, она узнает себя, задумается обо всем, начнет другую жизнь... А рядом — Лида. Но захочет ли Надя быть такой, как Лида? Или скажет: «Подумаешь! Я сама по себе, я иная и буду сама собой!»

Да, с детства надо учить жизни. Учить мальчишек и девчонок, учить искусству быть счастливыми. Только мало еще таких учителей. И предоставлены юные самим себе. Поют под гитару песенки про любовь вечера, а то и ночи напролет. Безусые подростки пьют — думают, без этого нельзя. Так они становятся посмелее, хотят девочкам нравиться. Без выпивки язык деревянный, а выпьют — и развяжется. Девчонки смеются, жизнь катится...

Е. ВАСИЛЬЕВА

Рамонский район
Воронежской области

СУТЬ В ТРУДОВОЙ ЗАКАЛКЕ

Мне кажется, что нельзя просто требовать от людей оптимизма. Хотя, конечно, справляться с собой, со всеми трудностями очень важно в жизни. Есть люди, которые любят жаловаться: все у них не то, не так... А если присмотреться? Вот Надя из очерка Л. Графовой «Искусство быть счастливым» жила, видно, в тепличных условиях, на всем готовом. А сейчас разве так уж ей плохо? Многие были бы довольны на ее месте. Но она просто лентяйка. Делает трагедию из того, что воду надо набирать из колодца и иногда колоть дрова. Да ведь есть они, эти дрова, и вода есть.

И на работе у нее условия неплохие, помещение подходящее, средства отпускаются немалые. И не в том дело, что она далеко от Москвы. Везде можно жить содержательной жизнью. О ней говорят: «милый наивный ребенок». Так ли на самом деле? Разве это наивность — требовать, чтобы все ей преподносили готовое, чтобы кто-то все за нее делал? Скорее это эгоизм. Пока ей не на ком ездить, грубо говоря, а будет такая возможность, она себя покажет, эта «милая наивная девочка». Есть люди с долей наивности, живущие как взрослые дети. Они не замечают вокруг никого и ничего. Порой они оказываются пособниками зла — по наивности.

Мне кажется, слово «удачница» в применении к Лиде Фалалеевой неудачно. Она — прежде всего труженица: работает и любит свое дело. В этом вся суть — в трудовой закалке. Что бы с таким человеком ни случилось, он остается работником, хозяином своей судьбы. Не будет только страдать и жаловаться. Такие люди преодолевают даже физическую невозможность трудиться и возвращаются к деятельности.

А. ВЛАСЕНКО

Закарпатская область

Литература, искусство

Трубный глас

Хью УОЛПОЛ (1884—1941 гг.) — английский писатель и общественный деятель. Сын священника. С 1909 года стал писать бытовые, приключенческие, мистические романы, а также «романы ужасов». Его роман «Мистер Пэррин и мистер Трэлл» переведен на русский язык. В 1914—1916 годах был представителем Красного Креста в России, где познакомился с А. М. Горьким. Впечатления о России нашли отражение в лучшем романе Уолпола «Темный лес».

Рассказ «Трубный глас» взят из сборника рассказов английских писателей, вышедшего в 1943 году в Париже.

В унылого вида домике на Фосетт-стрит в Блумсбери жила чета Брандретов.

В Лондоне и сейчас еще многие дома кажутся сошедшими со страниц Диккенса: Квилп рыщет по этим трущобам; Джонас Чезлвит выглядывает из пропахшей бараниной столовой; леди Дедлок следит за мечущейся по резному потолку гостиной тенью мистера Талкингхорна. Призраки уличных торговцев времен королевы Виктории мелькают в тумане, и блеклые кебы тащатся в призрачные конюшни.

В одном из таких домиков Брандреты ожидали конца света. Они жили так тридцать лет, ничего в доме не меняя, и все здесь — от розовых фарфоровых пастушка и пастушки на камине до старых, темных, с желтым стершимся циферблатом часов на лестнице — ожидало вместе с хозяевами конца света.

Конец света, с точностью до минуты предсказанный много лет назад, должен был наступить в 11.45 вечера 20 января 1929 года. Странно вроде бы, что об имеющем столь глобальное значение событии никто, кроме Брандретов да еще полудюжины людей, не подозревал. Но, с другой стороны, не так уж это и странно, если вспомнить, что в разное время только мистер Исаак Ньютон или профессор Эйнштейн знали важные вещи, никому больше не известные. А разве вы сами не знаете чего-то такого, о чем никто, кроме вас, не догадывается?

Как бы то ни было, мистер Брандрет, теперь седовласый, сгорбленный семидесятилетний брюзга, узнал о конце света лет пятьдесят назад. Непосредственным толчком к открытию послужила ссора мистера Брандрета с матерью. Не получив на ужин свои любимые гренки с сыром, он хмуро удалился к себе, раскрыл Библию и, пока расстроенная старушка из любви к нему спешно готовила гренки, принялся читать книги Исайи и Иезекииля. Он всегда питал слабость к математике и поздним вечером, уплетая наконец желанные гренки, сделал потрясающее открытие, что конец света наступит 20 января 1929 года ровно в 23.45. Многократно перепроверив свои расчеты, он убедился в их абсолютной точности, а позже, в последовавших за сырным пиршеством лихорадочных грезах ему явился бог, чтобы лично поздравить его с замечательным открытием.

Брандрет, как и все мы, был соткан из противоречий. Мы по преимуществу такие, какими видят нас окружающие, и в теми, кто считал Брандрета занудой, он зануда и был. Но другим в его тусклых редких волосах, длинном, остром носе и пристальных серых глазах виделось нечто загадочное и притягательное. Он был неразговорчив, и отсюда делали вывод, что он таит свои мысли про себя. Хотя на самом деле у него большей частью вообще не было никаких мыслей.

Всю жизнь он прослужил клерком в банке на Вигмор-стрит, и его природные счетные способности позволяли ему без особых мыслительных усилий успешно выполнять эту механическую работу.

Возможно, в душе он и был до известной степени поэтом, и два свидетельства тому имелись: во-первых, у него никогда не возникало ни малейшего желания самому сочинять стихи, а во-вторых, вскоре после женитьбы он купил фарфоровых пастушка и пастушку без всякой причины, единственно потому, что они ему приглянулись.

Но в своим взаимоотношениям с богом он поэзию не примешивал. Он строил их на той же практической, деловой основе, как и свои расчеты. Нельзя даже сказать, что великое открытие сделало его набожным, оно сделало его лишь тщеславным, а нет другого такого всепоглощающего тщеславия, как то, причины которого приходится скрывать. Он лелеял свой секрет, как лелеют какой-нибудь тайный порок. Да это и было для него тайным пороком, источником наслаждения, гордости, волнующей опасности — всего, что испытывают носители тайных пороков. Вдобавок великая тайна наложила отпечаток загадочности на все его поведение, что раздражало работавших вместе с ним клерков, но производило впечатление на некоторых наивных людей, главным образом на женщин. Клерки приписывали ему сокровенных любовниц (и недоумевали, откуда они у подобного ничтожества), а женщины — сокровенные познания.

Мэри Картер, простая душа, ничего, кроме меблированных комнат, которые держали в Кенсингтоне ее родители, в жизни не видевшая, влюбилась в Брандрета как в некий поэтический идеал. Брандрет счел ее аппетитной и, будучи высоконравственным молодым человеком, женился на ней.

Они поселились в Блумсбери и там терпеливо ждали конца света. Мэри, услышав о предсказанном событии, не сочла его невозможным. Ведь когда-нибудь конец света должен наступить, а мужу своему она верила слепо: он был самым умным из всех, кого она когда-либо знала.

Впрочем, до назначенного срока оставалось тридцать лет, и единственное, что ее поначалу встревожило, — это судьба их будущего потомства. Когда после нескольких лет супружества стало ясно, что детей у них вообще не будет, она испытала неимоверное облегчение.

Мэри Брандрет на заре супружеской жизни была очень ограниченной женщиной. Воспитанная матерью в добрых викторианских традициях, она твердо верила, что единственное назначение женщины состоит в служении мужу и детям. Регулярного образования она не получила, но усвоила все необходимые для ведения пансиона навыки: то есть умела обращаться с лживыми постояльцами, с неотесанными слугами, с наглыми лавочниками и с болезненной матерью. Эти практические сведения ни в коей мере не сделали ее циничной. Когда Брандрет женился на ней, она была добрейшим и невиннейшим созданием. К венцу она шла с твердой уверенностью, что брак сулит ей небесное блаженство. Тридцать лет супружества не оставили от этой иллюзии ни следа. Что принес ей ее брак в действительности? Непреходящее отвращение к супружеским ласкам, невралгию правого уха, снисходительно насмешливое презрение к мужчинам и представление о боге как главе гигантского банковского концерна, корпящем над балансовым отчетом.

Хотя привычного течения ее жизни это ни на йоту не изменило, сам по себе момент, когда она услышала о назначенном богом конце света, явился для нее знаменательным. Но только по другой причине: как раз тогда она поняла, что больше не любит мужа. Как из брака исчезает любовь? Спросите бесчисленные хлопанья дверьми, манеру сморкаться, ненужные траты, всякие мелкие хитрости и слишком властное предъявление супружеских прав.

Звезды, покровительствующие нам, сопротивляются угасанию любви, но не всегда успешно. Женщины терпеливы и слепы, потому что хотят быть такими. Мужчины — эгоисты, и любовь для них не главное. Бедность вынуждает людей продолжать совместную жизнь, а монотонное существование способствует тому, что и уши кажутся чересчур багровыми, и самодовольство чересчур тупым, и все поведение чересчур эгоцентричным и отталкивающим.

Так Мэри в тот мглистый зимний вечер, когда муж ее, особенно яростно

терзая ногтями апельсин, небрежно бросил, что забыл сказать хозяину дома о течи в уборной, вдруг поняла, что он ей совершенно безразличен, но что лучше все-таки иметь рядом его, чем кого-то другого. Она окинула взглядом маленькую, забитую вещами комнату, бумажные веера, фотографии, фарфоровых пастушка и пастушку, картину «Падение Иерусалима» — и вздохнула:

— Верно, мы так и просидим друг против друга целую вечность.

— Нет, — ответил он, пальцем притискивая к зубам дольку апельсина, — самое позднее до 11.45 вечера 20 января 1929 года.

— Что ты хочешь этим сказать, Генри?

— То, что сказал. — Он слегка покраснел от волнения. — После 11.45 вечера 20 января 1929 года никого в живых не останется. Наступит конец света.

На миг она решила, что он сошел с ума, и поглядела на него с новым интересом. Если бы он действительно свихнулся, может быть, она могла бы опять полюбить его; он стал бы более романтичной фигурой, он больше нуждался бы в ее заботе и попечении и тем тронул бы ее сердце.

Но нет. Он был предельно практичен. Он вытащил свои бумаги и с профессиональной добросовестностью банковского клерка принялся доказывать жене верность своих расчетов. И она нашла, что они верны. Ей самой математика не давалась, и в этих вопросах муж был для нее непререкаемым авторитетом. А сейчас он даже внешне преобразился. Его редкие волосы напоминали нимб святого, нос вытянулся и принял благородную форму, глаза сверкали, но все это не из-за поэтической романтики великих событий, а только потому, что его воодушевляла безукоризненная точность собственных расчетов. И Мэри тоже прониклась воодушевлением, хотя и глубоко скрытым за округлыми, мягкими линиями ее фигурки. Она была пышненькая и розовая, чистенькая и доброжелательная — такой она оставалась всегда. В ее внешности ни в какое время нельзя было заметить ни малейшего беспорядка. Словно многолетняя обязанность выглядеть перед постояльцами пансиона матери подтянутой и невозмутимой наложила неизгладимый отпечаток на ее душу. Олицетворением аккуратности и невозмутимости Мэри осталась и впредь.

Когда Генри закончил свое объяснение и сел с видом полнейшего торжества, она почти полюбила его снова. Восхищение его умом совершенно затмило потрясающую важность известия. Тысяча девятьсот двадцать девятый! Как это далеко! Впереди еще только тысяча девятисотый. Тридцать лет! Тридцать лет! Ну, Генри уже сорок, да и ей тридцать пять. К тысяча девятьсот двадцать девятому их обоих может вообще уже не быть в живых.

Годы шли с невероятной быстротой, но грозная дата, как ни странно, не казалась более близкой. На наше счастье, мы всегда живем только настоящим. Прошлое — прах, будущее — сплошной туман. Тридцать лет на Фосетт-стрит протекли для Мэри Брандрет в два слоя. Верхний слой состоял из таких вещей, как бекон на завтрак, проходившиеся перчатки, короткие каникулы в Рамсгите и книга у камина. Нижний слой — духовная жизнь — был весьма скуден, но Мэри, по правде говоря, это не заботило. Она вообще никогда не задумывалась о себе лично, целиком поглощенная делами, которые изо дня в день должна была выполнять. С тех пор как любовь ушла из ее жизни, оставив после себя лишь зияющую пустоту, все существование Мэри сводилось к соблюдению раз навсегда установленного порядка: подъем в 7.30, завтрак для Генри, быстрая приборка, покупки в самых дешевых лавках, вареное яйцо на второй завтрак, снова хлопоты по дому, болтовня с лоснящимся носом (то есть с мисс Моррисон), с пенсне (миссис Блант) или с новой розовой блузкой (глупая мисс Скэтчард), потом возвращение Генри: Генри, дующий на свой суп, Генри, читающий газету, Генри, храпящий у нее под боком.

Так вот и прошли тридцать лет, и вы, возможно, спросите (но Мэри никогда себя об этом не спрашивала), называть ли это жизнью и где тут второй слой. Мэри обходилась без духовных запросов. Каждое воскресенье она ходила в церковь святой Елизаветы на Розуэллстрит, где вместе со всеми называла себя жалкой грешницей, вовсе этого не думая, и молилась о прозрении, не вникая в смысл молитвы. Не терзаемая никакими сомнениями, она долгие годы спала как убитая.

Потом пришло все же время, когда прежнего крепкого сна не стало и — что всего досаднее — Генри тоже стал плохо спать. Сон его прерывался кашлем, и этот кашель был для Мэри сущим наказанием.

Кашель словно бы жил собственной жизнью. Удивительнее всего, что он никогда не нападал на Генри днем, как будто специально выбирая момент, чтобы потревожить Мэри, когда ей с превеликими трудностями удавалось наконец заснуть. Истории известны случаи, когда менее серьезные беды, чем этот кашель, определяли судьбу целых королевств. Кашель Генри имел свои законы и свое развитие. Сперва он шепотом, сдавленным бормотанием возвещал о своем подходе; затем как бы колебался, и мир, задержав дыхание, ждал, к чему приведет это неустойчивое равновесие; затем, решившись, кашель разрывал тишину, сердитый, хрипящий, гневный, протестующий; затем переходил в пронзительный женский визг, стихал, возвращался снова, еще более жалобный, чем раньше, и после долгого, назойливо скребущего нытья, наконец со вздохом умирал.

Генри относился к своему кашлю скорее как к предмету гордости. С типично мужским тщеславием он готов был даже в этом видеть свою исключительность. Мэри в конце концов предложила оставить его одного и перейти спать в другую комнату. Без долгих разговоров Генри дал понять, что придушит ее и не будет считать это убийством. Так она осталась.

Но лежа без сна, по громкому бою часов определяя бег времени, глядя, как в облике бледного старика на худых, длинных ногах, торчащих из-под ночной рубашки, в спальню входит Кашель, она стала понемногу задумываться о смерти и о конце света.

А годы шли. Была война, воздушные налеты, карточная система, гибель во Фландрии младшего сына миссис Тэллон и возлюбленного Мэй Кросс, было не принесшее большой радости перемирие, был 1919 год, и был 1920 год, и 1921 год. Не за горами был теперь и 1929-й.

Мэри начала сознательно разделять с Генри его секрет. Оба они состарились. Их отношение друг к другу, как обычно бывает у людей, много лет проживших вместе, в тесном контакте, определялось дюжиной мелочей. Мэри воспринимала Генри как Кашель, Притворную Глухоту (когда ему нечего было ответить), Носителя Шлепанцев, Мастера Счета и Гренколюба. Генри воспринимал Мэри как Мотовку (что не соответствовало действительности), неисправимую Любительницу Пустых Развлечений (что не соответствовало действительности) и Дуреху. Но при всем том общий секрет, никогда не упоминаемый в разговорах, связывал их неразрывно.

В одну весеннюю ночь 1922 года Мэри, разбуженная Кашлем, проснулась с внезапным острым сознанием вины. Она была доброй, мягкосердечной женщиной, и до нее вдруг дошло, что с их стороны очень дурно таить такое дело про себя. До конца света осталось совсем немного. О том, как это произойдет, она никогда раньше не задумывалась. Может быть, это будет подобно взрыву, или мир внезапно погрузится во мрак и ледяной холод, или прозвучит Трубный Глас. Но так или иначе, миллионы и миллионы бедняг погибнут, не успев уладить что-то очень для них важное, не простившись с теми, кто им дорог.

За долгие годы, с тех пор как муж посвятил ее в свою тайну, она ни разу не усомнилась, что все будет именно так, как он предсказал. Он никогда не допускал ошибок в вычислениях. Конец света стал для нее такой же реальностью, как боль в пятках от долгого хождения по лавкам или обострение невралгии при восточном ветре.

Так как же насчет других людей? Не ужасно ли, что они ничего не знают? Хотя особенно близких друзей у нее не было, несколько человек были ей небезразличны. Как смотреть им в глаза, скрывая от них столь важные сведения?

После долгих колебаний она отважилась все-таки заговорить об этом с Генри. Не думает ли он, что кое-кого следует посвятить в их тайну?

Вопреки ожиданию, он выслушал ее без всегдашнего пренебрежения. Обычно, что бы она ни предложила, он смотрел на нее так, точно считал вполне созревшей для сумасшедшего дома. Причем (и это всегда было одним из самых тяжких испытаний, отравлявших ей совместную жизнь с ним) то же предложение, которое он со всей презрительностью отверг, когда оно исходило от Мэри, будучи повторено кем-либо из посторонних — соседом, соседкой, кем угодно, — могло быть охотно принято.

Однако на сей раз он выслушал ее так сочувственно, что ей даже не верилось. Его и самого тревожила мысль о долге перед другими. Возможно, примешивалось к этому и некоторое тщеславие — жажда вызвать восхищенный интерес у кого-то, кроме его безмозглой жены.

Несколько дней он размышлял, он забросил все дела и впервые за много лет дал волю воображению. Он пытался представить, какую реакцию вызовет

у других его сообщение. Поверят ли ему, не поднимут ли его на смех? Он заново проделал все расчеты, вечер за вечером просиживал он над библейскими текстами, сверяя предсказания пророков. Конечно, это с самого начала было чистейшим абсурдом, так как религиозные теории были знакомы ему лишь весьма приблизительно. В основном он полагался на поблекшую, выпущенную лет пятьдесят назад книгу некоего Джекоба Рэмпиона «Судьба человечества в предсказаниях пророков».

Он был слишком честен, чтобы обманываться на собственный счет. Он сознавал свое невежество, но оно-то и служило ему опорой. Ведь сказано же: «устами младенцев и простаков». Может быть, он как раз и есть тот избранный для специальной цели простак. Знания только помешали бы ему, они заставили бы его сомневаться, лишили бы уверенности, что все будет именно так, как твердит ему внутренний голос: «Двадцатого Января Тысяча Девятьсот Двадцать Девятого года, в 11 часов 45 минут вечера, ни минутой позже!»

Он словно бы стал теперь ближе к богу, установил с ним личные отношения. Впрочем, для сослуживцев и для всего остального мира он по-прежнему был только педантичным, замкнутым и резковатым стариком, без лишних слов делающим свое дело.

«Воображает себя господом богом»,— говорили о нем, но подразумевали под этим только его чванство.

После долгих тревожных раздумий и самого тщательного отбора в тайну посвятили шестерых. Вот эти шестеро: Эми Дерхэм, старая дева, боготворившая Генри и не допускавшая, что он может в чем-либо ошибаться; Джеймс Сэкстон, сухощавый старик, иногда заходивший к Генри поиграть в домино; жена Сэкстона Клара; продавец сигар Рамбольд, которому лет десять назад однажды в видении явился господь; Джейн, дочь Рамбольда, придурковатая девица, верившая каждому слову своего папаши, и, наконец, старая мисс Тертис, подруга Мэри, так отчаянно боявшаяся бога, что перед сном обязательно проверяла, не прячется ли он под ее кроватью.

Заявление Генри вся эта шестерка приняла как не требующую доказательств аксиому. Большинство людей всегда готовы поверить любому известию, которое сообщается им под секретом.

Великая тайна связала разношерстную компанию воедино, как бы отделив ее от всего остального человечества. Это не было подобием религиозной секты, они и разговоров о религии не вели. Но по мере приближения роковой даты их все больше тянуло друг к другу. Уильям Рамбольд, единственный среди них духовидец, и прежде носил на себе отпечаток мистицизма, хотя природа плохо приспособила его к этой роли, наделив тучной комплекцией и животиком. Мисс Тертис немного свихнулась, иногда на улице начинала вдруг размахивать руками и разговаривать сама с собой. Остальные внешне не изменились.

Мэри, ощущая бремя лет, хвори и постоянных забот, ловила себя на том, что ожидает назначенного срока с возрастающим нетерпением. Жизнь дарила ей не так много радости, чтобы стоило сокрушаться из-за потери. Она безмерно устала от этого монотонного существования, от вечной нехватки денег и больше всего от Генри.

Есть ли загробная жизнь или нет (на сей счет у Мэри всегда оставались сомнения), были все основания надеяться, что после 20 января 1929 года наступит избавление от Генри с его кашлем, с его вечным недовольством едой, с его отвратительной привычкой почесывать бороду, с его язвительными замечаниями о ее, Мэри, тупости.

Когда прозвучит Трубный Глас, Генри отправится туда же, куда все, и провидение наверняка не будет столь злонамеренно, чтобы придираться к деталям, оно не потребует от супругов быть вместе и на том свете. Просыпаясь каждую ночь от кашля, сотрясавшего худое тело Генри, босиком ступая на холодный линолеум за каплями и подавая их мужу, она считала теперь оставшиеся до освобождения месяцы и радовалась, что все это скоро кончится.

С течением времени ее все сильнее тяготила остальная компания: мисс Тертис с ее молитвенным экстазом, Рамбольд с его дурацкими наитиями, чета Сэкстонов с ее сознанием своей исключительности от приобщения к великой тайне.

У Мэри было доброе сердце, но она так отчаянно, отчаянно устала. Мысль, что через год с небольшим ей не придется больше торговаться с зеленщиком из-за капусты, действовала так же целительно на ее душу, как вечерняя чашка чая на ее тело.

На рождество 1927 года они с Генри немного повздорили. Он пригласил всю компанию провести с ними вечерок. Мэри ничего не имела против и даже приготовила небольшое угощение, но когда гости пришли и набросились на еду и питье, точно это последнее в их жизни рождество (впрочем, больше одного у бедняг впереди не осталось), глядя друг на друга с какой-то деспотичной фамильярностью (словно каждый презирал остальных оттого, что был связан с ними неразрывными нитями), Мэри потребовалось все ее самообладание, чтобы не надавать им пощечин и не стукнуть головами друг о друга. Потом они стали играть в карты по самым мизерным ставкам, но ссорясь из-за каждого гроша. Это было особенно неприятно, потому что Генри и Мэри выиграли больше других, и, хотя весь выигрыш состоял из нескольких шиллингов, сути дела это не меняло.

Мэри выглядела очень мрачной, что так не шло к ее круглому розовому лицу. После ухода гостей Генри, ложась спать, бросил через плечо:

— Никогда не видел тебя такой сердитой. С чего это ты?

— Мне тошно. Просто тошно от этого.

— От чего «этого»?

— От всего. От каждого дня. От каждого часа.

Он оторопел.

— Да ведь это же богохульство!

— Ладно, — сказала она. — Теперь уже, слава богу, один год остался.

Он вышел из себя. По молчаливому согласию они никогда не упоминали о Событии. Он как следует отчитал ее. Спокойно выслушав его, она ответила:

— Хорошо тебе рассуждать, Генри. У тебя есть хоть твоя работа. А у меня совсем ничего нет. Ты опостылел мне не меньше, чем остальные, — ты и твой кашель.

Это потрясло его до такой степени, что он не нашелся с ответом. Он просто застыл, и вид у него был довольно жалкий: седой костлявый старик с взлохмаченными волосами и разинутым ртом.

Прошло еще немного времени, и Мэри обнаружила, что ей страшно. Чего она, собственно, боится? Она не могла понять. Уж, конечно, не смерти; ведь что бы там за ней ни таилось, смерть все же сулила перемену.

И, конечно, то не мог быть страх перед разлукой, потому что ей не с кем было расставаться. На свете не было более одинокого человека, чем она. А о разлуке с Генри она мечтала. Она не была поэтом. Мир представлялся ей не безграничным скоплением небесных светил, не великолепием красок, а только грудой грязных тарелок, неоплаченных счетов и повседневных забот. Она не была исследователем. Она не склонна была вдаваться в вопросы причинности бытия. Ирония была чужда ей; она не насмехалась над никчемностью существования.

Но ей было страшно, просто страшно. И смутно ее тревожило предчувствие, что причину этого страха она поймет слишком поздно.

Когда пришла пора осенних туманов (в эту пору лондонцы кажутся друг другу призраками), у группы посвященных стали сдавать нервы. Теснее прежнего жались они теперь друг к другу. Они вели безупречную жизнь. Они следили за каждым словом, срывавшимся с их уст, и были исполнены доброты к соседям.

Родных и близких ни один из них не имел, но они стали с нежностью глядеть на каждого знакомого, как бывает накануне отъезда в далекие, неведомые края. У них вошло теперь в привычку ежевечерне сходиться в обветшалый домишко на Фосетт-стрит. Генри и Сэкстон играли в домино, мисс Тертис раскладывала пасьянс, Мэри хлопотала по дому. Они почти не разговаривали, потому что ничего существенного не могли уже сказать друг другу.

Любое событие — будь то болезнь короля Георга, соревнования по крикету в Австралии или бедственное положение горняков Уэльса и Северной Англии — выглядело ничтожным в сравнении с грядущим Концом Всего. Король с его болезнью был поистине жалок. Бедняга! Знал бы он всю тщетность своих забот! Как-то у него одновременно собрались одиннадцать докторов! Такие расходы — и все впустую. Маленькая мисс Тертис не могла спокойно об этом говорить. Время от времени газеты сообщали, что кто-то наложил на себя руки. Вот уж не стоило стараться!

Мэри, единственная из всей компании, решительно не интересовалась событиями, происходящими во внешнем мире. Она до такой степени устала и вымоталась, что едва была в состоянии о чем-либо думать. Иногда у нее смутно мелькала мысль о форме, в какой произойдет Событие. Может быть, будет страшный взрыв? Она надеялась, что нет. Она не выносила внезапных резких звуков и в театре затыкала пальцами уши, когда кто-нибудь из актеров по ходу

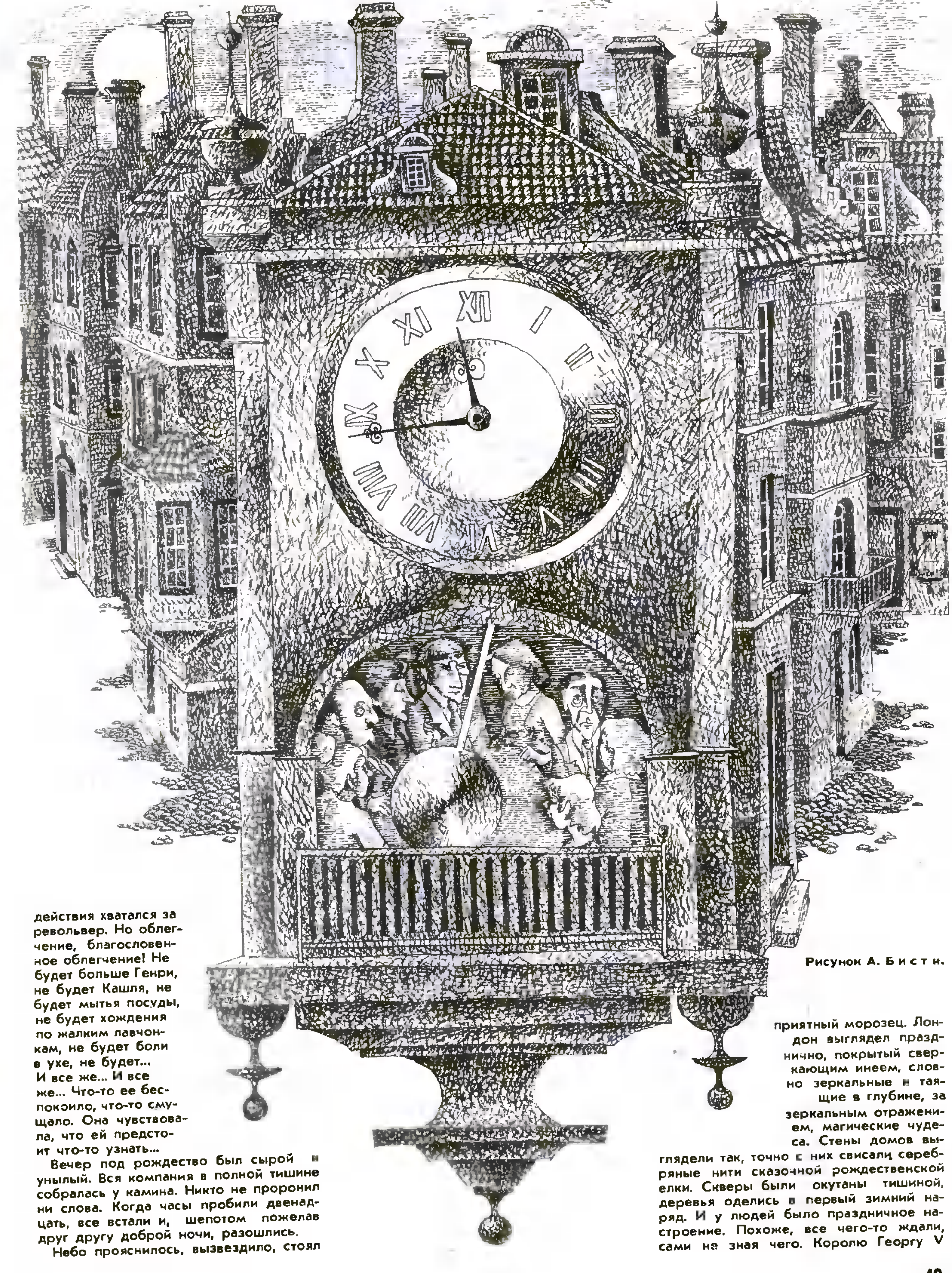

Рисунок А. Бисти.

действия хватался за револьвер. Но облегчение, благословенное облегчение! Не будет больше Генри, не будет Кашля, не будет мытья посуды, не будет хождения по жалким лавчонкам, не будет боли в ухе, не будет...

И все же... И все же... Что-то ее беспокоило, что-то смущало. Она чувствовала, что ей предстоит что-то узнать...

Вечер под рождество был сырой и унылый. Вся компания в полной тишине собралась у камина. Никто не проронил ни слова. Когда часы пробили двенадцать, все встали и, шепотом пожелав друг другу доброй ночи, разошлись.

Небо прояснилось, вызвездило, стоял приятный морозец. Лондон выглядел празднично, покрытый сверкающим инеем, словно зеркальные и таящие в глубине, за зеркальным отражением, магические чудеса. Стены домов выглядели так, точно с них свисали серебряные нити сказочной рождественской елки. Скверы были окутаны тишиной, деревья оделись в первый зимний наряд. И у людей было праздничное настроение. Похоже, все чего-то ждали, сами не зная чего. Королю Георгу V

стало получше, соревнования по крикету в Австралии проходили успешно, и англичане были счастливы.

Правда, горняки вели себя неспокойно, однако большого значения это не имело, наверняка все скоро уладится.

Подошло 20 января, и на дворе опять стоял промозглый туман. Ожидания кончились. Снова наступили серые будни. Один молодой человек, проводивший в Париже медовый месяц, разочарованно записал в дневнике: «Лувр. Джиоконде что-то попало в глаз». В Стокгольме какой-то художник придумал новый способ класть неблекнущие багровые тени. В Риме одна дама потеряла китайского мопса. Американцы, совершавшие круиз по Средиземному морю, готовились к завтрашнему бал-маскараду на борту корабля. Для кого-то все эти события были полны значения. На Фосетт-стрит, 17, в Блумсбери, старые часы с выцветшим циферблатом пробили половину двенадцатого. Вся компания сидела вокруг стола, покрытого красной скатертью с дыркой в правом углу. Мисс Тертис, мистер Рамбольд и его дочь молились, мисс Тертис — громко, Рамбольды — молча, склонив головы. Сэкстоны — Джеймс и Клара — сидели, крепко сжав руки. Они смотрели друг на друга затуманенными, но полными любви глазами. Со стороны жизнь их могла выглядеть лишенной смысла и неинтересной, но для них самих она была исполнена драматизма и глубокого значения, потому что они с каждым месяцем открывали, что любовь, если она истинная, способна обогащаться все новым и новым опытом и что этому нет конца. Не то чтобы они думали об этом такими словами. Они просто сидели, крепко держась за руки и питая безграничную веру. У них было такое чувство, точно они переезжают из одного дома в другой. И пока они вместе, им решительно все равно, какого рода будет этот дом.

Мэри смотрела на них с завистью. Как счастлива была бы она, если б могла питать такое чувство к Генри! Но он и сейчас, в последние минуты жизни, вызывал у нее одно только раздражение. С ума можно было сойти, глядя, как он сидит, скрестив руки и всем своим видом выражая предельное самодовольство. Для него это был великий момент, но не из-за ожидаемой встречи с богом, не потому что ему рисовались небесные кущи, не потому что он надеялся получить ответ на какие-то мучившие его вопросы, а единственно потому, что через несколько минут подтвердятся его поразительные расчеты.

Да, Мэри знала, о чем он думает. Собственные ее мысли были сейчас в смятении. Пожалуй, она вообще ни о чем конкретном не думала, разве что об избавлении, которое принесет ей конец света. А может, не об этом? Может, ее снова тревожило дурное предчувствие? Ей не сиделось на месте, она ерзала, беспокойно шевелила руками.

Теперь все взоры были обращены к часам. Кроме их тиканья, ни в доме, ни за его пределами не слышно было ни звука. Мысли Мэри перебежали к старой Эллен, поденщице, помогавшей ей по утрам с уборкой. За долгие годы между Мэри и Эллен бывало всякое: они и дружили, и ссорились, и посмеивались друг над другом, и друг друга жалели. Жестоко было не предупредить Эллен. А может быть, не жестоко? Может быть, для самой Эллен лучше ничего не знать? Вот сейчас она, верно, спокойно спит.

Стрелки часов неумолимо приближались к роковой отметке. Еще шесть минут, пять, четыре... Мисс Тертис истерически завизжала:

— О боже, прими меня, прими меня в твое царство! О боже, прими меня, прими меня!

Она вскочила на ноги, не сводя глаз с часов. Часы — единственное, что оставалось для них реальностью в этом мире, — нервно хихикнули, как всегда, когда готовились бить.

— Сейчас! — Генри рывком поднялся; глаза его горели.

Часы проскрипели три четверти, а затем, издав напоследок еще один короткий смешок, спокойно затикали дальше. Тишина была такой же глубокой, как прежде.

Ничего не случилось.

Они оставались в молчании еще пять, десять, пятнадцать минут, потом часы пробили полночь — двенадцать размеренных ударов. Одновременно послышался приглушенный расстоянием бой часов на церковной башне.

Рамбольд встал.

— Кажется, вы что-то напутали, приятель. — Взяв пальто и шляпу, он удалился в сопровождении своей дочери.

Остальные, ни слова не говоря, последовали за ним. Генри и Мэри в полном молчании просидели друг против друга еще час.

Наконец Генри — расстроенный, без кровинки в лице, с потухшими глазами — убито пробормотал:

— Цифры наврали. Рамбольд прав. Мои расчеты были ошибочны. Все эти годы я только морочил тебе голову.

И тут Мэри поняла. Она почувствовала, как всю ее заливает теплая волна радостного открытия. Так вот ЧЕГО она боялась! Не смерти, не мук, не божьей кары — нет, она боялась лишиться повседневных мелочей: грязных тарелок, Кашля, шатанья по лавкам, лондонских улиц, тележек с овощами и фруктами, страниц «Дейли экспресс», покупки новой ленты к шляпе, запаха яичницы с беконом, утренней болтовни с Эллен, даже боли и усталости — невралгии уха в сырую погоду, нытья в ногах от долгого хождения: ведь все это, в конце концов, было жизнью. Она была стара, но впереди у нее все же оставались годы, годы на Фосетт-стрит, и Генри, дни и ночи, сны и пробуждения. Она не лишится этого. Все это останется при ней. Она чувствовала себя такой счастливой, какой не чувствовала с тех пор, когда была юной, влюбленной девушкой.

Он украдкой кинул на нее испуганный взгляд. Теперь она станет смеяться над ним — этого он всегда боялся.

— Ты станешь презирать меня за то, что я так тебя одурачил?

Она посмотрела на него. Она любила его не больше, чем раньше. То, что она сейчас чувствовала, не было любовью. Но она была рада, что он тут, такой, какой он есть, — именно такой, какой он есть.

Он закашлялся. Она стала медленно взбираться по лестнице, в спальню, чтобы принести ему его капли.

Перевела с английского
Татьяна ГИНЗБУРГ

ПОМНЮ ту теплую, золотистую осень шестьдесят второго и радостный для меня день, когда я впервые познакомился с любимым художником, который стал для меня олицетворением родной земли.

Его обаяние, сердечность мгновенно располагали к себе. Он естественно оказывался в центре внимания, хотя и не любил выделяться. В Армении, где почитают старших, он был самым Старшим. Со мной он говорил просто, ласково, как с человеком, годящимся ему во внуки, пригласил к столу, за которым сидело много гостей. В разговоре он изучающе, внимательно выслушивал собеседника, вставляя в разговор армянское «меке» — «все равно», «одно и то же», у него это означало: «О чем тут говорить? Не стоит внимания!» При этом пластичная, выразительная кисть его руки резко взлетала вверх и падала вниз. Этим жестом он как бы отбрасывал, вычеркивал из разговора все, на его взгляд, недостойное внимания. Есть земля, небо, солнце, человек, добро и зло — это стоит внимания. Если кто-то созидает, творит, — это стоит внимания. Такое отношение к действительности ассоциировалось и с живописью Сарьяна, с ее лаконизмом и обобщенностью, способностью воссоздать самую суть. В то же время это раскрывало и суть личности художника, его цельность человека и творца.

Надо было видеть его за мольбертом. Доброе, улыбающееся лицо преображалось, становилось неистовым, умные, чуть лукавые глаза наполнялись огнем. Обычно степенные движения становились резкими. Мазки быстро ложились на холст. Он не писал, — он сражался.

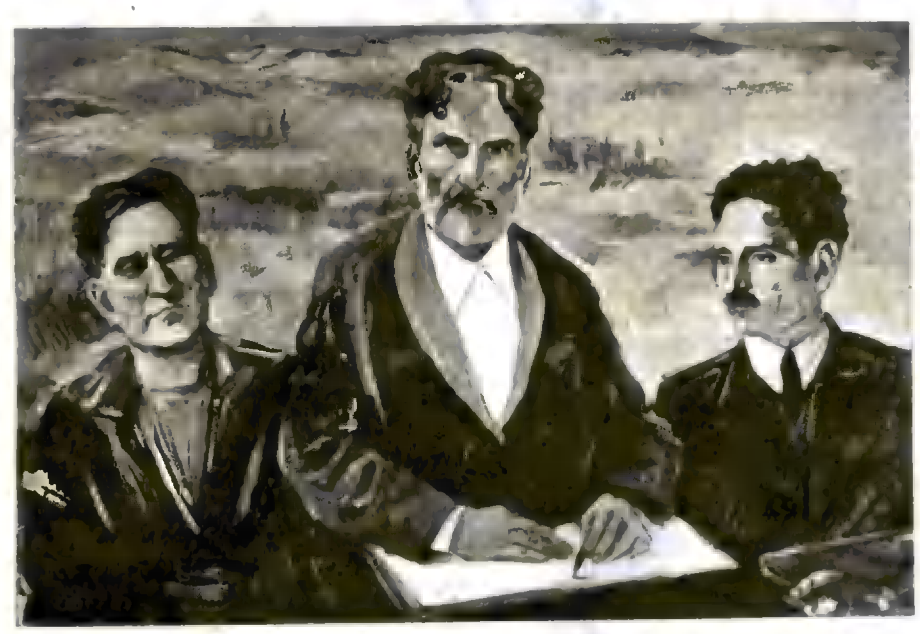
Его зоркий глаз мгновенно вырывал из повседневности, из суеты исключительное — то, что способно зажечь, взять за душу, раскрыть неизведанный уголок жизни. Слабый, приглушенный шум, ветхие домики, улочка, мимо проходит женщина в поношенной одежде. Но какое лицо!.. Лики соотечественниц возникали на его холстах опоэтизированными и возвышенными.

Сарьян поэтизировал жизнь, но жизнь реальную; за исключением некоторых ранних работ, он нигде не впадал в сказку или фантасмагорию. И как это получалось у него выразительно, когда из светло-голубой, похожей цветом на минарет, шали выступало наивное девичье лицо персиянки. Глаза, губы, нос, изображенные тонкой желтой линией, сверкают подобно золоту, а черные дуги бровей в окружении светло-серых и розовых сочетаний обрели необычную для черного цвета звучность. Или сине-голубой фон и золотисто-желтое, блестящее, как солнце, лицо восточной женщины. В его картинах отсутствуют кольца, амулеты, ожерелья — все внешние атрибуты, которыми многие художники, писавшие восточных женщин, пытаются подменить национальное своеобразие.

Большинство персонажей его картин — люди, с которыми он был хорошо знаком или встречался в своей мастерской. Он запечатлел Дмитрия Шостаковича и Арама Хачатуряна, Илью Эренбурга и маршала Баграмяна, Иосифа Орбели и Ваграма Папазяна, Рубена Симонова и Александра Таманяна, Аветика Исаакяна и Егише Чаренца, Джона Стейнбека и Уильяма Сарояна. Большинство — люди искусства и науки.

Тельман ЗУРАБЯН

МИР ПОИСКОВ И ОБРЕТЕНИЙ

Автопортрет (три возраста). 1942 г.

Он видел человека ясно, во всей его цельности, и так же лаконично, ясно изображал его, выделяя главное: остальные, не главные черты словно просвечивали через эту основу, делая портрет полнее, убедительнее.

Четкие, упрощенные до контурности формы лиц, рук, глаз отнюдь не умаляли выразительности образа, не затушевывали его сути. Он всегда умел найти те единственные мазки — акценты, обладающие волшебным свойством оживлять внутренний облик человека.

...На следующий день я побывал в его мастерской. На нем был длиннополый, наброшенный на плечи халат. Он погрузился в кресло и слушал Баха, закрыв руками лицо. Он покачивал головой в такт музыке, уйдя в мир звуков. Чтобы не помешать, я замер в дверях. Но он заметил и тотчас выключил проигрыватель.

— Подойди сюда поближе, — сказал он. — Рассказывай. Есть семья? Хватает на жизнь?

Я отвечал, стараясь перевести разговор на его искусство. А он продолжал расспрашивать обо мне. Беседа затянулась, и он пригласил меня зайти завтра. Когда я пришел снова,— оставил меня одного в мастерской, и я затерялся в безмерном солнечном сарьяновском мире. Его солнце, хотя и не было изображено на полотнах, обладало волшебным свойством всепроникновения, заливало своим ярким светом горы, дороги, поля, кидало отблески на лица людей, пышные ковры, причудливые домики, на складки узорчатых пестрых восточных костюмов.

Я видел солнцедышащие виноградные гроздья, персики, груши, видел, как светят, горят тюльпаны, розы, маки. Жаркий солнечный мир обрел в этой мастерской несчетное число образов. Жизнь развертывалась предо мной в своем прошлом и настоящем. Я мысленно ступал по каменистым тропам Армении, среди гор с их странными бесконечно меняющимися цветами и оттенками, среди ущелий с быстротечными реками, теснин, долин с пасущимися стадами. Зрение художника отвергало фотографичность, мелкое правдоподобие — яркая, контрастная армянская природа раскрывала ему свою живописную сущность и помогала найти творческий путь, язык.

Написанные в разные годы и висевшие здесь, в мастерской, работы обозначали разные вехи творчества мастера, показывали неисчерпаемость его возможностей.

Его мир — бесконечные открытия, радость поисков и обретений. Он искал и находил образы и формы, вкладывая в это чувство и мысль.

Он был слишком одарен, чтобы попасть под чье-либо влияние, источник его неповторимости — любовь к Армении. Ее люди, пейзажи, времена года, ее дух вселились в полотна Сарьяна, чтобы до конца дней художника не покинуть их. Армянской теме посвящено большинство его картин.

Армения — древние храмы, пастбища и луга, высоты Арагаца и Арарата, сине-холодный Севан, и горы, горы, нескончаемые их цепи, мозаичные, красочные, над которыми пронеслись на крыльях тысячелетия.

А он все писал и писал свою родную землю — любить для него значило действовать, проявляться делом. Когда в 1915 году армянский народ постигли скорбь и разрушения — турки уничтожили полтора миллиона беззащитных людей, он уехал из Москвы в Армению, чтобы быть в эти минуты вместе со своим народом. Он видел исхудалые плечи, руки, шеи, лица; ему казалось, что это не люди — призраки, прообразы Смерти. Вокруг разносились крики и стоны. В разговорах чаще других слов звучало: смерть, беда, болезнь... Этот гнетущий мрак пронзил его душу, вселил чувство обреченности.

Он ступал по красной, цвета крови земле, под безжалостно холодным небом, пытаясь увидеть хоть где-нибудь недостающий, целительный цвет.

У стен Святой Рипсиме он встретил женщину с пятью удивительно красивыми детьми. Он приходил к ним несколько раз, приносил хлеб. А потом они стали умирать один за другим, и мать, почти обнаженная, полубезумная, окаменевшая от горя, шила им саваны из своих платьев и вместо ниток, которых не было, продевала в иголку волосы, выдергивая их из кос...

Друзьям показалось, что он может лишиться рассудка, они поспешили увезти его в Тифлис.

Шли дни, и каждый все больше убеждал: только вера в жизнь может исцелить раны, вернуть потерянное. Когда он возвратился к кистям и краскам, на картинах его вновь засиял сарьяновский солнценосный цвет. Он сумел возвратиться к солнечному свету и много лет спустя, когда нелепый случай отнял у него любимого сына. Казалось, человек, которому перевалило за восемьдесят, чувствительный и сердобольный, не выдержит такого горя. Но художник выдержал, взял себя в руки, находил слова успокоения для жены, младшего сына, близких, а потом жизнь снова сделала свое — Мартирос Сергеевич снова подошел к мольберту.

После установления Советской власти в Армении, Сарьян переехал из Москвы в Ереван, чтобы вместе с другими поднимать из руин свою страну. Ему поручили создать музеи археологии, изобразительного искусства, истории и этнографии, Комитет по охране памятников, основать художественное училище. Он взялся за дело с жаром.

Любовь к своей земле, вера в нее прошли красной нитью через всю его жизнь. Не это ли сделало его подлинно народным художником, человеком, которому писали многочисленные письма-исповеди, у кого спрашивали совета. В Армении его знали все, а он был по-прежнему отзывчив, прост.

Он был очень стар, доживал свой последний год, когда узнал о том, что сгорела мастерская художника Минаса Аветисяна. При этой вести его изборожденное морщинами благородное лицо застыло в горе, глаза увлажнились. Бу-

дущее армянской живописи жило для него в этом высокоталантливом молодом художнике, близком ему своим горением, преданностью народным традициям. Он опустил голову и долго молчал. А потом послал молодому собрату свои краски и кисти.

Он был из тех людей, что с годами становятся красивее и красота их обретает все больше одухотворенности. Он уже еле ходил, не мог писать красками, но продолжал работать карандашами. «Только сейчас я начинаю по-настоящему познавать смысл искусства». Это выстраданная фраза, в ней понимание истины: творчество беспредельно, и с годами, по пути к Олимпу, все сильнее ощущаешь отдаленность идеала.

«Вот оно величие», — думал я, глядя на его изборожденный морщинами — следами многолетних раздумий — лоб, выразительные глаза и руки, наверное, так выглядели легендарные мудрецы. Но на меня смотрели человеческие глаза, и он говорил мне самые обыкновенные человеческие вещи, просто и ясно. А все это вместе было величием. Я понимал, что в основе этого величия — ясность, естественность, жизненность художника.

Помню его персональную выставку в Москве, на Кузнецком. Любители искусств окружили его плотным кольцом, дарили цветы, а он одаривал всех теплотой, дружелюбием. Обращались к нему не как к мэтру, а как к близкому, сердечному человеку.

В нем чувствовался сын своего народа. И его размышления о связи искусства с народом были не только кредо художника, но и нечто глубоко уходящее корнями в родную почву. Истоки этих размышлений идут из его деревенского детства, когда он жил среди природы и крестьян, когда он проникся тем таинственным чувством земли, о котором много думал всю жизнь.

В нем еще не пробудился художник, а закат и восход солнца, небо уже постоянно напоминали ему о свете и цвете, формах и контурах. Впрочем, художник жил в нем с самых ранних лет, ему всю жизнь давало силу ощущение беспредельного простора и чистого воздуха, которое он познал в детстве. В Сарьяне чувствуешь неразделимость с природой, он — ее часть, в его искусстве — мощь здорового начала, зовущего к жизни, мудрость, отсеивающая преходящее, отбирающая вечное. Он говорил, что ощущение вечности природы всегда придавало ему новые силы.

Он был счастливым человеком. Его любили, ему были благодарны. Прекрасный музей, полный картин, оставленных им в дар своему народу, всегда многолюден, здесь бывает едва ли не каждый гость Еревана. В этом — высшая дань признания.

Он был из тех редких художников, которые вкусили счастье большого признания. Выдающиеся люди века говорили о его искусстве как о ярчайшем явлении современности. «Рядом с нашим Матиссом и Сезанном, — писал Луи Арагон, — века на первое место поставят Сарьяна».

Теперь ему минуло бы сто лет. Последний раз я видел его, когда ему было девяносто три. Помню его седую голову, лицо, словно излучающее многовековую мудрость, его улыбку...

ВО ИМЯ ГУМАНИЗМА, В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕКА

В августе 1979 года в Москве состоялся XI международный кинофестиваль — один из самых представительных и демократических праздников прогрессивного киноискусства. Свыше тысячи посланцев из 104 стран приняли участие в этой уже ставшей традиционной встрече мастеров экрана. Девиз московского фестиваля — «За гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами» — выражает высокие и благородные идеи: любовь к человеку и человечеству, у которого сегодня нет более сокровенной цели, чем сохранение жизни на земле, создание и приумножение непреходящих культурных ценностей. О двух фильмах, прошедших на экранах фестиваля и представляющих интерес для наших читателей, рассказывается в этом номере.

В ПОИСКАХ ДОБРА

Н. КАЛИНИНА

СЕКРЕТ УСПЕХА, выпавшего в дни XI Московского кинофестиваля на долю итальянского фильма «Христос остановился в Эболи», получившего Золотой приз, объяснить не так уж трудно. В его основе — творческий союз Карло Леви, прогрессивного писателя и художника, автора документальных и в то же время глубоко личных очерков, объединенных в книгу с одноименным названием, и известного итальянского кинорежиссера Франческо Рози, сумевшего пропустить мысли и чувства автора через собственное сердце. Отсюда эффект поразительной реальности происходящего на экране, реальности художественной, а не натуралистической.

Название фильма вроде бы сулит зрителю путешествие в евангельскую легенду о Христе, но нет в нем ничего евангельского, разве что пейзажи, безусловно навеянные оператору Паскуалино Де Сантису полотнами Карло Леви, — прозрачные, глубокие, с далекой ясной перспективой. Они с самого начала обступают героя фильма (его образ тонко и ненавязчиво воссоздает на экране Джан-Мария Волонте). Он проникается их тишиной, величавостью, и поездка на юг Италии, в ссылку, в отдаленное селение Гальяно, в котором ему предстоит прожить два года, становится для него путешествием в далекую, не тронутую веками цивилизации историю страны...

1935 год — время агрессии фашистской Италии в Абиссинии, полностью оправданной и поддержанной католической церковью, более того, можно сказать, воспетой ею. Вот что писал в октябре того года ватиканский журнал «Чивильта каттолика»: «Абиссиния — типичный пример морального разложения и духовного упадка христианского народа, отделившегося от Рима в результате раскола и ереси и тем самым оказавшегося изолированным от косвенного влияния католицизма на его гражданские институты». А кардинал Ильдефонсо Шустер, архиепископ миланский, вещал в своей проповеди: «Мы, вдохновленные богом, поддерживаем эту национальную и подлинно католическую миссию, в особенности в этот момéнт, когда на полях Эфиопии итальянское знамя обеспечивает триумф христова креста, рвет цепи рабства и открывает пути для миссионеров Европы». В других проповедях кардинал сравнивал фашистов с апостолами, называл «сотрудниками бога».

Все эти события остаются в фильме за кадром, лишь звучит над полями зловещий голос дуче, призывающий соотечественников к оружию. Однако непроницаемы суровые лица крестьян — что им до далекой Абиссинии, когда их мир кончается вон там, сразу же за этими скудными полями, политыми их потом. По преданию, сюда, в их края даже Христос не дошел — он остановился в Эболи, на границе Лукании. И здесь верят в духов и колдовство, наводят порчу, лечат заговорами. Здешние крестьяне так же далеки от христианской церкви, как и их давние языческие предки, хотя, конечно же, именуют себя христианами и ходят в церковь. Но не по убеждению — для них это такая же необходимость, как налоги или повиновение местным властям...

В этом забытом богом селении нахо-

Кадры из фильма «Христос остановился в Эболи».

дят себе временное пристанище политические ссыльные, представляющие различные слои итальянского общества: рабочие-коммунисты, священник, член «популяри» — Народной партии, распущенной по велению Муссолини, и, наконец, Карло Леви, врач, художник, писатель, антифашист по убеждениям.

Поначалу и он, убаюканный как бы остановившимся здесь временем, ведет растительное существование. В нем велико желание уйти от фашистской действительности, забыть про то, что творится в обезумевшем, захлебывающемся нацистским угаром мире. Но нет покоя и на этой земле. И здесь судьбами людей вершат фашисты в лице подесты, местного старосты, и его приспешников. Для их властвования почва в Лукании самая благодатная — темный, неграмотный народ, замученный бедностью, тяжким, беспросветным трудом. Ему плевать на то, что творится в мире, лишь бы у него не отнимали коз, не отрезали пастбища. Такое пассивное отношение к жизни — на руку дуче и его сообщникам, это в конце концов понимает и герой фильма, которого начинает тяготить бездействие. Но здесь, в Гальяно, за ним ведется неусыпная слежка, власти даже запретили ему оказывать крестьянам врачебную помощь. Цель все та же: пусть народ пребывает в суеверных страхах перед неизлечимыми недугами, ниспосланными богом,— так его легче держать в повиновении.

Сегодня зрители знают, что фашизм просуществует еще почти целое десятилетие, но об этом не ведает герой. Он еще не знает о тех страданиях, которые суждено испить ему вместе со всем итальянским народом и народами всей Европы. Его лицо светится внутренней радостью, когда он после амнистии, окруженный толпой крестьян, чьи сердца завоевал своими добрыми делами, покидает селение. Леви стал для них источником света, поколебал их веру в могущество подесты (все-таки заставил его дать разрешение лечить крестьян!). И пусть за окнами автобуса, увозящего его в Турин, плывут все те же, только уже омытые дождем библейские пейзажи нетронутой цивилизацией, но попираемой фашистским сапогом земли Лукании, герой чему-то улыбается про себя. Быть может, тому, что теперь твердо знает: зло не вечно, добро так или иначе восторжествует, только за него надо бороться, это не библейски-абстрактное добро, проповедуемое спевшейся с фашистами католической церковью, а действенное, истинно человеческое, веру в которое вселили в него два года, проведенные среди простых жителей Лукании...

Франческо Рози — режиссер фильма «Христос остановился в Эболи», получившего Золотой приз на XI Международном кинофестивале в Москве.

КРУШЕНИЕ АБСОЛЮТА

А. ЛИПКОВ

ДЕЙСТВИЕ английского фильма «Отпущение грехов» (режиссер Энтони Пейдж) происходит в католической школе. В начале кажется, что тут царят гармония христианского духа и порядок, будущие служители церкви благостно постигают под руководством умудренного верой и опытом отца Годера (играет его известный американский актер Ричард Бартон) не только науку богословия, но и высокие нравственные истины, испытывают и радости обычной жизни — занимаются спортом, играют в любительских спектаклях. Однако тут же, в таком ясном, установившемся порядке какие-то мелкие, несущественные на первый взгляд происшествия и случайности дают почувствовать эфемерность гармонии этого мира, непрочность его перед под-

спудными, назревающими в нем конфликтами, готовыми прорваться вовне во всей своей мучительной неразрешимости.

Казалось бы, вопрос, который задает отцу Годеру один из его учеников: «Имеет ли право священник нарушить тайну исповеди, если узнает о готовящемся убийстве?», вполне невинен и продиктован сугубо теологическим интересом. Пока проблема имеет характер гипотетической абстракции, Годер с уверенной твердостью может отвечать: «Нет!» Догмы церкви вечны, абсолютны, ничто не может отменить ее предписаний. Он еще не знает, что с дилеммой этой ему предстоит столкнуться вполне реально — лицом к лицу и ответ на нее приведет его к трагическому выбору.

В окрестностях школы появился субъект на мотоцикле, разбивший свою палатку рядом в лесу. Блейки похож то ли на хиппи, то ли на Сатану — его бородка клином и лохматая шевелюра, вздыбившаяся рожками, и впрямь заставляют вспомнить о князе тьмы. А образ его жизни и философия — антипод всему, чему учит своих учеников католическая школа. Он пьет, бездельничает, ворует продукты со школьной кухни, он — само отрицание каких-либо обязательств перед людьми, богом и совестью. И, что хуже всего, свобода его существования притягательна для учеников — с ним легко завязывает дружбу один из них.

Отец Годер, узнавший об этом, в ярости: он требует от своего питомца клятвы, что тот больше не встретится с мерзостным типом. Стенфорд клятву дает, но вовсе не собирается ее выполнять. Более того, по наущению нового приятеля порочный мальчишка затевает кощунственный розыгрыш: требует у Годера исповеди, на которой признается, что убил Блейки, и даже указывает место, где закопал труп. А потом вместе с компанией других учеников глазеет из-за деревьев, как потрясенный пастырь вскрывает заступом слой свежевспаханной земли, под которым лежит чучело.

Трудно сказать, что для Годера хуже: убить человека или насмеяться над тайной исповеди. И то и другое чудовищно. Но все это только начало...

Он слышит голос ученика из-за перегородки исповедальни. Тот снова кается — на этот раз в грехе глумления над своим духовным отцом, — но признается в новом: на этот раз он действительно убил Блейки. Годер опять бросается к тому же самому месту и находит под слоем земли изуродованный труп. И снова он ощущает свое полное бессилие: не может ни наказать преступника, ни пробудить в его душе угрызения совести, ни отдать его в руки закона, ибо связан тайной исповеди. Его вера оказывается беспомощной перед агрессивным безбожием, те религиозные догмы, которые он полагал совершенно незыблемыми для всех, ничего не значат для юного человека, отринувшего законы человечности.

Но и это еще не все... Тот же голос из-за перегородки исповедальни снова зовет его и опять признается в страшном грехе, который еще только замышляется. Он убьет своего товарища по школе Дабсона, хромого, с протезом на ноге. Ему, мол, надоел этот жалкий прилипчивый мальчишка, ему противны его физическое уродство, гадкий вид, ноющий голос.

И Дабсон действительно исчез. Все видели Дабсона и Стенфорда вместе, когда они шли куда-то со школьного двора, и с тех пор Дабсон нигде не появлялся. Годер понимает: убийство состоялось... Что может быть для него трагичнее, чем сознание того, что он знал о готовящемся убийстве, но, связанный тайной исповеди, не смог его предупредить! Что может быть отвратительнее, чем видеть нагло улыбающуюся физиономию Стенфорда, на которой нет следов ни вины, ни раскаяния. Значит, он и впредь может убить кого захочет, да еще сделав при этом своего духовного наставника беспомощным соучастником убийства! Неразрешимый узел уже нельзя распутать — его можно только разрубить. И Годер его разрубает — убивает своего мучителя заступом у все той же могилы, к которой Стенфорд гнал его каждой своей исповедью.

Он не раскаивается в этом грехе — иного выхода у него не было. Но происходит то, что вновь опрокидывает вверх дном все основы, на которых покоилось мироздание Годера. В момент, когда он молится у алтаря, появляется Дабсон, увечный калека, которого он считал убитым. Он открывает своему наставнику глаза на то, что происходило на самом деле. Это он, а не Стенфорд, которого Годер считал своим мучителем, был действительным убийцей Блейки. Это он, изменив голос, приходил на все исповеди (исключая первую, с которой все началось). Это он нарочно подстроил так, что учитель счел его убитым. Но во всем виноват не он, а сам Годер. Потому что душа его жаждала любви и участия, а Годер этой любви не дал — он был сух, резок, несправедлив к нему...

Рухнувший было мир вновь воспрял для отца Годера. Пусть его ученик запятнал себя страшными преступлениями, но ведь к греху привела его любовь — та самая любовь, которую заповедал Христос. И тот грех, который совершил его ученик, есть его собственный грех, ибо он не выполнил своего христианского долга — не дал неокрепшей душе той любви, которой она искала. Значит, душа эта еще не погибла для бога, ее можно спасти. Обняв ученика, он становится с ним на колени, отпускает его грехи. Он берет их на себя, чтобы своей жизнью искупить их.

И здесь мироздание его рушится снова, окончательно раздавив своими обломками все идеалы и принципы отца Годера, его веру в людей и бога. Дабсон, поднявшись, зло и цинично говорит: он лгал, ему не нужна была его любовь, не нужна она и сейчас. И он уходит — уходит, вовсе не отягощенный чувством вины, тем более что сам Годер отпустил ему грехи... А Годер в отчаянии тянет руки к небу, в мудрость и всеведение которого так свято верил, потрясенный, отчаявшийся, утративший единственный компас в своей жизни. Религиозные абсолюты, которым он всегда следовал, не выдержали проверки на прочность в столкновении с иными принципами, с запутанной сложностью человеческой души, с конфликтной неустроенностью реального мира.

Непридуманный рассказ

В. РАЗИН

лдашев проснулся от собственного крика, от острой, дикой боли в руках.

«Опять! Проклятье...»

Ладонью отер холодный пот со лба, обождал, пока утихнет колотящееся сердце. Потом нашарил в темноте папиросы, чиркнул спичкой.

«Все оттого, что думаю без конца об одном и том же. Перестать надо думать. Отвлечься, забыть...»

Легко сказать — забыть! Вот уже третью неделю — что бы он ни делал, чем бы ни старался занять себя — мысли вновь и вновь возвращались к тому злосчастному дню, к тому часу, той минуте...

Ранним утром, по пути на буровую, Юлдашев, как всегда, ощутил прилив энергии. Шагалось легко, весело, полюбившаяся песня просилась на язык. Ему было по душе вот так прийти на буровую и, со свежими силами взявшись за дело, поработать в охотку. К тому же он и его парни заканчивали монтировать очередную вышку, заканчивали досрочно, и это радовало, придавало бодрости.

Юлдашев взбежал на гребень бархана, поросшего крепким, кряжистым саксаулом, и увидел вышку — всю сразу. Еще окутанная слабой дымкой, она показалась ему похожей на ракету, на космический корабль, который едва оторвался от земли и сейчас ринется ввысь.

Юлдашев улыбнулся, польщенный этим сходством, и зашагал дальше.

Уже многие были на месте. Бабаянц, бригадир, отчитывал Серегина, совсем еще молоденького монтажника, парня неглупого, но рассеянного.

— Какой же ты вышкарь — что ни день, пояс забываешь.

Юлдашев хотел было пройти мимо, но Серегин с таким понурым видом выслушивал выговор, что стало жаль парня.

— Вот, возьми мой, — сказал Юлдашев, отстегивая пояс. — Но чтобы в последний раз. — И тут же мысленно выбранил себя: «Не дело, старик, худой пример. Ну, да ладно, как-нибудь обойдусь...»

Есть в профессии вышкомонтажника, или, попросту, вышкаря, одна особенность: его рабочее место — высота. Не каждый с ней на «ты». Слабонервных она не любит, не признает. Не терпит легкомыслия, суетливости. За каждую промашку мстит.

Юлдашев давно привык к высоте и

Случай с Юлдашевым

полагал — навсегда. Лазил, как обезьяна, ловко, безбоязненно: пока буровую оборудуют, вышку поставят, он раз сто вверх-вниз, весь день с секции на секцию.

Как же иначе? Прораб! А прораб на вышке — всему делу голова, за каждый стык в ответе, за каждую малость. И опыт у него — всяк к нему за советом, за помощью.

С УТРА все шло как надо. Они уже подняли вышку, оставалось ее обустроить, довести до ума. Около полудня понадобилось поправить на одной из верхних секций стык. Хлопцев рядом никого не было, звать снизу не хотелось. Юлдашев взял ключ, влез сам и, не чуя беды, стал подтягивать гайки. Одну гайку, как назло, заело. Понатужился, приналег — и тут ключ сорвался. А Юлдашев, потеряв равновесие, полетел вниз.

Опомнился от боли в руках. На лету, почти бессознательно, ухватился за узкую диагональную тягу и повис на ней.

Кое-как спустился на землю, покурил, пришел в себя. Надо бы снова на вышку, работу продолжать, а он не может. Не может заставить себя лезть на высоту, да и только!

«Эккая, однако, чертовщина. Колдовство какое-то, злая напасть...»

На другой день — то же самое. И на третий, и на четвертый...

Голова у него шла кругом. Он осунулся, поскучнел.

«Что же теперь, профессию менять?» — невесело размышлял Юлдашев.

Нет, ничего он не желает менять. Он любит свою профессию, гордится ею: молодецкая, удалая — словом, не про всякого! Строить вышки, оборудовать буровые. Отработала буровая, разведка свое дело сделала, все размонтировать, перевезти на новое место, перетащить вышку. Есть дорога — по дороге, а нет — прямо по целине.

Адски трудная, тонкая штука — вышку тащить! Смелость нужна. Расчет. Точность... И как это до жути красиво!

Слегка раскачиваясь, чертя в лазурном небе, плывет по пустыне буровая вышка. «Ноги» ее стоят на гусеничных тележках, подминающих песок. Семь мощных тракторов, что тащат тридцатиметровую махину, содрогаются от напряжения, издавая глухой львиный рык.

Перед тракторами шагает он, прораб Юлдашев. Семь трактористов, сидящих в кабинах с распахнутыми настежь дверцами, неотрывно следят за ним в семь пар горящих глаз.

Тракторы движутся с осторожностью, на малом ходу. Небольшой перекос, неравномерная натяжка буксирных тросов — и сорок тонн стали рухнет. Вот почему трактористы, сжимая в потных ладонях рычаги управления, с таким напряженным вниманием следят за ним, за прорабом, готовые по первому знаку остановиться, повернуть в сторону, выскочить из кабины...

Ладно, еще ровное место. А то ведь и по барханам — спуск, подъем, снова спуск, снова подъем... Там без помощников не обойтись: один следит за вышкой слева, другой — справа. Тройной контроль. И тракторы с четырех сторон. Передние тянут, задний и боковые поддерживают, страхуют. Так вышка «идет» пятьдесят километров, семьдесят, а то и все сто.

НЕТ, менять профессию он не хочет. Другой ему не надо. Надо вот только с собой совладать, переломить себя. Но как это сделать? Как сделать, если даже по ночам ему нет покоя?

До самого рассвета Юлдашев ворочается, но уснуть больше не может. Встает, натягивает спецовку, долго держит в руках монтажный пояс. Брать или не брать? Понадобится или опять он его зря протаскает?

Пожалуй, так худо ему еще не бывало. Ох-хо-хо!..

Во время работы, стараясь, чтобы никто не обратил внимания, он снова и снова проверял себя. «Поднимусь-ка я, погляжу, что там и как...» Подходил как ни в чем не бывало к вышке, брался за поручни... и снова отходил, чертыхался, браня себя за малодушие.

Вышка «не пускала», отталкивала, гнала прочь.

«Шайтан — вышка! Шайтан, да и только...»

Да нет, вышка, конечно, ни при чем. Юлдашев отлично понимал. Какой она была, такой и осталась. Не в ней дело — в нём самом. Но это как раз и удивляло Юлдашева больше всего. Никогда он ничего не боялся. Что бы ни случилось, — а случалось всякое, — оставался спокоен и тверд, первым шел навстречу опасности. Владел собой, еще как! Другим пример подавал. И вот, пожалуйста, он, Юлдашев, вдруг оказался в таком нелепом, неловком положении. Сам с собой справиться не может. Было отчего прийти в уныние, пасть духом.

ВЕЧЕРОМ, после работы, его зазвал к себе Тахтамов, старый товарищ, буровик. Заварил кок-чай, разлил в яркие, цветастые пиалы, поставил тарелки с миндалем, фисташками, грецкими орехами.

— Угощайся, Азиз-ака. Все наше, ферганское. Высший сорт. Да-да, ты попробуй! Такого миндаля нигде больше нет. А что за дыни у нас растут, что за арбузы! В твоем Хорезме ничего похожего не найдешь. Вот буду возвращаться из отпуска, обязательно привезу. Сам убедишься.

— Значит, как по-русски говорят, на побывку?

— На побывку, Азиз. Надо съездить, посмотреть — как там и что. Семья, понимаешь, она своего требует...

Какое-то время они молчат, курят, думают каждый о своем. Затем хозяин продолжает:

— У нас там вообще хорошо, места есть прямо чудодейственные. Помнишь, я тяжело болел? Потом чего-то навалилось, тоска зеленая — ни за какое дело взяться не мог. Все из рук вон. Просто не знал, как быть, куда девать себя. До того дошел... Как-то заехал родственник, шофер совхозный. Давай, предлагает, прокачу, проветришься. Ладно, прокати. Ехали мы, ехали — у нас там шоссе, асфальт. Потом мой родственник говорит: «Во-он там, впереди, гору видишь?» — «Вижу». — «Так вот мы туда путь держим...»

Добрались до подножия, дорога все дальше, мы — по ней, въехали на самую почти что вершину. Там площадка небольшая, и посреди площадки древнее такое строение, аж в землю вросло. Что-то вроде могильника. На кустах, на деревьях — разноцветные тряпицы. Ну, понятно, что это. Мазар. «Когда-нибудь тут бывал?» — спрашивает родственник. «Нет, — отвечаю, — первый раз...» В сторонке еще строение. Легкое, наподобие айвана. Отдохнуть после молитвы. Стол с чистыми казанами — еду готовить. Вполне благоустроенный мазар. Но — это не все...

Там вокруг далеко-далеко видно! Внизу — долина. Хлопковые поля, сады, селения. Из края в край — дороги, речки. У горизонта — снеговые горы. А над всем этим простором, над всей этой ширью — чистое, голубое небо. Бездонное... Стоишь, смотришь, вдыхаешь полной грудью, и в голову тебе — всякие мысли... Передать это трудно, я не сумею. Это, понимаешь, самому все надо. Постоять там, почувствовать... Потом еще приезжал я на ту гору. Один, без никого. Много разного там передумал. Располагает место. И понял: перебороть себя надо, надо работать, жить. А то ведь и совсем скиснуть можно. И мало-помалу наладился. В мазаре тут дело, не в мазаре — не знаю. Но факт есть факт...

Юлдашев слушал, не перебивал, не

задавал никаких вопросов: Да и к чему их задавать? Яснее ясного, зачем этот разговор.

Тахтамов подлил горячего чаю, снова заговорил:

— Слушай, Азиз. Есть предложение. Ты в отпуск еще не ходил. Так? Возьми, ну хоть недельку. Тебе дадут. Поедем вместе. Ты ж в наших краях не бывал. Час к небольшим лету, на всю дорогу — день. Поживешь у нас, места хватит. Все тебе покажу. Отдохнешь, придешь в норму. Давай, а?

Благодарить за приглашение Юлдашев не стал: ни к чему между друзьями. Только сказал:

— Подумаю.

И СНОВА он скверно спал. Снова — в который уже раз — падал с вышки.

«К врачу сходить, что ли? А что скажу? Как объясню, какими словами?! Может, и вправду компанию Тахтамову составить? Чем черт не шутит... Да, брат, крепко ж тебя припекло! Так крепко, что ты на все готов, на мазар готов ехать. Ох, Юлдашев, Юлдашев...»

Днем к нему подошел Бабаянц. Поглядел, покачал головой. Сказал:

— Надо бы, Азиз, на новую точку съездить. Сориентироваться — куда-чего. Дорогу получше осмотреть. Махнем в выходной?

— Ладно, — помедлив, ответил Юлдашев. И подумал, что это лучше, чем оставаться наедине с мыслями, от которых невмоготу. Да и дело все-таки.

Выехали еще до света. Над головой, в бледнеющем небе, растворялись утренние звезды. Потом на востоке зажелтело, заалело, румяный, полыхающий диск приподнялся над краем земли. Безликая во мгле равнина вдруг обрела и цвет, и рельеф, и объемность.

Вскоре на ее желтовато-сером фоне возникли темные дрожащие пятнышки. Они быстро перемещались, меняли направление. Следом за ними стлалось облако пыли.

— Вроде сайгаки? — подтолкнул Юлдашева стоявший с ним в кузове Бабаянц.

Сайгаки — степные антилопы. Даже издали полюбоваться их стремительным бегом — удовольствие. Длинные — трубой — морды, поджарые животы, быстрые сухие ноги... Пролетят, протопают, только пыль из-под копыт!

— Они самые,— ответил Юлдашев, вглядевшись. — Но странно бегут, будто за ними кто гонится. — Постучал по кабине: — Газку!

Все ближе, ближе мчащееся сайгачье стадо. Все явственнее тревога, охватившая животных, даже не тревога, какой-то панический страх, который гонит их в этот ранний час.

Стадо вновь изменило направление, и, едва рассеялась пыль, стало ясно, что происходит.

— Волки! Видишь? — воскликнул Юлдашев. — Отсечь их надо. Отсечь!..

Свистит в ушах ветер, забивает дыхание. ЗИЛ набирает скорость.

Захваченные погоней, волки не сразу замечают опасность, замедляют бег, оторопело топчутся на месте и лишь затем, как бы нехотя, отворачивают в сторону.

Но от ЗИЛа трудно уйти даже этим быстроногим хищникам. Их много, целая стая, крупные, матерые. Сколько сайгаков стало бы сегодня их добычей.

— Зеленко! — кричит водителю Юлдашев. — Дай-ка твою двустволку.

Волки все ближе, ближе... Юлдашев вскидывает ружье.

Гремит выстрел. Взвыв, громадный серый зверь падает, будто сбитый с ног, но тут же вскакивает снова.

Второй выстрел валит его навзничь.

— Надо еще! — азартно кричит Бабаянц.— Это им для острастки. Чтоб наперед знали...

Он берет у Юлдашева ружье, тщательно целится. Стреляет.

Уже два хищника остались лежать в пыли. Пусть!

Но теперь волки не бегут в одном направлении, они рассыпались веером и быстро уходят.

— Соображают, вражье племя! — кричит Бабаянц. И довольно смеется, как бы одобряя, как бы отдавая должное находчивости волчьей стаи.

Вместе с ним смеется и Юлдашев.

Солнце уже довольно высоко, когда, собрав охотничий трофей, они отправляются дальше.

— Ну, здоровы! Редкие экземпляры! — восхищается Бабаянц.

Юлдашев согласно кивает. Конечно, и волк свою пользу приносит, тоже нужное звено в живой природе. Но тут все было по справедливости.

Только водитель, медлительный, грузноватый украинец Зеленко, не разделяет их восторга. Волк — не утка, в суп не положишь.

Прибыв к цели своего путешествия, они долго бродят по такыру, размахивают руками, спорят, делают себе какие-то пометки. Потом в тени машины расстилают брезент. Время перекусить.

— Вот ведь какая штука, — рассуждает Бабаянц. — Волк, он, понятно, зубаст и ловок. Но сайгаков-то было раз в двадцать, а может, и в тридцать больше. Повернуть бы им да сразу, всей силой, — на душегубов на своих. Бежали бы волки, как пить дать, бежали. Не устоять против такой лавины! Сомнут сайгаки, затопчут... Ан — нет! Не может антилопа эта самая. Не тот характер, не бойцовский.

Юлдашев, зажав в зубах папиросу, сощурившись, посматривает на приятеля. Что, мол, дальше?

Бабаянц продолжает:

— Да, все дело, братцы, в характере. Зверь ли, человек. Человек — так тем более. Недаром он есть гомо сапиенс, как пишут в ученых книжках. Мыслящий. Ясный ум, воля... Гм! В прошлом году летал я в отпуск. Сел в Ташкенте; лайнер, все чин-чином. И где-то тут, над нашими песками, над Кызылкумами, неполадка. Крепко потряхивает, теряем высоту. Пассажиры видят неладное — всполошились. На ком-то уж и лица нет. Кто-то плачет, с кем-то истерика... Рядом со мной — гражданин средних лет. Что за человек — по внешнему виду не скажешь. Сидит, читает газету. Спокойно так, будто ничего особого вокруг не происходит. Минут десять, не соврать, продолжалась суматоха. И за все это время он даже головы не поднял. Во мужик!..

Вдруг, оживившись, включается Зеленко:

— У нас на Полтавщине теж був случай...

«Пошло — случаи рассказывать, — думает Юлдашев и трет подбородок, чтобы скрыть невольную улыбку: — Стараются...»

В ту ночь Юлдашев спал без сновидений. Проснулся бодрый, свежий. Даже с каким-то неясным чувством облегчения.

Он не стал задумываться, отчего оно, это чувство, только несмело, словно боясь спугнуть, порадовался ему.

НА БУРОВУЮ Юлдашев пришел рань-рано. Все же кто-то успел его опередить, лазил уже по вышке.

«Бабаянц никак? Точно, он. Беспокойная душа...»

— Э-ге-ге! — зычно приветствовал его бригадир с верхотуры.

В ответ Юлдашев только рукой махнул. Дескать здорово, друг, и — не шуми, занимайся своим делом. Сам присел на бревно, достал блокнот. Надо было, пока тихо-спокойно, подсчитать кое-что, прикинуть.

Дневное светило, воспрянув ото сна, только-только готовилось приняться за работу, неспешно расправляло свои руки-лучи. Еще плыла над песками благостная прохлада, легко дышалось. И думалось тоже легко.

Юлдашев с головой ушел в расчеты, карандаш быстро бегал по бумаге, набрасывая колонки цифр, вычерчивая схемы. Все удавалось сходу, почти без усилий... Юлдашев был собой доволен.

Внезапно его резанул вопль: оттуда, сверху.

— О-о-о! Азиз, Азиз, скорее!..

Не помня себя, отчетливо сознавая одно: «С Бабаянцем беда», Юлдашев сорвался с места, опрометью кинулся к вышке. Взбежал на деревянный помост, затем, с силой хватаясь за поручни, влетел по крутой, почти отвесной лестнице на первую площадку, далее на вторую, на третью... Бабаянц, согнувшись, припав на колено, обеими руками держался за лодыжку.

— Что ты? Что с тобой?

Бабаянц поднял искривленное болью лицо:

— Ч-черт, ногу подвернул. То ли сломал, то ли вывихнул...

Юлдашев присел рядом, осторожно стащил с ноги товарища ботинок, осмотрел и прощупал голень, сустав, ступню.

— Перелома, похоже, нет. Да и вывиха тоже. Скорее всего растянул.

— Возможно, — охотно согласился Бабаянц.

— Гм! А кричал, будто тебя гюрза в зад ужалила.

— Так ведь боль. Ты знаешь, какая это... — Бабаянц не докончил фразу, примолк, поглаживая ногу.

Выпрямившись, сверху вниз, пытливо глядел на него Юлдашев. Потом лицо его приняло иное, совсем не соответствующее моменту выражение. Он нетерпеливо повел головой по сторонам, задрал ее куда-то к небу. Сказал, словно извиняясь:

— Посиди, старик, минутку. Я —мигом. И помогу тебе спуститься.

Ухватившись за поручни, проворно полез дальше, вверх. Вслед ему весело глядел Бабаянц.

СЛОВАЦКАЯ НОВЬ

Э. ЛАВРИК, кандидат исторических наук

В ПУБЛИКАЦИЯХ словацкого журнала «Атеизмус» * в последние годы значительное место отводится теоретическим и методологическим проблемам социологии религии, разработке научных категорий марксистской социологии, в том числе такой, как секуляризация.

В статье Ф. Кршенека «Понятие секуляризации в марксистской социологии» (1978, № 1), например, обобщены научные достижения философов и социологов СССР (Р. А. Лопаткин, Д. М. Угринович, И. Н. Яблоков и др.), ПНР (Т. М. Ярошевский), ГДР и ЧССР в исследовании этой проблематики. Автор анализирует объективные и субъективные факторы, обусловливающие развитие секуляризации при социализме, рассматривает классовые предпосылки этого процесса, освещает различия в интерпретации содержания и общественной значимости категории секуляризации в марксистской и буржуазной социологии. Как компонент общественного прогресса, отмечает Ф. Кршенек, секуляризация представляет собой объективный социальный процесс, вызываемый объективными и субъективными факторами. В ходе его на отдельных этапах общественного развития, главным образом при построении коммунистического общества, происходит постепенное превращение религиозного по форме, содержанию и социальным функциям общественного, группового и индивидуального сознания в безрелигиозное, материалистическое и, наконец,—в диалектико-материалистическое сознание.

И. Лоукотка в статье «Научно-техническая революция и изменения в ряде основных категорий традиционного теизма» (1978, № 3) раскрывает причины кризиса современного религиозного сознания, показывает влияние на этот процесс научно-технического прогресса.

Результаты социологических исследований, проведенных в 1971—1972 годах братиславским Институтом культуры и общественного мнения, осмысливаются в статье П. Прусака «Борьба за социалистическое сознание на селе» (1978, № 1). Отметив социально-экономические изменения в словацкой деревне, происшедшие за годы строительства социализма, прежде всего в результате коренного преобразования сельского хозяйства на базе кооперирования, автор показывает эволюцию мировоззрения крестьянства, рост его политической сознательности и зрелости. Так, 93 процента опрошенных отметили существенное улучшение условий их жизни в годы социалистического строительства, а более 96 процентов — положительно оценили свое экономическое положение. Если критерием политической сознательности и нравственной силы человека, продолжает П. Прусак, считать кризисные ситуации, то в трудный для Чехословакии период 1968—1969 годов антисоциалистическим и право-оппортунистическим элементам не удалось создать себе массовую базу в деревне. В те годы не распался ни один кооператив или госхоз. Это яркое свидетельство того, что социализм прочно утвердился в сознании и деятельности крестьян, открыл возможности для их духовно-нравственного развития.

Однако это процесс более длительный, нежели кооперирование, отмечает автор, так как он связан с преодолением пережитков частнособственнической психологии, мелкобуржуазной и религиозной морали. Одним из факторов, замедляющих рост образования, культуры, сознательности и общественно-политической активности людей, остается религия, которая и в наши дни еще располагает в деревне наиболее массовой базой. Автор отмечает, что немалая часть крестьян в той или иной степени подвержена влиянию религии, продолжает посещать богослужения, соблюдает религиозные обряды. Церковь со своей стороны тоже стремится приспособиться к условиям социализма, достижениям науки и культуры.

Религиозность на селе проявляется прежде всего в обрядно-эмоциональной сфере, тем более что духовенство широко использует средства эмоционального воздействия на верующих. Социологические исследования показывают, что большинство опрошенных крестьян и поныне считает исповедь, конфирмацию, крещение и другие культовые действия составной частью повседневной жизни человека, хотя далеко не все участвующие в них — верующие. Часть из них, прежде всего молодежь, присутствует на религиозных обрядах главным образом из чувства уважения к родственникам, под их давлением или же из-за неправильного понимания сущности и роли религии.

Действенным средством изживания традиций и обрядов, связанных с культом, пишет автор, служит популяризация новых гражданских ритуалов и праздников. На необходимость уделять повышенное внимание новым гражданским традициям и обрядам, которые в значительной степени содействуют формированию социалистического сознания и образа жизни, указывалось и в резолюции съезда Коммунистической партии Словакии (март 1976 г.).

Преодоление религии, отмечает П. Прусак, тесно связано с экономическими, социальными, политическими и культурными преобразованиями, которые создают объективные благоприятные возможности для ее отмирания. В реализации этой задачи важнейшую роль играет установление новых отношений, социалистический труд, широкое и активное

* Предыдущий обзор этого журнала см. в № 10 за 1978 г.

участие масс в общественно-политической жизни, равно как и субъективный фактор, то есть всестороннее, целенаправленное, систематическое атеистическое воспитание трудящихся. В целом исследования показали, что влияние религии на селе постепенно ослабевает, а атеизм становится все более массовым явлением, прежде всего среди молодежи.

XV съезд КПЧ значительно повысил требования, предъявляемые к всестороннему социалистическому воспитанию учащихся, к развитию у них высоких моральных качеств, социалистического патриотизма и интернационализма, верности идеалам социализма и коммунизма. В статье В. Гуски «К вопросу о мировоззренческой структуре сознания молодежи» (1978, № 4) даются конкретные рекомендации по формированию у нее научного мировоззрения, выработанные на основе социологических исследований, регулярно проводимых в промышленном училище в Спишской Новой Веси. В декабре 1977 года там были опрошены 116 юношей и девушек. При этом верующих среди них оказалось 15,5 процента, атеистов — 61,2 процента, колеблющихся 14,7 процента и индифферентных — 8,6 процента. Исследования показали: с 1973 по 1977 год доля атеистов в сельском населении увеличилась на одну треть — с 41,8 процента до 61,2 — главным образом за счет индифферентных. Если в 1973—1974 годах богослужения посещали 54,5 процента опрошенных, то в 1977—1978 годах — только 34,5.

Среди факторов, воздействующих на религиозность учащихся, автор в первую очередь называет семью (верующие родители), влияние церкви (исповеди, обряды и т. п.), а также религиозную психологию. Эти источники действуют взаимосвязанно и взаимообусловленно. Все это необходимо учитывать в учебно-воспитательной работе по формированию материалистического мировоззрения у учащихся. Важная роль в этом процессе принадлежит ячейкам Союза социалистической молодежи.

Интересные сведения об опыте работы преподавателей девятилетних школ по формированию научного мировоззрения у учащихся в районе Трнавы содержатся в статье Я. Мички «Кабинеты мировоззренческого воспитания» (1978, № 3). Первые из них были созданы на базе уголков научного атеизма в 1976 году в девятилетних школах в Горных Орешанах, Глоговце и Дудваге. Кроме таких кабинетов, в районе функционируют десятки ленинских, атеистических и других кружков. Большую помощь им оказывает отдел образования районного национального комитета г. Трнавы. Разработанные там методические рекомендации ориентируют учителей на создание кружков научного мировоззрения, предлагают для них примерные темы бесед, вечеров, экскурсий, культпоходов, выставок и т. д.

В статье В. Гудечковой «О некоторых методологических аспектах исследования атеистических традиций в Чехословакии» (1978, № 2) говорится о необходимости разработки таких научных проблем, как политика КПЧ в отношении религии и церкви, развитие прогрессивного атеистического движения в Чехословакии в межвоенный период, а также взаимоотношения в то время буржуазного антиклерикализма и пролетарского атеистического движения.

Сергей КУЛИК

Фото автора.

Продолжение.
Начало см. в № 1.

РАННИМ УТРОМ мой «Рено», управляемый разговорчивым шофером-мальгашом Рафиринги, миновал красные холмы и изумрудные долины пригородов столицы Мадагаскара Антананариву, вырвался на шоссе и понесся на восток. «Несся» он, правда, недолго. Через каких-нибудь полчаса хорошее покрытие кончилось. Дорога начала крутить серпантином, то поднимаясь к вершинам холмов, то падая в просторы широких равнин, пересекала переполненные тропическими дождями красные реки, над которыми чудом удерживались хлипкие мосты, обрывалась у паромов. Однако самым страшным на этой дороге оказались не горы, а глубокие, слегка вогнутые равнины, расположенные на уступах, которыми плато спускается к океану.

В самых ответственных местах, где разбухшая от дождя жижа увлекает машину под уклон, — толпятся люди. Есть среди них и водители завязших грузовиков, сутками ожидающие улучшения погоды. Но большинство — юноши из придорожных деревень, открывшие себе в этой лесной глуши неожиданный способ заработать, помогая автомашинам преодолеть трудные участки. Не знаю, сколько бы времени проторчали мы в гигантских лужах, если бы не эти парни, которые несколько раз буквально на руках выносили наш «Рено» из красного месива.

Заночевали мы в первой попавшейся деревеньке малочисленного мальгашского племени безоназану. Кое-кто из ученых утверждает, что зажатые между двумя наиболее многочисленными народами острова — мерина и бецимизирака — безоназану (их всего 60 тысяч) давно уже утратили свою самобытность, смешавшись с соседями. Однако безоназану, которых считают потомками древних поселенцев острова, упорно не хотят исчезать с этнографической карты Мадагаскара. В качестве главного отличия своего племени от соседей они указывают на... замысловатые прически, от которых и произошло само их название: «безоназану» — «те-кто-заплетает-много-маленьких-косичек». Кстати, их здесь носят и мужчины и женщины, причем, чтобы безоназану окончательно не потеряли «своего лица» и не растворились среди соседей, их старейшины запрещают соплеменникам показываться на дорогах без традиционной прически.

Хотя селение «любителей косичек»

было совсем небольшим, в нем оказался «дом для гостей». Это была не платная гостиница, а построенная сообща, всеми обитателями деревни в соответствии с канонами мальгашского гостеприимства хижина, в которой может свободно останавливаться любой заезжий. Рафиринги притащил откуда-то чистые циновки и связку бананов, и мы, наскоро перекусив, уснули как убитые.

Однако среди ночи какие-то звуки, напоминающие шуршание сухих листьев, разбудили меня. Зная, что в этой части Мадагаскара нет никакой ядовито-вредной живности, я долго не хотел вставать. Однако шуршание продолжалось, и любопытство все-таки взяло верх. В лучах карманного фонарика у недоеденной грозди бананов я разглядел два умилительных бесхвостых создания с острой мордочкой, покрытых вперемежку волосами, щетиной и иголками. Испугавшись света, они подняли свои иглы, отчего над головами у зверьков образовались занятные хохолки.

От радости и удивления я даже вскрикнул. Тенреки! Первое живое ископаемое Мадагаскара, с которым мне посчастливилось встретиться. Животные, которых ученые по внешнему облику считали наиболее похожими на самых древних из высших зверей, появившихся на Земле еще в середине мезозоя!

ЧАСТИ СВЕТА И ДУХИ

Утром я узнал, что проникновение тенрека в жилище служит его хозяину хорошим предзнаменованием для строительства новой хижины, амбара или хотя бы курятника. А поскольку прошлой ночью тенреки посетили «гостевой дом», то решено было соорудить дом для молодоженов, который все равно надо сооружать сообща.

Свои деревни безоназану строят вдоль дорог, лесных троп и рек, которыми изобилует их земля. Довольно просторный дом ставят на высоких бамбуковых сваях, предохраняющих жилище от частых наводнений и тропических ливней.

Когда я пришел на стройку, мужчины забивали в землю сваи. Затем деревянными гвоздями прибили к ним пол. Подоспевшие юноши притащили свежие бамбуковые стволы, которыми обшили каркас постройки. Вместо стен женщины повесили циновки, на крышу навалили огромные пальмовые листья. Родители новоселов принесли деревянную кровать, покрытую резьбой. Богатый орнамент и на скамеечках, бочонках и кухонной утвари, подаренных родственниками. Такая резьба по дереву — не роскошь на Мадагаскаре. Ее можно встретить в самой бедной семье, стремящейся украсить жилище.

Не преминул подарить новоселам крохотную матрешку и я. Этот мой шаг сразу же сломал какой-то невидимый барьер отчужденности между мной и жителями, превратив меня из стороннего наблюдателя в участника разыгравшегося на придорожной поляне действа.

— Переведи гостю, — обратился к Рафиринги подошедший к нам деревенский староста, мпиадид, — что это селение — временное, для наших лесорубов, пришедших подработать. Большинство из них переселились сюда из лесных деревень и через два-три года вернутся назад. Там мы строим настоящие дома. А это времянки, в которых...

Мпиадид прервал свой рассказ и, быстро направившись к строящемуся дому, начал что-то гневно выговаривать молодым. Те, выслушав его, покорно начали ломать уже наполовину готовую бамбуковую пристройку.

— В чем дело, тампуку?[1] — поинтересовался я.

— Дело в том, что наша молодежь не хочет помнить законы предков, — укоризненно качая головой, произнес он. — Разве можно строить кухню на этом месте?

— А почему бы и нет? — удивился я, подумав про себя, что юноши выбрали неплохое место для кухни, где люди будут проводить большую часть времени: позади дома, подальше от дороги и глаз односельчан.

Мпиадид посмотрел на меня иронически:

— Злые духи живут на юге, — уверенно сказал он. — Но они боятся огня. Поэтому фатана[2] в доме должна быть с южной стороны: она предохранит ее от сглаза.

Я с недоумением посмотрел на Рафиринги.

— Если вы заметили, все дома вдоль дороги, по которой мы ехали, строго ориентированы с севера на юг, — объяснил он. — Так же ставят жилища по всему острову, потому что мы считаем, что каждая из сторон света оказывает на судьбу человека определенное влияние. Добро и сила приходят с севера, зло — с юга. Восток — это «священная» часть света, откуда появились наши предки. Поэтому все предметы, приносимые им в жертву, обязательно располагаются в восточной части. «Угол предка» устраивают в северо-восточной части дома, в то время как вход в жилище — в западной. Такое расположение дверей позволяет духам предков в любой момент войти в хижину или выйти из нее.

— Теперь, думаю, вам понятно, почему мпиадид приказал перенести фатану: ее огонь должен отгонять обитающих на юге злых духов, — продолжал мой спутник. — Из тех же соображений мы никогда не ложимся спать головой на юг, но всегда на восток. Если ночь застанет меня в пути, я всегда разворачиваю машину так, чтобы первые лучи солнца согрели мне макушку.

— Ну, я-то этой ночью, наверное, нарушил все правила? — рассмеялся я.

— Нет, ранхаги[3] спал там, где ему положили подушку. Но правильно входить в мальгашский дом, ранхаги, ты еще не умеешь и можешь поэтому навлечь на себя гнев духов, — хитро подмигнув, хлопнул меня по плечу Рафиринги. — Ну, об этом потом.

Сооружение хижины уже подходило к концу. Рядом с жилищем поставили сплетенные из тростника курятник и хранилище для риса на высоких ножках.

Начался праздник. Мпиадид, вынув из деревенского костра пылающую головню, несколько раз протащил ее по земле вокруг хижины. «Он отгоняет злых духов, которые могут переселиться в новое жилище из леса», — объяснил мне Рафиринги. Потом деревенские юноши и девушки, выстроившись друг против друга, попеременно затянули песню с таким припевом:

Пусть в этом доме всегда будет мир и достаток,
Пусть его хозяева будут счастливы,
Пусть у них будет много детей
И пусть их любят хорошие духи...

То отступая, то наступая друг на друга, участники церемонии придумывали бесконечные пожелания новоселам. Вспомнили даже и обо мне как о персоне, «в гости к которой пожаловали тенреки, добрые тенреки, сказавшие мпиадиду: пора строить новый дом».

В общем, кончилось тем, что, понаблюдав за праздником до полудня, мы с Рафиринги пришли к выводу, что пускаться в «плавание» по дороге уже слишком поздно. К тому же ближе к вечеру обитатели деревни собирались посетить кладбище, чтобы разделить радость новоселья с духами предков. Пропустить такой случай было, конечно же, грешно.

Безоназану, подобно своим соседям бецимизарака, устраивают кладбища в лесных чащобах, где хоронят только своих соплеменников, вернее их очищенные особым способом кости. Гробы не закапывают, а устанавливают высоко над землей, на столбах, которые украшают орнаментом или причудливыми изображениями разана. Обычно над таким кладбищем сооружают одну общую крышу, а пол засыпают чистым песком.

Поэтому, когда, испросив разрешение мпиадида, я в хвосте церемонии отпра-

[1] Тампуку — обращение к старым людям на Мадагаскаре.
[2] Фатана — семейный очаг, кухня.
[3] Ранхаги — форма уважительного обращения.

Свои хижины безоназану ставят на высокие сваи, предохраняющие их от затопления тропическими ливнями.

В такие склепы многие мальгашские племена переносят останки своих соплеменников.

вился на кладбище, то удивил меня не общий его вид, а то, как вели себя живые. Здесь не чувствовалось никакой гнетущей атмосферы, чувства скорби или тоски по потерянным близким. Это был веселый праздник, незатейливый и искренний, участие в котором «духов» показалось осязаемым даже мне. Многие женщины принесли с собой еду и питье и, оживленно переговариваясь, принялись за трапезу, выплескивая на песок, — а в их представлении, «делясь» с покойниками, — местную сахарную водку беца-беца. У изголовий многих ящиков с останками появились мисочки с рисом, мелко нарезанными бананами, мясом. Кое-кто, склонившись над гробом, что-то рассказывал, смеялся, напевал. Да, так действительно могут вести себя люди, органически чувствующие себя частицей непреходящей цепи поколений, не видящие разницы между ее живыми и мертвыми звеньями...

Когда вечером мы возвратились в «дом для гостей», там появился новый обитатель — немолодых лет француз, направлявшийся с побережья в Антананариву. Все еще находясь под впечатлением увиденного на кладбище, я поделился своими мыслями с ним.

— Я — летчик, — понимающе покачал он головой. — И, знаете, какой груз мне чаще всего, пожалуй, приходилось возить за долгие годы службы в мадагаскарском небе? Человеческие кости. Неписанные законы безоназану и бецимизарака гласят, что кости человека должны быть похоронены рядом с родственниками, иначе его дух будет беспокоить живых. Поэтому, если безоназану умирает в городе, все его односельчане собирают деньги и стараются как можно скорее вернуть останки в родную деревню. Правда, в последние годы таких грузов стало меньше. Просвещение и агитация против предрассудков делают свое дело.

МАЛЬГАШСКИЙ ГОРОСКОП

Вошел Рафиринги, держа в одной руке керосиновую лампу, а в другой — ветку, увешанную личи — колючими на вид плодами, у которых под красноватой кожурой удивительно вкусная, всегда прохладная студенистая масса.

— Вот, ранхаги, угощайся и слушай, как надо входить в мальгашский дом, — по-деловому произнес он, расчищая от листьев песчаный пол хижины. — А то поедешь в глубь острова, где традиция еще очень сильна, войдешь в дом, словно в автобус, по прямой — и не оберешься неприятностей.

— Неужели надо зигзагом?

— Не шути, а наберись терпения,— серьезно сказал он. — Сложную вещь я тебе буду объяснять. Называется она винтана.

— О, усвоить это на ночь будет нелегко, — бросил француз, уже раскупоривший бутылку. — «Кто познает винтану, — познает половину мальгашских секретов», — сказал мне кто-то, когда три десятка лет тому назад я осел на острове. Но до половины секретов я еще не добрался. Понял только, что винтана — это что-то вроде нашей судьбы, рока. Есть в этой штуке что-то от знаков зодиака.

Меж тем Рафиринги, сев на корточки, начертил на песке прямоугольник, обозначив вокруг части света.

— Итак, начнем. Этот прямоугольник — мальгашский дом. Ранхаги, конечно же, помнит, что каждая часть света полна для нас глубокого смысла, что с севера приходит добро, а с юга — зло. Ранхаги должен также учесть, что солнечный европейский календарь появился на острове вместе с миссионерами, то есть много позже тех времен, когда наши предки придумали винтану. Поэтому в основе ее лежит мальгашский календарь, где каждый месяц имеет по 28 дней.

— Вот тут-то и зарыта собака, — пробубнил француз. — А названия месяцев взяты из лунного календаря, в котором месяц имеет 29 или 30 дней. Все перемешивается и начинается свистопляска...

— А мы не будем перемешивать, — спокойно урезонил его Рафиринги. — У мальгашей есть свои названия месяцев: январь — алахамади, февраль — адаоро, март...

— Адизаоза, апрель — асоротани, май — алахасати,— продолжил я.

— О, ранхаги знает мальгашский календарь? Тогда легче. Система винтана, как и новый год, берет начало с месяца алахамади, когда луна смотрит на северо-восточный угол дома. Поскольку луна в своем годовом путешествии по небу как бы обходит вокруг дома, каждый месяц имеет в нем свое место. Так, февралю и марту соответствует восточная часть стенки дома, апрелю — ее юго-восточный угол, маю и июню — южная стенка и так далее. Поэтому, ранхаги, в каком месяце года ты бы хотел, чтобы у тебя родился ребенок? — неожиданно спросил он.

— Наверное, в ноябре или в декабре, потому что в эти месяцы луна будет «иметь место» на северной стене дома.

— Все это враки, — осушив бокал бренди, произнес француз. — Я родился в мае, но до того везучий, что даже еще не совсем спился на этом острове.

— Но время для этого еще есть, — не без иронии парировал Рафиринги.— Мы действительно считаем ноябрь и декабрь счастливыми месяцами, а в мае или июне начинать большое дело воздерживаемся.

— Смотрите сюда. Те линии, которые прошли через центр дома, соединили противостоящие друг другу части света, а следовательно, и соответствующие им месяцы. Мы считаем, что винтаны, ну, если хотите, судьбы людей, родившихся в эти, противостоящие друг другу месяцы, не должны пересекаться. Так, например, запрещен брак между людьми, родившимися, скажем, в апреле и октябре, декабре и июне. Плохим предзнаменованием считается, если месяц рождения сына пересекается с отцовским, а винтана дочери — с материнской.

Но, с другой стороны, те месяцы, которые соединяются друг с другом пунктирами и не проходят через центр, в нашем представлении сосуществуют друг с другом. Таковы, например, март и октябрь, июнь и январь. Вам же, мосье летчик, лучше всего искать невесту среди октябрьских.

— Обязательно последую этому совету, — расхохотался он. — А пока что выпью за всех, кто родился в октябре.

— Теперь начинаются более сложные вещи,— предупредил Рафиринги.— Каждый из 28 дней месяца мальгашского календаря также имеет свое определенное место в мальгашском доме, поскольку луна и каждый день занимает определенное место по отношению и частям света. Таким образом, винтана движется вокруг дома согласно фазам луны и изменяется со дня на день и от месяца к месяцу. Существует еще более дробное деление: от часа к часу, причем каждый час также имеет свое место, соотносимое с частями света, а следовательно, по нашему мнению, оказывает на судьбы человека положительное или отрицательное влияние.

Пытаясь не потерять нить рассуждений Рафиринги, я в то же время поймал себя на мысли, что, помимо мистического смысла, винтана имеет и другой. Вся эта стройная система, созданная на заре освоения людьми «великого острова», свидетельствовала о глубоких познаниях мальгашей в астрономии, их прекрасной осведомленности в законах движения Земли вокруг Солнца.

— Таким образом, — продолжал Рафиринги, — каждый мальгаш, в зависимости от того месяца, когда он родился, имеет в год по 24 или 36 «хороших» и «плохих» дней... В сущности, со схемой этой я уже кончил. Осталось только сказать, что винтана — один из столпов, на которых зиждется духовный мир мальгашского общества. В деревне предписаниям винтаны еще следуют слепо, в городе, особенно среди образованных, от нее могут и отходить. Однако каждый мальгаш, принимаясь за важное дело, суеверно вспомнит о предписаниях винтаны. Так что если в будущем вы обратитесь к мальгашу с просьбой сделать что-то сегодня и он без видимых для вас причин откажет вам, а через день-два с готовностью и без напоминаний исполнит ваше желание, то знайте: это не каприз, а предписания винтаны. Понятно?

— Все, кроме одного: какое отношение все это имеет к тому, как надо входить в мальгашский дом? — спросил я.

— Все дело в том, что винтана вслед за луной движется начиная с северо-восточного угла в направлении «восток — юг — запад — север», то есть против движения солнца. Мы считаем поэтому, что, подходя к дому, опасно двигаться против винтаны. Мальгаш, идущий с севера, никогда не пойдет прямо к дому с западной стороны, где расположена дверь. Он пойдет в обход, чтобы прийти с восточной стороны, обойдет дом по движению винтаны с юга и только тогда приблизится к двери. Ты же, ранхаги, входишь в дом, как тебе заблагорассудится. А ходить против винтаны — значит, тревожить разана, которые могут выместить свое неудовольствие на живых. Поэтому живые могут быть недовольны тобой. Понятно?

— Понятно, ранхаги,— с благодарностью ответил я. — Теперь, подходя к дому, я обязательно буду останавливаться и думать, с какой стороны мне его обойти.

Ложась спать, Рафиринги подошел к вконец захмелевшему французу и развернул его головой к северу. По всему было видно, что и на сей раз летчику не удалось постичь все премудрости мальгашского гороскопа.

Продолжение следует

ИЗНАНКА СИОНИСТСКОГО „БЛАГОЧЕСТИЯ"

М. ГОЛЬДЕНБЕРГ, кандидат философских наук

Эксплуатация религиозных предрассудков в реакционных политических целях — своего рода опознавательный знак любой разновидности клерикализма. Но вряд ли найдется пример более обнаженной и циничной политизации религии, чем тот, который явили миру сионистские идеологи вкупе с иудейскими клерикалами. Разумеется, нельзя ставить знак равенства между сионизмом, представляющим собой идеологию шовинизма и политику антикоммунизма крупной еврейской буржуазии, тесно связанной с военно-промышленными комплексами и транснациональными монополиями Запада, и иудейской религией. Но столь же недопустимо игнорировать или недооценивать последствия их тесной смычки. В ее основе лежит отнюдь не набожность сионистских заправил (зачастую вовсе отсутствующая), а «трезвый» учет ими политических барышей, которые можно попытаться извлечь из игры на религиозных чувствах верующих, причем не только приверженцев иудаизма.

Что же касается самих этих барышей, то в качестве таковых сионизм всегда рассматривал в первую голову уловление в свои сети и использование в интересах международного империализма и его филиала — правящей верхушки Израиля — трудящихся евреев, живущих в разных странах, чтобы оторвать этих людей от участия в антикапиталистической борьбе, внести национальную рознь в революционное движение масс. И наконец, в попытках превратить евреев, попавшихся на удочку сионизма, в его слепое орудие, которому сионисты и их хозяева отводят немаловажную роль в своем стремлении увековечить пошатнувшееся империалистическое господство.

Важно с самого начала отметить, что поскольку «теоретические» построения сионизма в основном вращаются вокруг расистской идейки «еврейской исключительности», то и догматы иудаизма актуализируются с таким расчетом, чтобы с максимальной отдачей способствовать ее «обоснованию». В этом плане широко используется прежде всего ветхозаветное единобожие. «Высшая заслуга еврейского народа, — твердит, например, идеолог иудаизма и сионизма А. Нээр, один из авторов книги «Иудаизм» (Париж, 1977), — заключается в том, что он подарил миру единого бога».

Коль скоро сионистская и клерикальная пропаганда изображает монотеизм крупнейшим переворотом в духовной жизни человечества, возникает необходимость в этом разобраться. Не нуждается в комментариях вывод исследователей-марксистов о том, что чистого монотеизма никогда не существовало. Нет его и в иудаизме. Ведь наряду с богом Яхве в нем выделяется поклонение «праотцам», а в талмудической литературе действует бесчисленный сонм ангелов и демонов. К тому же еще до того, как монотеистические тенденции утвердились в иудаизме, они уже наблюдались и у других народов Древнего Востока.

Научная критика Библии еще в прошлом веке не оставила камня на камне от утверждений иудейских богословов о мнимой изначальности единобожия древних евреев, у которых якобы никаких богов, кроме Яхве, никогда и в помине не было. Кстати сказать, даже в первых пяти книгах Библии, авторство которых иудейские и христианские богословы приписывают мифическому пророку Моисею (так называемое Пятикнижие Моисеево, или Тора), ученые на основе анализа древнееврейского оригинала Ветхого завета обнаружили многократное и совершенно четкое упоминание верховных богов двух древнееврейских племенных союзов. У союза иудейских племен это был Яхве (то есть господь), а у союза израильских племен этих богов было даже несколько и звались они Элохим, что значит боги — во множественном числе. Не говоря уже о неоднократных упоминаниях в Торе случаев, когда «сам» Моисей «уличал» своих соплеменников в нарушении одной из 10 заповедей, якобы поведанных ему господом («Да не будет у тебя других богов пред лицем моим» — книга Исход, гл. 20, ст. 3), а именно: в поклонении прежним родоплеменным богам, то есть в политеизме.

Но даже если допустить — позволим себе такое фантастическое предположение, — что у древних евреев созрел предельно строгий монотеизм, то и тогда «заслуга» иудаизма свелась бы только к тому, что он заменил политеистическую форму превратного отражения действительности монотеистической, воспроизводящей природные и социальные явления столь же искаженно.

Разумеется, идеологи сионизма и иудаизма предпочитают умалчивать о том, что монотеизм зародился не только среди древних евреев, но и среди других народов Древнего Востока (причем у некоторых из них гораздо раньше) и отнюдь не являлся проявлением какой-то их «богоизбранности», а просто отражал определенные изменения в структуре тогдашнего рабовладельческого общества. Иначе говоря, монотеистическая религия — в данном случае иудаизм — формировалась под влиянием социальных условий. «Единый бог никогда не мог бы появиться без единого царя... — писал по этому поводу Ф. Энгельс, — единство бога, контролирующего многочисленные явления природы... есть лишь отражение единого восточного деспота...»[1]

Обходя таким образом за версту социальную сущность иудейского монотеизма, современные идеологи сионизма и иудаизма пытаются представить обветшалое вероучение как несравненный вклад в прогресс человечества, как заслугу, якобы возвышающую иудаизм над другими религиями. А уж из этой приписанной ему мессианской роли сионисты выводят не только обоснование своей буржуазно-националистической проповеди сплочения всех евреев, независимо от их классового положения, вокруг «своего» бога, но и глубоко реакционную идею о социальной значимости иудаизма для всех народов, поскольку, выдвигая принцип «единый бог — единое человечество», иудаизм, мол, призывает к всеобщему братству. Здесь нетрудно разглядеть все тот же призыв к классовому замирению, но уже обращенный на благо мировой реакции, ко всему роду людскому.

Что касается догмата «богоизбранности евреев», то многие иудейские идеологи, стараясь как-то сгладить его откровенно расистский характер, тщатся внушить, что эта «избранность» заключается не в каких-то льготах, пожалованных евреям свыше, а в тяжкой ноше, которую-де бог Яхве возложил на «свой народ», предписав ему нести всему миру «светоч монотеизма» и быть блюстителем «общечеловеческих нравственных ценностей».

Вот, например, что пишут по этому поводу апологеты иудаизма Ч. Пирл и Р. Брукс в книге «Руководство к иудейскому вероучению» (Лондон, 1973): «В наших молитвах мы ежедневно благодарим бога за то, что он избрал нас среди всех народов». Как следует это понимать? Смысл избранности, разъясняют авторы, состоит в том, что евреи, мол, призваны возвестить истину об одном-единственном боге и стать учителями человечества. «Избранность Израиля, — продолжают Ч. Пирл и Р. Брукс, — не дает евреям преимущества, а накладывает на них уникальную ответственность, вытекающую из их особых отношений с богом». Итак, учение о том, что «бог избрал евреев из всех народов», остается в интерпретации современных теологов неизменным. Попытка же взвалить на «избранный народ» обязанности наставника всего человечества не только не устраняет националистического духа, пропитывающего это «учение», но, напротив, подчеркивает его.

Кроме того, тут напрашивается следующее уточнение. Говоря о националистической сущности «идеи богоизбранности», нельзя полагать, что такой именно она была изначально, что национализм и расизм как крайняя форма его

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 56.

проявления зародились в древности, когда нации как таковые еще не существовали. Поэтому применительно к «библейским» временам уместно говорить лишь о племенной или этнической обособленности. Однако не подлежит сомнению, что рассматриваемая «идея» является одним из важнейших корней сионистского расизма и, будучи включена в контекст сионистской доктрины и иудаистской проповеди, неизбежно приобретает националистическую и расистскую окраску.

Одно из наиболее очевидных проявлений классово-буржуазной и расистской сущности сионизма — упорное противодействие его идеологов и главарей естественному, прогрессивному процессу органического приобщения «избранников божьих» к культуре народов, среди которых они веками живут. Р. Арон, В. Малька и А. Нээр в уже упоминавшейся книге «Иудаизм» громят ассимиляцию как ни с чем не сравнимое зло, обличая евреев диаспоры в том, что несть числа выбросившим за борт иудейские традиции и даже дошедшим до отречения от библейских имен, завещанных «отцами». И не заметили названные авторы, в какое щекотливое положение сами себя таким образом поставили. Ведь имя первого из них, ныне покойного члена Французской Академии, — Робер (его не следует путать с более известным Раймоном Ароном), второго — Виктор, а третьего — Андрэ. Что-то не доводилось встречать на страницах Ветхого завета такие имена! Значит, влияния объективных ассимиляционных процессов не в состоянии избежать даже самые что ни на есть «принципиальные» их противники.

Заметно изменился в толковании некоторых иудейских идеологов и догмат о мессии, тоже играющий немаловажную роль в «освящении» сионизма. Так, американский сионистский журнал «Коммэнтэри» (февраль 1975 г.) пишет: «В то время как ортодоксальный иудаизм верит в грядущий приход мессии, либеральный иудаизм считает, что нет мессии, кроме самого еврейского народа...» Однако это «либеральное» толкование мессианства, по сути своей, еще вреднее ортодоксального. Не только потому, что выдвигает утонченное, «заземленное», а стало быть, и более приемлемое для сознания современного «просвещенного» обывателя понимание этого догмата, но и прежде всего потому, что способствует «подтверждению» сионистского мифа о «мессианском предназначении богоизбранного народа». Тем самым изыскивается дополнительное средство для подкрепления того же расизма, от которого сионисты «гневно отрекаются», хотя он красной нитью неизменно проходит через все их идеологические спекуляции и практические деяния.

При этом «аргументы от религии» используются для оправдания экспансионистских действий сионистской правящей верхушки Израиля. Недаром его нынешний премьер-министр М. Бегин заявляет: «Израиль никогда не просил у кого-либо признавать его право на существование, права на эту землю были предоставлены ему богом Авраама, Исаака и Якова» («Монд», 21.I.1978). Наивно было бы думать, что под «этой землей» Бегин имел в виду территорию Израиля в границах до июня 1967 года. Нет, это понятие у сионистских завоевателей куда шире. Оно охватывает у них не только оккупированные арабские территории, но и те, на которые сионисты издавна зарятся на основании библейского «права», призванного подвести «юридическую базу» под их притязания на земли между Нилом и Евфратом: таково, мол, «жизненное пространство», которое всевышний предназначил для патриарха Авраама и его потомства.

Вовсю используется сионистами и их клерикальными подручными также библейская легенда об исходе из Египта. Моисей, якобы избавивший древних евреев от египетского рабства, объявляется «величайшим революционером всех времен и народов», а иудейская пасха, в основе которой лежит этот миф, выдается за праздник «освобождения» народа, сбросившего оковы жестокого угнетения. Бывший постоянный представитель Израиля в ООН И. Текоа, например, в своей речи перед Генеральной Ассамблеей ООН подчеркивал, что «один из самых прекрасных еврейских праздников, еврейская пасха, является воплощением свободы. В течение тысячелетий мы праздновали борьбу за свободу, конец фараонова гнета, радость и гордость свободы» (И. Текоа. Перед лицом наций. Нью-Йорк, 1976). Таким образом, и эта библейская легенда используется сионистами как фиговый листок для дипломатического прикрытия их агрессивной политики в отношении соседних народов.

Но и это еще не все. Тот же библейский миф сионистские верховоды стремятся приспособить и к другим своим идеологическим проискам, в том числе антисоветским. Как сообщала 10 февраля 1976 года издающаяся в Израиле на румынском языке сионистская газета «Вяца ноастрэ», на состоявшейся в то время в Брюсселе провокационной «конференции в защиту советских евреев» игравшая на этом сборище первую скрипку бывший премьер-министр Израиля ныне покойная Г. Меир развязно заверяла: мол, советские евреи покинут эту страну (то есть СССР. — **М. Г.**), подобно тому как их предки совершили исход из Египта. Тут «священное писание» прямо используется для проведения провокационной «исторической параллели».

С такой же беспардонностью организаторы этой «конференции» заявили, что якобы «Советский Союз превратился в мировой центр антиеврейской пропаганды... Значительное количество литературы, изображающей иудейскую религию как реакционную, было выпущено на украинском, белорусском, молдавском и других советских языках» («Джерузалем пост», 15.II.1976). А ведь если посмотреть на это непредубежденно, то выяснится: на «советских языках» за тот же период было издано неизмеримо больше работ, критикующих православие, католицизм, протестантизм, ислам и т. д. Однако фальшивомонетчики от сионизма делают вид, будто не замечают того, что иудаизм рассматривается нашей научно-атеистической пропагандой в одном ряду со всеми другими религиями.

Подобным же клеветническим целям служит и само клерикальное определение понятия «иудаизм», а вернее отказ от такого определения. В той же книге «Иудаизм», например, приводятся такие слова одного из «ведущих» иудаистских идеологов Г. Шолема: «Что такое иудаизм? Не у меня надо об этом спрашивать, а у бога». Понимая, однако, что от небесного владыки ответа не дождешься, сионистские и клерикальные апологеты утверждают, что иудаизм от определения ускользает, но, тем не менее, фактически определяют его, совершенно неправомерно включая в это понятие не только данную конфессию, но и всех людей еврейской национальности вообще, их историю и культуру независимо от того, где и в каких условиях эти люди родились и сформировались. И, конечно же, при таком передергивании фактов совсем нетрудно навешивать ярлык антисемита, якобы нападающего на евреев как таковых, на всякого, кто с научных позиций критикует иудаизм, как и любую другую религию.

Более того, применяемый в научной литературе термин «иудаизм» сионисты толкуют и как религию, и как «еврейство». Это именно и дает антисоветским клеветникам основание обнаруживать «антисемитизм» в наших атеистических изданиях. Сохранись у них хоть малая толика добросовестности, они должны были бы признать, что слово «иудаизм» в русском языке обозначает лишь определенную религию и ничего больше.

Сионистские спекуляции на библейских мифах и на религиоведческой научной терминологии в низменных политических целях имеют и еще один весьма немаловажный аспект. Ведь эти легенды — не только иудейские, христианство, как известно, тоже признает святость Ветхого завета, составляющего бо́льшую часть священного писания. Значит, пытается внушить сионистская и клерикальная реакция, планы создания «великого Израиля» находятся в полном согласии с волей божьей и с точки зрения христиан. Разумеется, многие христианские идеологи отвергают подобные «доводы». Но есть среди них и такие, кто относится к ним «с пониманием». Например, протестантский теолог-фундаменталист М. Вио в книге «Христиане без религии» (Париж, 1975) клеймит позором последователей христианства, не желающих признавать вытекающие из библейских текстов аннексионистские «права» израильских лидеров и осмеливающихся называть их империалистами.

Когда объективные, трезво мыслящие люди на Западе с фактами в руках уличают апологетов сионизма и иудейского клерикализма в неблаговидном использовании библейских легенд в темных политических целях, в преднамеренном насаждении религиозного обскурантизма в Израиле, те разыгрывают не только негодование, но и недоумение. Почему, сокрушается, например, один из главарей сионизма Я. Цур, противники сионизма считают недопустимым, чтобы еврейское государство основывалось на религии, почему Израилю отказывают в том, что разрешается другим? Кто же они, по Цуру, эти «другие»? Оказывается, чуть ли не все представители современных национально-освободительных движений, имеющих, по его понятиям, религиозный характер. Кроме того, подчеркивает этот сионистский идеолог, известно, что в ряде арабских стран ислам — единственная

официально признанная религия (Я. Цур. Эполея сионизма. Париж, 1976).

Религиозные мотивы, как известно, играют и сегодня в национально-освободительных движениях определенную роль. Но в большинстве случаев это не мешает участию в них прогрессивных сил. А когда за религиозные мифы в целях камуфляжа или оправдания империалистических авантюр хватаются отъявленные враги свободы народов, то те же прогрессивные люди срывают маски с таких святош. Вот почему арабские народы, добивающиеся возвращения оккупированных Израилем земель, пользуются поддержкой всех людей доброй воли, включая атеистов, которых не останавливает то обстоятельство, что федаины в своей справедливой борьбе иногда ссылаются на веления Аллаха. И опять-таки никакого сочувствия со стороны прогрессивных сил не встречают попытки сионистских агрессоров оправдать оккупацию чужих территорий мифическими предначертаниями Яхве.

Конкретный подход необходим и к сетованиям Я. Цура на то, что за Израилем его «хулители» не желают признавать права «основывать свою государственность на иудаизме», закрывая в то же время глаза на аналогичную функцию ислама в некоторых других странах Ближнего и Среднего Востока. Подтекст этих рассуждений не нуждается в расшифровке: дескать, как и во всех остальных случаях, подход к Израилю — «антисемитский», ибо его порицают за то, что считается допустимым в других местах.

Здесь по самой сути своей идет та самая шулерская подмена понятий, о которой мы уже говорили выше. Ведь, как известно, кризис ныне охватывает все религии, в том числе и иудаизм. Даже сами сионисты признают: в Израиле приверженцы этой конфессии составляют меньшинство населения. Сионистская «Вяца ноастрэ» (4.I.1977), например, вынуждена констатировать, что верующих в стране не более 25 процентов. Еще хуже (для ревнителей сионизма, разумеется) обстоят дела на Западе. По свидетельству буржуазных авторов Д. Бенсимона и Э. Эрреры (Израиль и его население. Брюссель, 1977), в США и других западных государствах лишь незначительная часть людей еврейского происхождения сохранила веру в бога, вследствие чего все иудаистские общины переживают глубокий упадок.

Зато кризиса фарисейства не наблюдается. Пользующийся популярностью в сионистской среде «философ» Р. Мисрахи в книге «Политическая философия государства Израиль» (Париж, 1975), определяя себя и своих единомышленников как неверующих, вместе с тем ратует за сохранение Библии, ибо она — «политический текст». Благодаря Торе, заявляет он, «государство Израиль и израильтяне каждодневно утверждают себя как подлинная нация».

Следует ли верить в «завет» (то есть договор), который Яхве заключил со «своим народом»? Ответить на такой вопрос Мисрахи совсем нелегко: от бога он отрекается, но отказаться от «завета» не может и не хочет, дабы не взорвать одну из важнейших подпорок сионистской и клерикальной пропаганды. И вот какой «выход» нашел из этой тупиковой ситуации сиониствующий «философ»: Тора «есть договор, который еврейский народ заключил с самим собой».

Думается, тут Мисрахи сделал шаг назад даже по отношению к библейской версии, которая при всей ее фантастичности, все же соблюдает элементарное требование, обязательное для любого договора: в нем должны участвовать по меньшей мере две стороны. А Мисрахи, пытаясь и спасти мифический «завет», и, вместе с тем, очистить его от неприемлемой для большинства современных евреев идеи бога, выдвигает нелепую концепцию «пакта», в котором одна-единственная сторона договаривается сама с собой. Однако этим выстроенная им вереница нелепиц не исчерпывается. «Союз» с богом и обещания, данные им «своему народу», следует, по мнению этого «мыслителя», трактовать как «мифологические факты». Вероятно, даже люди, далекие от данного предмета, согласятся: «мифологический факт» вполне можно поставить в один ряд с жареным льдом и квадратным кругом.

Как же все это назвать, если не криводушием пополам с цинизмом? Если вдуматься, то всем этим еще больше, чем атеисты, должны были бы возмущаться верующие — иудеи и христиане, поскольку их бог превращен сионистами в разменную монету в недостойной политической возне. Вот что можно сказать по поводу «недоумения» господина Цура и ему подобных насчет якобы предвзятого отношения к потугам сионистов, направленным на клерикализацию Израиля.

Религиозная нетерпимость, возведенная там в ранг государственной политики, широко известна[2], поэтому мы коснемся здесь лишь одного из ее проявлений. В 1978 году израильский парламент — кнессет принял закон, пресекающий отпадение израильтян от иудаизма в другие вероисповедания. Отныне всякий, кто «путем подкупа» или каким бы то ни было другим образом склоняет кого-либо из них к переходу в иную веру, карается тюремным заключением сроком до 5 лет или штрафом в 50 тысяч израильских фунтов. Закон этот вызвал негодование не только у неверующих, но и у представителей различных вероисповеданий. Действующий в Израиле христианский объединенный совет, поддержанный Ватиканом, заявил, что не может быть и речи о свободе для христиан в стране, где парламент используется для культивирования ненависти.

Закон этот — лишнее свидетельство того, что сионистские заправилы, столь рьяно выступающие в «защиту» якобы нарушаемых прав и свобод людей еврейской национальности в социалистических странах, в том числе и свободы совести, у себя дома направляют острие дискриминации не только против неверующих, но и против мусульман и христиан. Да что там «иноверцы» — даже евреи, если они исповедуют иудаизм не в ортодоксальном, а в реформированном или консервативном варианте, наталкиваются на рогатки, расставленные раввинатом и безоговорочно принимающими его сторону сионистскими властями. Кстати, против такой дискриминации выступили западные, прежде всего американские, раввины, представляющие весьма влиятельные в США реформированное и консервативное направления в иудаизме. Причем больше всего нареканий с их стороны вызывает то обстоятельство, что совершаемый ими обряд обращения в иудаизм, в отличие от аналогичного обряда в ортодоксальной синагоге, не дает вновь обращенному прав израильского гражданства.

Как ни парадоксально, но скрупулезное соблюдение иудаистской традиции оборачивается иной раз против ее носителей. Как пишут упомянутые Д. Бенсимон и Э. Эррера, в Израиле не все заводы могут быть по производственным соображениям остановлены по субботам, а, поскольку ортодоксальные иудеи не соглашаются выходить на работу в этот день, предприниматели остерегаются нанимать таких людей. Словом, богопочитание — богопочитанием, а прибыли — прибылями!

Как видим, реанимация библейских мифов — это отнюдь не следствие подлинной религиозности, а плод хладнокровного «практического» расчета. Израильские сионистские и клерикальные партии часто упрекают в том, что они проституируют религию. Сказано весьма резко, но это суждение принадлежит не нам, а американскому буржуазному исследователю Дж. Шиффу и содержится в его отнюдь не антисионистской книге «Традиция и политика. Религиозные партии Израиля» (Детройт 1977).

И в самом деле. Ведь если бы сионисты отказались от мифа о «боге Авраама, Исаака и Якова», избравшем евреев в качестве «своего народа», даровавшем им «землю обетованную» и возложившем на них некое «общечеловеческое мессианское бремя», то от всей их концепции остались бы, как говорится, рожки да ножки. Вместе с расистскими бреднями эти религиозные установки образуют тот цементный раствор, без которого изрядно покосившееся здание еврейского буржуазного национализма давно бы рухнуло.

Ясно также, что в основе всех этих «небесных» спекуляций лежат сугубо земные замыслы сионистских заправил, выполняющих заказ транснациональных монополий, в которых важную роль играет сионистский капитал. Отсюда и стремление сионистской верхушки обратить иудаизм в средство «сплочения мировой еврейской нации», и попытки воспрепятствовать объективным процессам приобщения евреев к культуре народов стран их проживания, и организация антисоветских вылазок, и «возвышенное» суесловие сионистских краснобаев, призванное закамуфлировать захваты чужих земель, и, наконец, изыскание путей привлечения на свою сторону наиболее реакционных христианских деятелей.

Подытоживая сказанное, неизбежно приходишь к выводу: все это богоугодное суесловие — еще один симптом кризиса, переживаемого сионизмом, еще одно свидетельство неизбежной исторической обреченности тех, кто в современной политической и идеологической борьбе, словно утопающий за соломинку, хватается за ветхозаветные «аргументы».

г. Кишинев

[2] См., например, статью Г. Баканурского «Там, где царит Тора» («Наука и религия», 1979, № 6) и заметку «Черные списки» (1979, № 8).

● **И. Я. Кантеров.** КЛЕРИКАЛЬНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ. М., «Наука», 1979, 144 стр., 13 000 экз., 55 коп.

Книга посвящена критике клерикальной формы антикоммунизма. Показано, как под флагом защиты «интересов религии», «высших христианских ценностей», «общего блага» правые церковники пытаются защитить устои буржуазного строя. На большом фактическом материале прослеживается трансформация клерикального антикоммунизма от прямых нападок на марксистско-ленинскую идеологию к более утонченной борьбе с ней, обосновывается необходимость сотрудничества с трудящимися верующими.

● **М. А. Попова и Е. Н. Филиппова.** ДУХОВНЫЙ МИР ЛИЧНОСТИ И АТЕИЗМ. М., Политиздат, 1979, 80 стр., 100 000 экз., 20 коп.

В работе показаны место и роль атеизма в формировании духовно богатой, гармонически развитой, социально активной личности. Авторы рассказывают о том, что атеизм, формируя личность, свободную от предрассудков и суеверий, выступает как существенный фактор социального и духовного прогресса общества, коммунистического воспитания трудящихся.

● «ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ». 2-е изд., доп. и перераб. М., «Молодая гвардия», 1979, 159 стр. с илл., 100 000 экз., 60 коп.

Очерки, составившие этот сборник, рассказывают о вошедших в наш быт красочных, идейно и эмоционально насыщенных социалистических обрядах, ритуалах, праздниках, о воспитании молодых строителей коммунизма на революционных, боевых и трудовых традициях дедов и отцов. Материалы книги особо подчеркивают атеистическую направленность новой обрядности, ее роль в преодолении религиозных пережитков.

● «РАЗУМ ПОБЕЖДАЕТ». М., Политиздат, 1979, 351 стр. с илл., 100 000 экз., 75 коп.

Авторы книги — ученые, представляющие различные отрасли научных знаний: астрофизику, космологию, химию и т. д. Они рассказывают о новейших достижениях в естествознании, показывают, как научный поиск наносит удар за ударом по религиозной картине мира, не оставляя места для веры в бога — «творца и управителя Вселенной».

● **А. Д. Сухов.** РЕЛИГИЯ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА. М., «Наука», 1979, 96 стр., 50 000 экз., 15 коп.

История религии рассматривается в книге как составная часть истории общества. Показано, что общественные перемены вызывают сдвиги в религиозном сознании, приводя к его перестройке. Лишь при социализме, подрывающем социальные корни религии, ее история вступает в завершающую фазу.

* * *

В. Бегун. ВТОРЖЕНИЕ БЕЗ ОРУЖИЯ (о подрывной антикоммунистической деятельности международного сионизма). Изд. 2-е, испр. М., «Молодая гвардия», 1979, 175 стр., 100 000 экз., 30 коп.

Н. С. Гордиенко. ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯТЫЕ: КТО ОНИ? Лениздат, 1979, 206 стр., 50 000 экз., 60 коп.

«ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ, И ДРУГИЕ ЕГО СОЧИНЕНИЯ». Иркутск, Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1979, 367 стр., 100 000 экз., 1 руб. 80 коп.

М. В. Кашуба. ГЕОРГИИ КОНИССКИЙ. М., «Мысль», 1979, 173 стр., 80 000 экз., 20 коп.

А. Миловский. ВЛАДИМИР — СУЗДАЛЬ. Путеводитель. М., Профиздат, 1979, 127 стр. с илл., 50 000 экз., 65 коп.

А. С. Русяева. ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ В ОЛЬВИИ ДОГЕТСКОГО ВРЕМЕНИ. Киев, «Наукова думка», 1979, 172 стр., 1 200 экз., 2 руб. 20 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

П. Брыч. Атеистическое воспитание населения. «Партийная жизнь», 1979, № 19, стр. 71—75.

О. Волгин. В преддверии XV века Хиджры (мусульманский симпозиум в Душанбе). «Новое время», 1979, № 41, стр. 24.

И. Григулевич. Перепутья современного католицизма. «Новое время», 1979, № 39, стр. 25—26.

М. Я. Домнич. Эволюция христианского профдвижения. «Вопросы истории», 1979, № 8, стр. 57—69.

А. Ионова. Мусульманские движения социального протеста (на примере стран Юго-Восточной Азии). «Азия и Африка сегодня», 1979, № 10, стр. 36—39.

«Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». М., 1979. Из содержания: **А. М. Анопян.** Дворцово-храмовая архитектура Закавказья (Иберия, Армения, Кавказская Албания) и его иранские параллели, стр. 7—8; **А. Ф. Гольдштейн.** Семантика символа креста в древних культурах Передней Азии и Кавказа, стр. 30—31; **Л. А. Лелеков.** Преемственность символических образов в культуре Ирана, стр. 46; **Д. С. Раевский.** О причинах преобладания в скифском искусстве зооморфных мотивов, стр. 73—74; **Б. Я. Ставиский.** Священный конь и божественный всадник на монетах Ирана и сопредельных стран, стр. 79; **А. М. Хазанов, А. И. Шкурко.** Семантика скифского искусства и проблемы ее интерпретации, стр. 83—84.

В. А. Карпушин, Я. Я. Поварков. Рецензия на кн.: Б. Э. Быховский. Сигер Брабантский. «Вопросы философии», 1979, № 9, стр. 175—177.

Н. Ковальский. Встреча марксистов и христиан в Сальтцебадене. «Век XX и мир», 1979, № 9, стр. 10—12.

М. С. Кудряшова. Социалистический гуманизм и современная идеологическая борьба. Изд-во МГУ, 1979. Из содержания: «Антигуманная сущность католической теории «общего блага», стр. 166—180.

А. Малашенко. Религиозная традиция и политика революционной демократии (на примере Алжира). «Азия и Африка сегодня», 1979, № 9, стр. 20.

Ю. Маслов. Тадж-Махал — памятник любви и скорби. «Азия и Африка сегодня», 1979, № 9, стр. 56—57.

«Общество и государство в Китае». X научная конференция. М., 1979, ч. 1. Из содержания: **А. Н. Игнатович.** Об одной интерпретации Сутры Лотоса благого закона, стр. 164—172; **Е. Б. Поршнева, Н. В. Абаев.** Чань-буддизм и народные секты (опыт выявления чаньских традиций в религиозно-философском учении Ло Цина), стр. 173—183; **В. С. Дылыкова.** О психологическом аспекте учения Ваджраяны, стр. 183—185; **Е. В. Завадская.** «Луг духовный» Иоанна Мосха и его китайский аналог, стр. 185—194; **Л. Л. Ринчино, В. И. Шестаков.** Некоторые психологические аспекты «чаньской практики», стр. 219—226.

⊙ Продают душу дьяволу чаще всего люди бездушные.

⊙ Нуль кичился — считал себя родней божьему нимбу.

⊙ Чтобы заслужить титул святого, надо иметь дьявольское терпение.

⊙ Чем черт не шутит, тем шутит человек.

⊙ Бога нет, зато угодников божьих — хоть отбавляй.

Евгений ТАРАСОВ

г. Электрогорск
Московской области

⊙ Бог создал мир за шесть дней. Пятидневку ввели позднее.

⊙ Браки совершаются на небесах. А где совершаются браки по расчету?

⊙ Для обеспечения райской жизни требуются адские усилия.

⊙ На божественные вещи, как правило, безбожная цена.

Александр ДОМОВЕЦ

г. Волгоград

⊙ Нет религии, которая несла бы людям свободу мысли.

⊙ Когда к исповеди тебя принуждают, сказать неправду — святое дело.

⊙ У самого твердого верования обычно самое зыбкое основание.

Валентин БОРИСОВ

Сдано в набор 17.11.79.
Подписано к печати 27.12.79.
А 08240.
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.

Учетно-издательских листов 11,87.
Условных печатных листов — 8
Тираж 440 000 экз.
Зак. 05652.

Адрес редакции:
109004. Москва, Ж-4.
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Ереван. 1923 г.

С виноградом. 1937 г.

Конец сентября. 1959 г.

Интерьер мастерской М. С. Сарьяна.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

ОНИ ВЫБРАЛИ НЕБО

Интервью Марины ЧЕЧНЕВОЙ — известной летчицы, Героя Советского Союза, автора нескольких книг о войне.

ГЛУБОКИЙ ОБЖИГ

Штрихи к портрету современной узбекской женщины дает журналист И. АЧИЛЬДИЕВ в очерке о художнице Рано Ибрагимовой.

ТВОЕ СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Свободное время и духовное развитие личности — этой проблеме посвящена подборка, подготовленная в Петрозаводском университете.

ДУДИХА

Историческая повесть львовского писателя М. ЛАТЫШЕВА рассказывает о том, как католическая инквизиция сожгла в 1678 году в карпатском селе Мушина украинскую крестьянку Ганну Дудиху.

МОИ МОСТЫ

Роман Е. СЕРГИЕНКО повествует о судьбе чертежницы из мостового батальона в годы Великой Отечественной войны.

НА РАБОТЕ И ДОМА

Социолог Надя ВЕЛЧЕВА (Народная Республика Болгария) исследует изменения материального и духовного климата в семьях молодых рабочих — выходцев из села.

ВОКРУГ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА

Как подходят сегодня на Западе к проблеме раскрепощения женщин марксисты и христианские организации, пишет Т. БЛАГОВА.